НАТАЛЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ
ПУСТИТЕ ДЕТЕЙ И НЕ ПРЕПЯТСТВУЙТЕ ИМ
ПОВЕСТЬ

Наталья Гвелесиани

Пустите детей
и не препятствуйте им

Повесть

Тбилиси, 2025

Аннотация

О детстве как уникальной поре цельности и единства с жизнью. Как не утратить с годами его верную основу в условиях некоторых противостоящих ему традиций взрослого мира?.. Что можно противопоставить уродующей индивидуальность системе ложных понятий, установок, общественных отношений? Одной из тем повести является изображение и художественный анализ проблем современного начального школьного образования и воспитания.

Публикация:

«Пустите детей и не препятствуйте им» (*журнал Нева 2020/11*)

Об авторе

Гвелесиани Наталья Александровна. (По паспорту – Гвелесиани Натэла Сандроевна). Род. в 1967г. Окончила филологический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Пишет прозу и эссеистику.
Лауреат литературной Премии им. Марка Алданова (за повесть "Уходящие тихо"- Новый журнал N247,2007). Публиковалась также в журналах "Нева" (роман "Мой маленький Советский Союз" - в сокращении, отрывок романа "Новая сказка о Гайдаре" под названием "Сказка о Гайдаре", повесть "Пустите детей и не препятствуйте им"), "Уральский Следопыт","Футурум АРТ", "Новая реальность". Автор книг "Путь неприкаянной души (О Марине Цветаевой и не только)" - (Ставрополь, издательство "Ставролит", 2013г), "Выход Алисы из Зазеркалья" (серия 'Психология') - (Москва, издательство "Велигор", 2015г). 'Мой маленький Советский Союз' - полная авторская версия. (Москва, издательство "Рипол-Классик", 2016).
Автор литературно-критических статей о творчестве М.Цветаевой, М.Горького, А.Гайдара, В.Крапивина, , а также статей о христианстве в современном мире. Интересуется религиоведением, философией, психологией.
Автор диалектического метода толкования Библии (см. сборник "Взирая на Христа").
Автор «Нового Завета в художественном переводе» (в 3-х книгах).
Также является автором оригинальной гипотезы о причинах некоторых форм аутизма (изложена в статье "Аутизм и инстинкт сохранения целостности"; в книге "Выход Алисы из Зазеркалья", также - наиболее полно - в статье «Аутизм и гештальт целостности»).
С помощью НейроСети, согласно этим новаторским взглядам не только на природу аутизма, но и природу человека вообще, автором были созданы новаторские пособия "Введение в Целостную химию для гуманитариев", "Целостная органическая химия", «Краткий словарь химических терминов для гуманитариев».
Живет в Грузии, в г.Тбилиси.

От автора:

Все мои литературные, научные и иные произведения распространяются под авторским именем (псевдонимом) “Наталья Гвелесиани” или "Гвелесиани Наталья Аоександровна", при том, что моё настоящее имя по документам — Гвелесиани Натэла Сандроевна.

Произведения на этой авторской странице и на других ресурсах, все изданные и не изданные произведения и книги, кроме тех, что были изданы под иной лицензией и срок иной лицензии еще не истек, распространяются и должны распространяться в будущем, в том числе по истечении срока иных лицензий, по данной лицензии:

Авторская лицензия:
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Это произведение распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Разрешается свободное распространение, копирование, цитирование, а также создание производных произведений (переводов, инсценировок, экранизаций и т.п.), при условии обязательного указания имени автора и сохранения этой же лицензии в производных работах. Лицензия бессрочная и не подлежит отзыву. Полный текст лицензии:
https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

© Natalia Gvelesiani, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International License (CC BY-SA 4.0).
You are free to share, copy, distribute, and adapt this work (including translations, performances, and film adaptations), provided that proper attribution is given to the author and that derivative works are distributed under the same license.
This license is perpetual and irrevocable.
Full license text: https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17696591
https://doi.org/10.5281/zenodo.17696591
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Пустите детей и не препятствуйте им

Повесть

Пустите детей и не препятствуйте им
приходить ко Мне,
ибо таковых есть Царство Небесное.

Евангелие от Матфея. 19:14

Часть первая

1

В нашем корпусе, что расположился на окраине Тбилиси под горой, за которой катает свои медленные волны водохранилище, называемое Тбилисском морем - появились квартиранты.

Сначала я увидела сверху только их головы, когда они о чем-то оживленно гомонили на балконе пятого этажа. И этих голов было четыре - две из них были похожи на одуванчики, только темненькие одуванчики.
Позже я узнала, что они принадлежат матери и трем дочерям - старшей было лет пятнадцать, а младшие были еще дошкольницы.
Я слышала, будто они собираются уехать жить в Москву, а у нас они остановились временно. Во всяком случае, обрывки речей об этом то и дело долетали до моего седьмого этажа - новые жильцы говорили громко, наперебой, и почти никогда не закрывали балконной двери.
Их мать вскоре и уехала готовить им гнездышко, оставив детей на чье-то попечение.

Но еще до ее отъезда начались приключения.

С первых же дней младшие девочки заметили в подвале черную кошку и принялись ее приручать, прикармливать.
Как-то спускаюсь на утреннюю прогулку и вижу - кошка уже сидит у них под дверью на половике.

Однако стоило мне ступить на этаж ее нежданных благодетелей, как ее сдуло как ветром.

И так стало каждый день - кошка приходила и сидела у них всю ночь, пока не начинали спускаться соседи, и тогда она убегала обратно в подвал.
Иногда я, проходя во дворе мимо резвящихся детей, спрашивала: « - Ну как ваша кошка?» «-Хорошо» - отвечали они со сдержанной гордостью.

Однажды я выхожу во двор, сажусь на лавочку, как вдруг эти девочки подбегают ко мне. Глаза горят и смотрят мимо – не на что-то одно, а на все сразу. Обе кудрявые, русые – одна крупнокостная и повыше ростом, длинноволосая, глядящая при этом еще и в себя с какой-то неизъяснимой, волшебной, пушистой улыбкой; другая – отчаянно сверлящая нежным огненным взором темных глаз это вот - все сразу! - крутолобая, с густыми барашками кудрей. Они ни секунды не могут задержаться в одной позе – раскачиваются, вертятся вокруг своей оси или хоть прыгают на одной ножке.

Спрашивают – абсолютно беззастенчиво заглядывая мне в лицо:
- А вы нашу кошку не видели?

Взгляды их становятся чуть-чуть пытливыми. И – какими-то деликатными по отношению ко мне. Словно речь идет о моей кошке.

- Нет, - отвечаю.

- А она умерла. Она стала плохая, мама налила ей воды, она немного полакала и сразу умерла.
- Надо же!..- говорю. - Жалко.
- А мы, - продолжают они, - видели ее душу в подвале. Она была темная и у нее светились два зеленых глаза.
- Ну, хорошо, - говорю, - значит, это она с вами попрощалась.
- Не она, а он, - степенно, со знанием делом поправили они меня, - Это был мальчик.
- Кот, значит... - говорю я задумчиво.

И вдруг они сообщают, уже отбегая в свои игры:

- Ее отравили. Нашу кошку отравили!

- Кто?

- Дядя, который живет в нашем подъезде. Нам это сказали по секрету.

Это, наверняка, тот дядя, которому под восемьдесят, несмотря на моложавый вид и который уже немного с приветом и из-за этого стал придирчив к порядку в корпусе и во дворе - все время что-то подметает, переставляет и следит за жильцами - бросают ли они окурки, аккуратно ли пользуются лифтом. Тот был недоволен, что дети приручили подвальную кошку и она теперь, получается, бегает по подъезду, разнося блох.

А может это и не он.

Может это вообще на самом деле – их мама. Страшно, конечно, предположить такое и язык не повернется им это сказать, но бывает и такое. Как говорится, нет кошки – нет проблем.

Но отчего-то, проходя в последующие дни подъезд, я невольно косилась на тонущую в кромешной тьме лестницу за решетчатой дверью подвала. Словно и меня могли обжечь зеленым пламенем два вознесшихся - вопреки всем смертям - глаза.

Иногда я видела тихо сидящих плечом к плечу у решетки сестер. Завидев меня, они прикладывали к губам палец. Этого красноречивого жеста было достаточно, чтобы я безостановочно следовала мимо, хотя мне и хотелось задержаться. Я понимала, что только массивный висячий замок на этой зримой преграде удерживает детей от того, чтобы они ринулись в неведомое.

Спустя неделю встречаю самую низенькую из малышек двумя этажами выше. Так уж случилось, что нам – по пути. Девочка, выбежав из своей квартиры, сначала пробегает мимо, но вдруг останавливается и, вернувшись на ступеньки, по которым спускаюсь я, спокойно произносит, стараясь идти со мной в ногу:

- Здравствуйте. А вас как зовут?

И в самом деле – пора уже и познакомиться.
- Маша.
- А меня - Даша.
- Очень приятно.
- А моя мама сейчас в Москве.
- А с кем же вы живете?
- Пока что к нам пришла жить бабушка. Но мама тоже скоро приедет - в октябре, на день рождения моей старшей сестры. Потому что ее в Москве обманули и выгнали с работы. Но она сейчас ищет новую.
- А в школу ты ходишь? Нет, знаю – не ходишь. Я хотела спросить, пойдешь ли ты в этом году в школу.
- Нет, не хожу. И сестра не ходит. Ходит только наша третья сестра.
- Сколько же тебе лет?

Долгое задумчивое молчание, потом она, что-то подсчитав в уме, показывает семь пальцев.

Добавляет, прокрутившись на одной ножке и едва не упав, потому что одновременно куда-то с любопытством заглядывает – не то на выведенные кем-то на стене каракули, не то на листву величаво покачивающегося вдоль балконов всех девяти этажей тополя:

- А моей сестре…

Лицо ее скрывается за пятью старательно растопыренными пальцами, рядом с которым тянется вверх еще один палец - указательный - с другой руки. Тонкими струйками сочится в ее огромные глаза с длинными ресницами синее-синее небушко, в котором виден белый след самолета.

Прежде чем унестись, роняет с легким вздохом:

- Мы с моей сестрой Ниной пойдем в школу после лета.

Прошло несколько дней. Только я, прогулявшись, присела на лавочку во дворе, как опять пробегает Даша. Звонко кричит, доверчиво заглядывая в лицо:

- Здравствуйте!

Так она здоровается по нескольку раз на дню со всеми соседями. Сегодня мы поздоровались утром, днем, ближе к вечеру, а теперь уже – наконец и вечер. Но в это время на площадке перед домом еще полно и детей, и взрослых.

Спрашиваю:
- А папа у вас есть?
- Есть. Но мама с ним поссорилась, потому что он продал нашу квартиру и квартиру нашей бабушки тоже. И мы теперь - живем на съемной квартире. Раньше мы жили вон в том доме на горе за дорогой - вон видите, его видно даже отсюда.
- Какой ужас - папа продал две квартиры! А как же он это смог?
- Потому что у мамы были проблемы с банком и она оформила нашу квартиру на него. И не две квартиры, а одну. Мама и бабушка жили вместе.
- Плохо...
- Да, плохо. Теперь у нас некрасивая квартира и за нее приходится платить.
- И где же теперь твой папа?

- Он ушел жить к Кетино, бывшей подруге нашей мамы. Потому что знаете… Кетино сделала для него аборт. А наша мама, когда должна была родиться Нина – не сделала.
- Этот папа - он только твой или сестры тоже?
- Этот папа - мой папа и папа моей сестры Нины. А у старшей сестры - другой папа... А еще у меня есть два крестных папы - они друзья моей мамы... Но крестная мама у меня одна... Ой, извините, я побегу уже домой, а то я в туалет хочу.

- Ты знаешь, в туалет можно сходить вон в тех кустах за оградой, там можно.
- Нет, - улыбается своей очаровательной беззастенчивой улыбкой, - я какать хочу... До свидания!

Утро. Тетя Маша уже тут как тут – тихо примостившись неподвижным изваянием на лавочке с краю детской площадки, встречает рассвет, желая и вовсе раствориться в свежести и прохладе, покуда она еще есть.

Сначала как из ниоткуда появляются кошки – по одиночке или группами из котят. Все они черные с маленькими белыми пятнышками на боках или лапках. Все передвигаются как сомнамбулы, нимало не обращая внимания на тетю Машу. Потом – как-то не заметно – их сменяют три щенка-подростка. Тоже черные и тоже с белыми пятнами, но уже побольше. Они молодые и прыткие. Пока никто не видит, они принимаются носиться кругами по двору, шутливо наскакивая друг на друга и покусывая с довольным рыком за загривки. От этих добрых молодцев не спрятаться, не скрыться. Бросив все, они подскакивают к лавочке и, пофыркивая от удовольствия, трутся о колени вынужденного оживиться человека, не забывая при этом тыкаться, потягивая носом, в ладони.
Не найдя чем поживиться, вежливо помахивают хвостами и отходят.

А в кустах за спиной шебуршит еж, давно здесь поселившийся и ставший практически почти ручным.

В листве тополей, ив и акаций раздаются первые осторожные трели иволог – то в одном, то в другом месте и вскоре их набирающие уверенность голоса сливаются в оркестр. Удивительная все-таки птица иволга. Как двуликий Янус. Она то изливается нежными звуками флейты, то – вдруг издает резкое, зловещее, не то воронье, не то попугайное «А-а-а-р»!

Но и это еще не все.
Есть в нашем дворе и кое-что поинтересней.

В тот день это кое-что было замечено вышедшей на прогулку с таксой соседкой из соседнего корпуса.

- Белочка!.. – изумленно закричала она, подняв голову к тополю, по стволу которого стремительно как ртуть в столбике термометра действительно летела вверх доподлинная, чем-то ошарашенная белка. – Ой, мама, белочка!.. Белочка!..

Казалось, женщина вот-вот взлетит по стволу вслед за уже безвестно пропавшей белочкой. А залившаяся взволнованным лаем такса поплывет за хозяйкой прямо по воздуху.

- Ой, ну зачем же так кричать…
Это вышел из нашего первого подъезда тот самый дядя. Ну, про которого говорят…
А вот я возьму сейчас и спрошу.
-Здравствуйте, дядя Саша.

- Здравствуй, здравствуй Маша. Отдыхаешь?.. Жарко сегодня. Ты посмотри – опять в подъезде валялись бумажки от конфет.
- Фантики, наверное.
- Я им покажу фантики!.. Всех квартирантов надо выселить, раз не умеют себя вести.
- Дядя Саша, а у них горе. Кто-то отравил их кошку.

Высокий седовласый мужчина с лопатой, прищурившись, глядит куда-то вдаль поверх моей головы. Словно забыл там, на невесть какой высоте, какой-то недостающий в хозяйстве предмет. Затем произносит – ровно и отстранено, но в то же время с тихим упреком:

- Нет, это не я. Человека бы я убил, но животное – никогда. У меня в детстве, знаешь, какая кошка была – бурая, размером с теленка. Я не шучу. Мы были ребята послевоенные – пять ртов в семье. Так вот – пятой была кошка.

- Хорошо, дядя Саша.
- Бывай…
Повернувшись, он удаляется неспешной чуть виляющей походкой в сторону гаражей – там у него растут три мощных – под стать дубам – ореха, под которыми разбит цветник.

Дядя Саша неутомимый труженик и если не находит работы в собственном хозяйстве, принимается рыхлить и поливать окрестные деревья и кусты, собирать мусор, подметать. Или просто – рассказывает всем и каждому про то, как можно это сделать наилучшим образом.

Кот из дому – мыши в пляс.
Только этот воинственный противник нездорового быта завернул за угол, как со стороны нашего подъезда стали просачиваться смех и детский гомон. И – вскоре оттуда вылетели пулей две девочки – Даша и Нина. Понеслись, расставив руки самолетиками, на площадку и – скорей, скорей! – взобрались на карусели. Отправились, продолжая чему-то смеяться, в свое первое на сегодняшний день кружение. Снова глядят с неизъяснимым восторгом на несущийся кругом мир, словно видят его впервые.

- Ой… Здравствуйте!!
Это они меня заметили.
Соскочили с каруселей, подбежали, подсели с двух сторон на бревнышко под ивой, куда я присела после разговора с дядей Сашей.
- А вас как зовут?
- Маша.
- А нас – Нина и Даша.
Это каждодневное знакомство – своеобразный ритуал. Ведь у сестер еще мал словарный запас, а значит, хромает и память на слова.
Слова – только повод. И действительно, не все ли равно о чем говорить?

- Вы где живете?
- На седьмом этаже.
- А мы на пятом. Вы приходите к нам в гости.
- Спасибо, как-нибудь приду.
- А у нас дома теперь – новая кошка.
- Да вы что!.. Молодцы!
- Она беременная!..

- Ну, совсем хорошо!..
- Да… Скоро будут свои котята.

Отбегают. Опять усаживаются на карусели.
Так они успевают за день переговорить, наверное, со всеми соседями.

А у меня между тем – тоже есть своя маленькая радость: только что купленный сад с огородом. Мой милый огородосадик, как я его называю.

Я надеюсь взрастить собственными руками помидоры и огурцы, тыквы и кабачки, свеклу и морковь, броккули и фасоль.

Все это, впервые увиденное как оно есть – не на рынке или тарелке – проклюнувшееся как из ниоткуда на месте собственноручно разбросанных семян, быстро покрывшееся клейкими листиками и рванувшее к небу, приосанившееся, возмужавшее и уже раскинувшее во всю ширь полные цветков ветви – представляется мне чудом, волшебством. Мне кажется, я закричу от восторга, узрев завязь первого плода.
Но, увы, плодов нет.
Только - пустоцветы.

Дед, продавший мне часть своего участка среди полузаброшенных огородов позади наших с ним практически сросшихся корпусов, куда он торжественно спускается прямо с балкона первого этажа, неся на плече мешок со смесью картофельных очисток, луковой шелухи и всевозможных гниющих плодов, - все это он выуживает поутру из мусорных баков – объясняет этот феномен так:

- Земля – очень бедная. Солнце приходит сюда – только в обед. И только и успевает, что – погладить макушки деревьев. К тому же, у деревьев, которые выросли здесь самосевом густо, как петрушка – есть еще и корни. И они уже давно сплели под ней сеть. Куда и попадают в наше знойное лето скудные осадки из твоей лейки.

- Ну как же, - говорю я, - ведь тыквы и помидоры все-таки выросли. На них – цветы!

- Ну да, природный порядок таков: сначала – цветы, потом – плоды. А у нынешней молодежи – одни цветы, одни цветы… Вот и получайте теперь – цветы. Вы думаете, у Бога нет юмора?..
Кряхтя, дед переходит с ломанного русского на родной грузинский и выдает тираду из какого-то классика. Но, почувствовав, что за столь исчерпывающим ответом должно, по идее, последовать объяснение того, почему он продал мне столь «хорошую корову» втридорога, спохватывается, и принимается проворно ссыпать гниль под хилые персиковые деревца и кустики картофеля.

- Нет возможности покупать удобрения, - простодушно поясняет он после затяжного молчания, заглядывая мне в глаза своими ясными голубыми глазами, в которых чувствуются какая-то тонкая отрешенность и лиричность, какая-то нездешность и в то же время теплота.

Весь облик деда, контрастирующий с его постоянным зудом деятельности, какой-то приподнятый над землей и напоминает мне этим птицу, причем, юную, с живыми, искрящимися на солнце капельками глаз.

За эту приподнятость я прощаю ему все.

Хотя птица это странная и даже сомнительная. Она сеет, но не жнет.
Дед под своим балконом то пилит, то стругает доски, то перекладывает с места на места бревна, то – таскает камни, копает, а чаще всего – просто любовно сортирует мусор, которым буквально захламил пространство под балконом.
Нисколько не стесняясь, он пытается делиться со мной подробностями технологии сбора своих несметных богатств, а также частью доморощенных удобрений. Но я вежливо отклоняю эти услуги.
И вскоре дед ретируется.
Ведь и приходил он только затем, чтобы сделать вид, что что-то делает.
Деятельность – это просто его хобби. Собственно, и картошку он сажал только затем, чтобы как-то отметиться на своей половине участка. А так – картошку он добывает в тех же мусорных баках.
Когда я вдохновенно рассказываю ему о книгах известных сторонников природного земледелия, он, слушая краем уха, роняет со своей элегантной, несколько загадочной, мелодичной, неизменно теплой, тонкой улыбкой:

- Я понимаю – у всех свое хобби. Кто-то увлекается охотой, кто-то – рыбалкой, А кто-то – садоводством.
Всем своим видом дед выражает мне почтение.
А я – выражаю почтение ему.
И этим мы – оказываем друг другу немалую услугу.
Хотя в остальное время – просто молчим.

Или попросту – не встречаемся.

В одно из утр, придя в очередной раз в этот странноватый уголок природы и опять не найдя там плодов, я устало ложусь на траву в междурядьях. Еще очень тихо. Пчела беззвучно облетает оранжевые чаши на извилистых как реки стеблях тыкв. По ним же – как бы плывет пассажиром задумчивый муравей, держа какую-то былинку. К задней стороне бархатного листа прилепилась улитка. Другие улитки попали в прозрачные застенки целлофанового пакета, где их целая куча. Одни из них, к счастью, спят или притворяются спящими, но некоторые пробудились и, вытянув глаза-антенны, пытаются найти выход.

Позже я аккуратно высажу их в бурьян на пустыре. Мол, осваивайте, друзья, новые земли.

Это послание я пытаюсь донести до улиточного рода буквально ежедневно, отрывая от него в день по пакету.

Другим пожирателям огородных культур пока что везет – им великое переселение не грозит. Ведь наука пока не изобрела средств мирного и безболезненного изгнания, например, муравьев или божьих коровок, не говоря уже о тлях, клещах, пауках. И – что самое грустное – даже не пытается двигаться в этом направлении. Самое гуманное из того, что она пока может – это разведение насекомых-хищников, которые питаются огородными вредителями. Наука привыкла опираться на здравый смысл, а не на нравственное чувство. Какое ей дело до какой-то маленькой ядохимикатной войны в пределах царства насекомых.

А взять, например, сорняки.

Мне представляется, что в языке любого народа есть не только сочные и прекрасные слова-плоды, не только их тени – антиподы - слова-паразиты, но и целый пласт слов-

пустоцветов, родившихся в результате прагматичного обобщения чьего-то недалекого ума, радостно подхваченного толпой. Такую ложку дегтя можно отыскать даже в некоторых народных сказках, поговорках, пословицах, где прославляются хитрость, коварство, зависть, корысть, пренебрежение к другим народам.
Так вот – слово «сорняки» - тоже из этого коварного рода.

Это всего лишь ярлык для такой же божьей травы, как и повсюду.

Сорной она становится, попав в плен оград, где ее вдруг принимаются рвать с корнем, вытаптывать, муштровать – словом, всячески теснить.
А еще ее закладывают в бочки, заливают водой и, дав перебродить, питают затем ее кровью землю. Или сеют и, безжалостно срезав до цветения, закапывают, чтобы вся ее свежесть перешла в прах, откуда потом и взойдет хлеб наш насущный.

Но где же выход?..

И почему это так?..

Я часто задаюсь этим вопросом.
И как будто то бы – выхода нет.

Ведь если не потеснишь другую божью траву – «не нашу» - то не вырастишь «нашу», так сказать, кровную, «свою».
Окультуренные растения крупней, сочней, вкусней, чем в дикой природе. Но и беспомощней, слабей.
Без войны поддерживающего их земледельца со всем «не нашим» им пока не выжить. А, следовательно, – не выжить и земледельцу со всем своей родней.
Причем, он вынужден методично давить и на культурные растения, прибегая ко всяческим уловкам, требуя и требуя от них урожайности, очень часто превышающей их природные возможности.

Но что если немного сместить ракурс зрения?
Что если перестать делиться на наших и не наших и вспомнить, что все мы – земляне?

Что если направить всю мощь коллективного разума в виде возвышенной науки – не на борьбу, а на поиск сосуществования?..

Тогда – кто знает? – быть может, вдохновившись нашим примером, «**волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому».**

«Все в ваших руках!» - словно говорит мне смоковница на соседнем участке. Еще зеленые, мелкие ее плоды овевает нежная утренняя дымка.

Не все знают, что смоковница – одно из возвышенных названий нашего обыкновенного инжира.

Как-то к огороду подбежали, пересмеиваясь, Даша и Нина, влетели с разбегу в калитку и, прыгая и вертясь по своей привычке на одной ножке, чтобы захватить в поле зрения сразу все-все, возбужденно спросили:
- Это что – все ваше?! А когда у вас вырастут цветы, можно мы сорвем один цветочек?
- Можно. Но только один. И такой, у которого есть братики на одном кустике. Но я бы на

вашем месте и этого одного не стала отрывать от семьи. И уж тем более – вырывать с корнем.
- А разве вы не дарите цветы маме?
- Ну, понимаете… Скажу вам честно – нет, не дарю. Моя мама любуются ими с балкона.
- А у нас с этой стороны балкона нет. Можно мы тогда приведем сюда свою маму, когда она приедет?
- Конечно, приводите!
- Вы знаете, а вон там, где стоит машина, есть яблоня. Мы иногда собираем ее яблоки для бабули, чтобы она варила компот.
- Ой, девочки, эта яблоня питается бензином, угорает в выхлопных газах. Не трогали б вы этих яблок…
- Да нет, они хорошо пахнут. А вас как зовут?
- Маша.
- До свидания, тетя Маша!

Опять продолжились кошачьи истории.

Как-то Даша с Ниной, перехватив меня на ступеньках у своего пятого этажа, – лифтом я стараюсь не пользоваться и это обстоятельство впервые сулит мне маленькие приятные сюрпризы, - возбужденно вскрикнули:
- Здравствуйте!!
- Здравствуйте-здравствуйте… А это не ваша новая кошка приходила сегодня ко мне под дверь в 6 часов утра?.. Мяукала там.
- Она серая была?! Наша!!! Где она?!
- Не знаю, наверное, убежала.
- Вы на каком этаже живете?
- На седьмом.
- Наверное, она убежала на восьмой, к строгому дедушке с веником. А тот ее прогнал.
- Что вы за люди – то черную кошку ищете, то – серую…
- Она у нас беременная!

Не попрощавшись, понеслись галопом вниз.

Только вошла я в дом, как стали слышны со двора истошные, и, как мне показалось, отчаянные крики Даши. Выскакиваю на балкон и вижу, как по дороге вдоль корпуса со всех ног несется Даша с каким-то темным комочком в руке и кричит с невероятным восторгом на всю округу:
- У нее выпал котенок, у нее выпал котенок!!!.. Наша Мурка родила!!!

Позже я видела сверху, как Даша, слегка раскачиваясь, терпеливо выслушивала выговор от тети Элисо – продавщицы продуктовой будки у подъезда, где семья отоваривалась в долг:
- Ну подумай, Даша, ведь этот люк был ее роддомом. Кошка могла попасть в дурдом, когда ты в него ввалилась. Хорошо еще, что ты сразу вернула ей ее сокровище.
Даша понимающе кивала.
Потом взяла нагруженный доверху пакет и, приобняв его обеими руками, побежала в подъезд.

Какое-то время наши пути не пересекались. Я нигде не видела знакомые фигурки, не слышала звонких голосков.

Наконец появилась Даша. Подъехав на роликах к подъезду, когда я из него выходила, она сходу сообщила:
- Кошки больше нет. Она убежала из нашего двора вместе с котятами.
- Что ж… Так будет лучше для всех.
- А еще мою сестру Нину сбила машина.
- Как это?! Когда? Где?!
- Вчера и еще вчера и еще вчера…Она играла возле этих кустов у подъезда, а потом вышла из них на дорогу. А там как раз ехала машина. В этой машине была еще жена шофера и их ребенок. Жена увидела Нину и быстро схватилась за руль. А водитель нажал на тормоз. Но у Нины все равно попала под колесо ножка. Они сразу взяли ее на руки и отвезли в больницу. Заплатили там за все.
- И как она? Все еще в больнице?
- В больнице она была с тех пор как родилась вот сколько раз…- Даша показала четыре пальца. – Но сейчас она дома. Лежит с забинтованной ногой и играется в компьютере.
-Ну а ты?.. Ты-то чего ездишь на роликах по дорогам – беги кататься на площадку.
- За меня не волнуйтесь – я ловкая. И потом – все это случилось из-за того, что когда мы были на кладбище, я подняла с могилы монету… Но мама зарезала в Москве петуха и Боженька больше не сердится.
- Ох, Даша, зря ты веришь во всякую чушь.
- Нет, что вы – это все очень серьезно! И потом – так говорит мама!

Все лучшие помыслы девочек были направлены к образу мамы. Этот образ они бережно лелеяли, поместив в самый центр горячих сердец и охраняли от любых нападок. Даже от нападок собственной матери на этот же самый образ.

Иное отношение было у них к отцу.

- Наш ненормальный папа, который оставил нас без квартиры, - рассказывала Даша, - передал сегодня через друга сумку с кока-колой, хачапури и шоколадом. Мама написала Инге на телефон, что лучше бы – обувь купил. Знаете, он дожил до этих… до пятидесяти пяти лет, но никогда не работал. А в молодости он сидел в тюрьме, потому что был вором. Свою квартиру он тоже давно продал, а теперь живет у своей любовницы, у Кетино. Потому что у нее большая квартира и она купила ему джип… Вы видели когда-нибудь тут белый джип? Это он иногда приезжает, звонит Инге, нашей сестре, и передает подарки. Правда, потом сразу уезжает – он боится нашу бабушку. Стесняется ее… Хотя вообще-то наша бабушка умерла.
- Как умерла?! Вот эта вот бабушка, что…
- Нет-нет, эта бабушка, что живет у нас – это мамина тетя. А та, наша родная – она отравилась из-за несчастной любви, когда маме было шесть лет, а тете Любе – два годика. Напилась разных таблеток. Их было сто двадцать штук.

- Вообще-то, Даша, Кетино хорошая, - осторожно вставляет Нина, - вот помнишь она в прошлый раз, когда мы звали папу со двора, спустилась и дала конфеты.
- Я не хочу ее конфет.
- Но ты же их взяла? Взяла, да?..
- Дурында, я их потом выбросила.

Но и тут – побеждала любовь и неистребимая детская доверчивость.
Через полчаса после этого рассказа Даша уже хвалилась мальчишкам, с которыми они то играли, то ссорились по десять раз на дню:
- Мой папа – самый сильный и красивый. От сильной силы у него даже выпали с головы почти все волосы. У него – большие усы. Когда мы с Ниной были маленькие, он катал нас на плечах. Вы видели его белую машину? У него там под задним сидением есть

пистолет… Честно-честно…Он говорит: «Даша, если что – ты только скажи».
- А что ты, что ты можешь сказать? Ну скажи-скажи, если сможешь!
- А вот и скажу!

Достав из кармана телефон с потертым экраном, карту для которого купил как раз папа, и как раз сегодня, Даша, не долго думая, набрала его номер и энергично прокричала:
- Папа, здравствуй!.. Слышишь, папа, меня мальчики обижают!
- Что?..
- Меня мальчики обижают. Ты бы не мог мне помочь?

Из телефона послышалось какое-то глухое ворчание и он, к величайшей досаде Даши, отключился.
- Ну и где твой папа? – торжествующе сказал друг-недруг. – Лично мой папа – он вот он, видишь, стоит с друзьями у магазина. А где папа твой?

Этот вопрос, по-видимому, не на шутку вывел Дашу из себя.

- Я обижена на папу, - хмуро поведала она мне как свидетельнице происшествия, потерянно опустившись рядом на лавочку.
И чуть позже, когда Даша с Ингой ходили за продуктами в универсам, близ которого и жил отец, Даша, заметив его в окружении друзей тоже у какого-то магазинчика, подлетев к нему, вдруг выпалила:
- Папа, у нас дома кушать нечего, а ты - тут!
Отец густо покраснел.

Вскоре на московский телефон матери поступил звонок.
Мать, вступавшая в переговоры с отцом своих младших дочерей только через третьих лиц, трубки не взяла. Но звонки продолжали непрерывную атаку. И она поняла – что-то стряслось. Сняв же трубку – услышала брань задыхающегося абонента, который как бы из-за всех сил старался сквозь нее прорваться, материализоваться в комнате. Крикнув в ответ:
- Погоди, я так ничего не слышу! – она отодвинула аппарат на расстояние вытянутой руки. - А теперь говори.
Но трубка, прежде чем оттуда донесся более - менее связный рассказ о случившемся, еще долго извергала проклятия.

Эту концовку, над которой мы все посмеялись, рассказала мне Инга.
Ей частенько приходилось являться под балкон отчима, где он жил у своей Кетино, и просить у того денег.
Пара была бездетна, жила тихо и уединенно, причем, Кетино тоже не работала, но то и дело летала к работающей в Украине матери, где, по-видимому, добывала какие-то средства к существованию.
В эти-то периоды стояние Инги, а иногда и всех трех сестер под балконом наглухо зашторенной трехкомнатной квартиры на втором этаже – принимало катастрофические масштабы для скрывавшегося в ее глубине папы. И он просто не выходил на балкон.
Выполняя эти поручения, Инга успевала проведать всех своих друзей по старому дому и порой так задерживалась допоздна, что ее собственной матери, когда та еще была здесь, тоже хотелось прорваться сквозь телефонную трубку и, материализовавшись джином между дочерью и ее неизвестным или попросту воображаемым кавалером, устроить им там бурю в пустыне.

Инга в свои пятнадцать лет выглядела на все семнадцать. И все ужасно за нее боялись. Даша часто увязывалась за сестрой, когда та уходила по делам либо на прогулку, причем,

не только по просьбе бабушки, но и по собственному почину.
- Инга, ты куда?.. – строго спрашивала Даша, завидев маневры сестры по отдалению от корпуса.
- Мне подружка позвонила. Будь здесь, а я скоро приду.
- Я - с тобой! А то бабуля покажет тебе подружку. И дружка – тоже покажет!
- Правильно, Даша, - одобрительно подмигивала я, - Сестру ухажерам – не отдавать!

Вообще же Инга, казалось, была не в семью. Сдержанная и молчаливая, с тонкими чертами лица и фигурой с развитыми формами, плавной походкой, неторопливыми движениями, негромким голосом, никогда не интересующаяся чисто детскими забавами – она проводила свои дни за зеркалом и компьютером, отмахиваясь от семейных забот. Учась в грузинской школе, она и по-русски-то теперь говорила с акцентом. Похоже, что необузданные нравы родни тяготили ее. Настоящие свои чувства эта девочка уже научилась скрывать, прячась, как в домик улитки – в маску равнодушия с присущей тому двойной жизнью.

Это так контрастировало с еще невинным, цельным поведением Даши, у которой, как и у всех еще безрассудных детей, природная доброта причудливо переплеталась с неприкрытыми звериными инстинктами.

Тем не менее, сестры были дружны. Они могли гулять, держась за руки. И у Инги, которая даже во время прогулок была погружена в свои мысли, прояснялось лицо и на губах ее, когда она рассеянно слушала щебет Даши, проступала едва приметная нежная улыбка.

Вот они выходят, взявшись за руки из подъезда. Инга целует сестру и говорит: «Пока-пока», отрывается на шаг-другой и плывет гладкой походкой в свое немного грустное далеко. Там ее подхватят под руки и уведут в свой мир более веселые подруги, а, может быть, и дружки. Пока она просто плывет по течению. Она не знает, чего ей хотеть. Она зависла в закольцованном времени.

Даша же со всех ног кидается в проход на площадку, где я прогуливаюсь со своей пожилой матерью. Разбег – и она повисает у меня на шее.

Моя мама в шоке.
- Деточка, ты же тяжелая, - говорит она Даше с неудовольствием.
- И часто это происходит? – оборачивается она ко мне. – Ты же кишки подорвешь.
Она еще пытается что-то говорить и даже в сердцах бросает вблизи моего уха:
- Да это же не ребенок, а обезьяна. Смотри – она вскарабкалась на забор и уже раскачивается на ветках деревьев.

Но я, отмахиваясь, приветливо улыбаюсь.
Даша, подхватывая эту улыбку, словно расцвечивает ее всеми цветами радуги. Все больше воодушевляясь, она продолжает молча «выделываться» (на взгляд моей мамы). А на самом деле - демонстрирует всевозможные пируэты, и артистизму ее нет предела. Спрыгнув на землю, она в довершении программы делает колесо и садится на шпагат.

- Ее надо отдать на гимнастику, - говорит мама уже спокойнее.

Тут Даша, потянув меня за руку, просит:
- Пожалуйста, отойдем на минутку.
Там, в сторонке, она шепчет:
- Тетя Маша, а почему ваша мама с вами спорит?
-Честно говоря, я не знаю.

Тут надо заметить, что мама не могла простить Даше одного эпизода.
Как-то, когда она возвращалась из магазина, сгибаясь под тяжестью продуктовой сумки, мимо прошли Даша со своей матерью – тогда они только вселились в наш корпус и еще никого не знали.
- Прабабушка идет, - бросила на ходу Даша.
Ее мать, покосившись на мою мать, коротко рассмеялась.
- Не прабабушка, а бабушка, - уточнила она со смехом.
- Нет, это прабабушка, - энергично возразила Даша.

Дети всегда определяют возраст очень точно.
Разумеется, мне тоже не понравилось, когда Даша однажды заметила, что я уже «перехожу к бабушкам».
Но смириться с переходом к прабабушкам – дано не каждому.

Был еще случай. Даша спросила:
- Тетя Маша, а почему бабушка со второго этажа сказала, что у меня противный голос?
- Потому что это ненормальная бабушка! Ну, понимаешь, у бабушек в определенном возрасте начинается маразм.
- Нет, тетя Маша, бабушка хорошая. Просто я не понимаю, почему она так говорит.
- Поменьше кричи в подъезде. А с голосом у тебя – все в порядке.

Это дашино «нет, бабушка хорошая» заставило меня в дальнейшем выбирать слова. И вообще, я стала относиться к своим повседневным привычкам критичней. Например, мне пришлось заменить рванные кеды, в которых я ходила на огород, а потом – на свою утреннюю прогулку по площадке перед домом, полагая, что все понимают, что это я так– еще с огорода.
Даша вдруг воскликнула:
- Ой, тетя Маша, у вас в кедах дырка.
Я ответила:
- Да, надо сменить.
Но не стала.

Тогда в следующий раз Даша вкрадчиво так спрашивает у меня:
- Тетя Маша, а вы знаете, что у вас порвалась обувь?.. Нет-нет, если вы знаете, то – все в порядке. Просто я на всякий случай спрашиваю – вдруг вы не знаете.

Очень удивилась «прабабушка» - моя мама – пилившая меня ровно за то же самое, что я так поддаюсь влиянию Даши.
И почему-то рассердилась.

Но больше всего маму возмущали сцены у продуктовых будок.

- Да-ша!.. – раздавался с балкона монотонный, но пока что еще вежливо-просительный голос Инги.
Этот призыв повторялся по многу раз за день, начиная с первой дашиной прогулки. Причем, вначале он словно не доходил до ушей адресата. Даша продолжала невозмутимо играть.
- Даша! – вновь и вновь развевался как белое полотнище неотвратимый, все более крепнущий, все более властный призыв. Нотки вежливости в нем становились так редки, что соединяющая их струна могла вот-вот порваться.

Даша, наконец, раздраженно выкрикивала:
- Что?!

- Сходи к тете Элисо, возьми в долг кофе, картошку, сигареты и – сама знаешь что. Бабуля просит…
- Ох, Инга, иди сама. Мне стыдно!..
- Даша, бабуля очень просит.
- Пусть Нина пойдет!
- Никуда я не пойду! – орет с другого конца площадки Нина.
- И я не пойду!

На некоторое время воцаряется тишина. Инга больше не выходит на балкон.
Даша и Нина продолжают настойчиво заниматься своими играми – кто чем.

Но дело сделано. И вскоре Даша, сбросив притворную погруженность в забавы, вздохнув, направляется к будке.

Там она долго переминается с ноги на ногу, ожидая, когда продавщица сама обратит на нее внимание и задаст какой-то вопрос. Тогда Даша, подпрыгнув, обопрется обеими руками на стойку будки и повиснет на них – так ей удобней вести переговоры прямо в окошко.
Потом она потащится в подъезд уже с пакетом. Иногда – с очень тяжелым пакетом.

А, бывало, Инга крикнет сверху:
- Нина, пойди к дяде Серго – передай ему записку… Беги скорее, там папа.
- Папа?! У дяди Серго?!
- Да. И пусть еще даст лук и зелень.

Нино проносится через площадку как метеор.
Там, за площадкой, заброшенные огороды. За ними – гаражи. И в одном из них – магазинчик дяди Серго, совсем еще молодого мужчины, который в свободное от покупателей время играет с товарищами в домино и попивает пиво – для этого у них есть стол и скамьи в виноградной беседке.
- О, Даша-Маша пришла, - бросает он скороговоркой.
Товарищи улыбаются.
Но среди них почему-то нет папы.
Наверное, он уже ушел.
Эх, надо было бежать быстрее.

- Дядя Серго, мама просила дать в долг… Ну, в общем, вот записка.

Вернувшись на площадку, она кладет в лифт пакет, а Инга потом вынимает его на своем этаже.

- Нина, бабуля еще сахар просит. Возьми еще, пожалуйста, сахар. Но меня уже дома не будет – я ухожу.
- Инга, ты уже надоела!.. Хорошо, допустим, я принесу сахар. Но кто его поднимет?
- Твой папа!..

Молчание.
- Эй, Нина!.. Ну быстрей… Мы кушать хотим.
- Обманщики. Не было там никакого папы!

Как-то я услышала такой диалог между случайно налетевшими друг на друга во время игры Ниной и Дашей.
- Ты ей уже приносила?

- Нет, ей сегодня уже больше не надо.
- Ну конечно, она же вчера упала и лежала пока ты ее не подняла.
- Я сначала хотела позвать на помощь соседей, но бабуля сказала – не надо, стыдно. Что мы маме скажем, когда она будет говорить с нами в скайпе?..
- Даша, я ей не приносила. Это все ты.

В такие дни – балкон на пятом этаже пустовал, как заброшенный скворечник.
А моя мама высокомерно прикрывалась зонтиком, если ей доводилось совершать пешие восхождения пешком.

В этот день, поднявшись высоко над Землей и обозрев ее в воображении с высоты, любой здравомыслящий землянин мог бы ужаснуться содеянному в Пальмире.
Любая женщина разрыдалась бы от увиденного в Донбассе. А любой настоящий мужчина захотел бы разогнать в честном кулачном бою какую-нибудь очередную четырехстороннюю встречу-вечеринку президентов.
Шли на работу полицейские и бандтиы, генералы и финансовые магнаты, таксисты и дворники, учителя и доктора.
Спускался на тоненькой струйке слюны огромный черный паук.
Летела к своей страшной судьбе муха.
Падал жук вместе с облетевшим тополиным листом.
Великие державы привычно демонстрировали друг другу боеголовки.
А на площадке перед нашим корпусом, высоко взлетая на качелях, две девчушечки – Даша и Нина – дружно пели популярную в интернете, но не популярную в государственном эфире песенку-шутку про чужого президента и его маму. Но при моем приближении - так же дружно смолкли.
- Ой, здравствуйте, тетя Маша!.. А вы же ничего не слышали, да?.. А то мама нам не разрешает петь на улице.
- А кто вас петь научил – бабушка?
- Нет-нет, что вы – это мы сами.
- Ладно. Считайте, что я вам поверила. Слушайте, вы тут так разогнались, что еще немного – и улетите в космос! Кстати, а вы хотели бы быть космонавтами?
- Нет! – звонко выкрикивает Нина.
- Нет! – вторит ей Даша.

Я искренне удивлена:

- Но почему?!
Нина весело отвечает за двоих:
- А мы не готовы покидать Землю!.. И с мамой – тоже расставаться не хотим!

Начинает накрапывать дождь. Прозрачные капли полируют башенки под старой акацией, которые дети построили из оранжевых стеклышек. Шуршат по листве. А потом, припустив, вдруг превращаются в градины. Сильный порыв ветра заставляет градины лететь косо, почти отвесно – ударяясь в прислоненный к стволу лист жести, они звенят с гулким эхом.

Все мы, укрывшись под навесом, заворожено слушаем эту все нарастающую, убыстряющую темп мелодию. Следим, думая о чем-то своем, а точнее – совсем не думая, за танцем белых горошин.

…Все. Небо уже чистое. Горошины стремительно тают, в том числе на наших ладонях. Оранжевые стеклышки таинственно поблескивают, окутанные какой-то тонкой, хрустальной дымкой. Тонко разливается синева. Пробует голос птица.

- Лука! – кричит вдруг Даша. Она бросается к подъезду, из которого выходит упитанный мальчуган лет двенадцати. Это их двоюродный брат, пришедший вчера в гости со своей матерью – тетей Любой – и оставшийся с ночевкой.

- Лука, одну минутку!.. – Даша пристраивается к нему сбоку, стараясь приноровиться к его размеренному, солидному шагу.
Но и Нина уже тут как тут. Взяв Луку под руку, она пристраивается с другой стороны. Лука снисходительно усмехается, слушая их болтовню.
- А скажи, Лука…э-э-э… ведь мама больше любит меня? – спрашивает в какой-то момент Нина.
- Нет, меня! – тут же вставляет Даша.
- Меня!
- Нет, меня!

Как неуловима эта перемена! От благодушия не осталось и следа. Девочки раскраснелись и вот-вот подерутся.
- Ну вот что – она никого не любит. Понятно?! – ставит свою вескую точку Лука и убыстряет шаг.

Все трое скрываются за поворотом.
Но вскоре появляется раздосадованная Нина. Утирая на ходу слезы, она вбегает в подъезд.
- Нина, что случилось?
- Ничего!
Из-за никогда не закрывающейся балконной двери на пятом этаже долго слышится сердитый рев.

Однажды я застала Дашу гуляющей с какой-то большой фотографией в золотистой рамке.
- Это мама, - сказала она немного нехотя. – А это у нее на руках я в первый мой день рождения.

С фотографии глядела в упор задумчивым, не видящим, бесконечно чем-то удивленным, серьезным взором молодая рыжеволосая женщина, державшая в руках зажмуренного младенца так, словно это было облако, до которого она каким-то образом дотянулась. И которое – гляди – растает.

- А я – у мамы в желудке! - гордо пояснила прибежавшая на разговор Нина.

- Ты так хорошо помнишь, что было до рождения?
- Отлично помню! Вы же знаете что у меня… ну это… косоглазие. А знаете почему? Потому что когда я была еще в желудке, папа ударил маму в спину битой. И попал мне прямо в глаз!

- Господи боже мой... Ну а ты, Даша, ты-то где была до рождения? Можешь вспомнить? – тороплюсь я перевести тему.
Дашу этот вопрос ставит в тупик.
Она некоторое время моргает своими огромными ресницами. Потом неуверенно произносит:
- Значит, дело было так. Сначала была Инга. А потом Инге надоело быть одной и она попросила маму, чтобы та родила ей сестру. Ну мама и родила – сначала меня, а потом – Нину.

Она пытливо посматривает на меня, словно на экзаменатора, который должен вынести какой-то вердикт. И уже по этому вердикту станет ясно, верны ли ее воспоминания.

- Хорошо, Даша. У тебя классная помять!… Хочешь, я вынесу шахматы?

- Хочу! Но я рассказала еще не все. Когда я родилась и увидела тетенек в белых халатах, то подумала – «Какие все дураки!».
- Как так – ты же еще не умела говорить.
- Но думать-то я умела.

Это уже стало традицией – наши игры в шашки шахматными фигурками на маленькой магнитной доске. Играет Даша неуверенно, но при этом вид у нее – как у бывалого игрока. Но этот бывалый игрок словно зажмурен, как тот младенец на фотографии. Хотя на самом деле посерьезневшие глаза Даши широко раскрыты. Однако блеск в них – какой-то кукольный.

Нина тоже играет в «шахматные шашки», но сугубо по-своему. Не сумев понять смысла передвижения фигур, она задорно поет:

- Диги-диги-так!... Оп!..
И ставит шашку туда, куда ей захочется. Сметая ею шеренги других шашек.
А после – отчаянно хохочет.

Но Даше не нравится ее хохот. Она немного отодвигается от сестры и вдруг, припав к моему уху, шепчет – горячо и в то же время немного падающим голосом:
- Тетя Маша, будьте моим Лунтиком.
- Даша, а это кто? – спрашиваю я тоже шепотом.
- Вы что – не видели мультик про Лунтика? Ну, это такой зеленый человечек, он прилетел с другой планеты. Он дает всем добрые советы. И у него есть друг Кузя – ну, такой кузнечик.
- В общем, старший друг.
- Наверное… Тетя Маша, вы приказывайте мне что-нибудь, а я буду исполнять все ваши желания. Честно-честно. Но пусть это будет нашим секретом, ладно?
- По рукам!..
- Жду приказа!
- Вот тебе мой первый приказ: Даша, вырасти, пожалуйста, хорошим человеком.
- Есть! Ваш верный Кузя обязательно исполнит это желание!

Даша загадочно улыбается.
Озорно сбросив фигурки с доски, она отбегает вдаль и украдкой – так, чтобы не заметила сестра - посылает воздушный поцелуй.
Она посылает его так осторожно, словно дует на одуванчик.

Придется мне вечером залезть в интернет и познакомиться с этим Лунтиком.

- Знаете, а мама до сих пор не нашла в Москве работу. Боюсь, что из-за этого она приедет только к зиме. Вот я никак не пойму, почему ее все ищут-ищут и никак не могут найти, эту работу? – делится своими мыслями Даша, когда ненадолго подсаживается ко мне на лавочку, отвлекшись от игр с детьми.

- У мамы хоть есть там к кому обратиться в случае чего?
- У нас там живут два дедушки. Но они – почти мертвые.

Произнеся последнюю фразу, Даша пожимает плечами и вздыхает.
Потом недоуменно спрашивает:
- А почему люди умирают?
- Ну, Даша… Понимаешь… Наверное, так. Земля – она на самом деле маленькая, она умещается у Бога в ладонях. А Бог живет в Раю, которому нет ни конца, ни краю. Там все постоянно меняется, все – волшебное, интересное, захватывающее. Ну, как сейчас у тебя. А дедушки с бабушками на маленькой Земле уже все посмотрели. Все, что хотели – сделали. Или не успели сделать, но – это уже их проблема… И представь – чем бы они еще тут занимались, если б жили вечно?.. Жить на Земле вечно – это значит вечно скучать.

Услышав эти слова, Нина тоже бросает игру и подсаживается ко мне с другой стороны скамейки.

- Тетя Маша, а я боюсь умирать. Я же чуть не умерла, когда меня сбила машина, - говорит она, усмехаясь. В отличие от Даши, которая, вопрошая о том и сем, всегда предельно серьезна, она не чужда черного юмора. – Вы знаете, а жизнь мне правда кажется какой-то… ну… не знаю, как это сказать. Ну, какой-то такой, что прямо – ах!.. Все прямо такое красивое, такое хорошее.
- Волшебное, - подсказываю я.
- Да, тетя Маша!.. А еще знаете, я иногда просыпаюсь ночью и начинаю всех жалеть. И у меня начинает болеть вот здесь, где сердце. И еще в середине живота – прямо под ребрами. Но мне приятно-приятно. А у вас так бывает?

Даша, которая с появлением Нины с другого моего бока, возмущенно выдавила что-то вроде «Э-э!..», крепко прижимается ко мне. Вперившись взглядом в сестру, она зло произносит:
- А что это ты так смотришь тете Маше прямо в глаза?..

Тут надо заметить, что такие же доверительные – без малейшей оглядки - отношения у девочек были не только со мной, но и со всеми взрослыми людьми, которые принимали в их жизни хотя бы мимолетное участие. Они не только приветливо здоровались по многу раз на дню с соседями, продавцами и дворниками, но и немедленно бросались обниматься с теми из них, кто отзывался на это с улыбкой. А Даша даже бегала в соседний двор, чтобы посидеть-поговорить с одной престарелой бабушкой, которая выходила продавать кухонную утварь. Правда, иногда наградой ей – становилось мороженое. Но не в этом суть.

А вот отношения с другими детьми, так же как и отношения друг с другом – складывались у сестер не столь радужно.

Дети могут в один миг, защищая свои кровные интересы, которые кажутся нам, взрослым, смешными – превращаться в маленьких зверьков. А после – тоже вмиг – возвращать свое привычное лицо. И еще не чувствовать за этими переходами – какой-то мучительной для сердца безвкусицы. Мне не раз приходилось, разнимая их, ощущать свое бессилие. Дети не только не улавливали своей противоречивости, но и не имели внутреннего конфликта.

Но как-то меня осенило, что другая – скрытая – конфликтующая с их «я» – сторона конфликта могла бы появиться … в результате моих усилий!..

Да-да, благие намерения показать им, мягко говоря, некрасивость зверька, да так, чтобы они буквально встретились с ним взглядом – и привела бы к его появлению как отдельно существующей субличности.

Которая немедленно отправилась бы в тартар подсознания.

Пока же – тени не было.

Как не было и отдельного, возвышающегося над цельностью эго.

И что мне теперь оставалось делать?..

Это был большой и серьезный вопрос.
Я решила пока что – ничего не делать.

Я просто наблюдала, как камешки медленно перетираются, обтачивая друг друга. И как таким образом – возможно, формируются алмазы.
В конфликты детей я решила вмешиваться, только если они угрожали чьей-либо безопасности. И то – без долгих выяснений того, кто больше виноват, да и вообще – без поисков виновных.

Во всем же остальном я положилась на заложенный внутри нас всех саморазвивающийся механизм Красоты.
Но я не знала, куда выведет такая дорога.
Более-менее понятно было одно – Красота это цветок, который необходимо поливать и подпитывать. А садовники тут пока что – взрослые.

Мне вспоминался один из вариантов древнегреческого мифа о Кроносе-Сатурне.

Когда-то Бог Неба Уран и Богиня Земли Гея были едины.

Но их динамичное супружество было разрушено – и разрушено по нескольким причинам.

Во - первых, Уран был слишком творческим, слишком фантастическим. Он так фонтанировал идеями, что его фантазия создала помимо прекрасных творений немало чудовищ. Которые он, недолго думая, сбрасывал в недра Земли. Мол, не родила бы ты их, матушка, обратно?
Корчась в антиродовых муках, матушка терпела-терпела, да однажды не выдержала, и обратилась за помощью к старшему сыну Кроносу, чтобы тот урезонил папашу. (А может Кронос, был младшим сыном).
Кронос был – прообразом нашего современного требовательного родителя. Который разрешает конфликты тем, что – запрещает их.

Мифологический Кронос и разрешил конфликт отца и матери радикально.

Он попросту оскопил Бога Неба и стал править сам.
С тех пор – неожиданностей стало поменьше.
Но и Жизнь перестала бить ключом.

Союз Неба и Земли был разрушен.
И, возможно, как видится мне продолжение этого скорбного сказания – именно в результате этого появился Аид.
В Аиде поселился Фобос.
Миром стал править великий Страх.

Страх и низший, ползучий разум.
Хотя некоторым казалось, что они живут в Золотом веке, так вдруг все стало гладко да ровно.

В наше время эпоху такого правления назвали бы казарменным коммунизмом.

Помня о своем преступлении, Кронос стал страшиться собственных детей и на всякий случай проглатывал их сразу же после их рождения.

И только благостного Зевса он не смог поглотить.

Это Зевс вывел из пены морской Афродиту. Ту самую Афродиту Уранию, что родилась из чудом сохранившегося в водах Океана семени Неба.
Кронос же – оказался в Тартаре.
Как говорится, не рой другому яму…

Разве мы не проживаем этот миф, начиная прямо с пеленок?

Что в нас хотят запеленать?..

И как мы можем не смириться и восстановить утраченную Жизнь?

Культ Сатурна был распространен среди многих народов в бытность их исторического детства. Где-то его называли Шани, где-то – Сетом, где-то – Фавном, где-то - Паном в облике козла. А где-то – просто старухой-Смертью с серпом или косой.

Более того, некоторые исследователи прослеживают этимологическое сходство между именами «Сатурн» и «Сатана», а также между характерами их носителей. Этот он тот самый Властелин Колец Саурон из трилогии Толкиена.

Но вот на смену отцу-самозванцу пришел истинный Отец, явленный в Иисусе Христе.
И как будто бы все сразу должны были увидеть колоссальную разницу между этими лицами.
Но не тут-то было! Сатурнианцы не торопились сдаваться, и не сдались до сих пор. Хотя Христос сказал всем ясно: «Ваш отец – дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины».
Впрочем, это не повод обижать стариков. Да и согласно греческой версии мифа о Кроносе – тот в итоге был прощен, вызволен из Тартара и нашел пристанище на Острове блаженных.

Но что если маленькие дети – это дети Урана? И могут приходить к Иисусу непосредственно, минуя искушения узкого разума уже падших старших?
Может быть, дети – как те самые язычники, до которых достучаться проще, чем для иных «иудеев и эллинов»?
Потому что старость, болезни и смерть – действительно не норма. Отнюдь не норма!
Доколе нами будут управлять какие-то скелеты из шкафчика в подсознании?!

Вот подбежавшая Даша, сдерживая из всех сил слезы, показывает царапину на руке:
- А там опять этот плохой мальчик Саба на дороге, который сделал мне вчера это!
- Он, случайно, в тебя не влюблен?
- Ага, влюблен! – хмыкнув, Даша сердито тараторит, - Когда мы только сюда переехали, он увидел меня в магазине, а потом всю дорогу шел рядом и спрашивал, как меня

зовут. Потому что я не отвечала. Но когда он уже и в подъезд за мной увязался, я спросила: «Что ты хочешь?». Он сказал: «Дай один раз поцелую. Только один раз – и уйду!...». «- Точно уйдешь?». «- Точно». «На, целуй!».
- И что было потом?
- Поцеловал в щечку и ушел, - Даша улыбается сквозь слезы. Но тут же опять хмурится – вчерашняя царапина еще саднит.

Вдруг она срывается с места навстречу высокой голубоглазой девочке, шествующей на площадку с ракетками для настольного тенниса.

- Эленэ!..
Взявшись за руки, они бегут к железному столу и принимаются за игру.
Но игра не ладится – для правильного удара по шарику не хватает ни ловкости, ни роста. Хоть в первое время они никак не могут в это поверить и сердятся друг на друга, а Даша даже пару раз раздосадовано ударяет ракеткой о стол, рискуя ее сломать. А это – уже причина для двойного конфликта с подругой.
Стремительно врывается на площадку Нина, требуя быть принятой в игру. Она заставляет Дашу уступить на время ракетку и Эленэ успокаивается, испытав некоторое превосходство. Ведь Нина, которая младше всех, в состоянии только из-за всех сил размахивать ракеткой над головой.

- Отдай, дурында! – наконец выхватывает у нее ракетку Даша.
Но повеселевшая Эленэ уже не хочет упустить инициативу и принимается нарочно подавать шарик вбок.
- Эленэ, перестань!! – визжит Даша, пропуская мячи.
Но та продолжает валять дурака. И скоро Даша присоединяется к этому кривлянию, сначала из желания компенсировать пропущенные удары, потом – из подражания, а после – искренне заразившись весельем.
Все трое скачут и кричат, размахивают ракетками и барабанят ими по столу.

- А я хочу посадить арбуз! – кричит, врываясь в эту суматоху, еще один светловолосый голубоглазый персонаж, который, на первый взгляд, кажется братом Эленэ. Но та демонстративно отворачивается от него. Ворот его рубашки съехал набок, штаны болтаются на худощавой фигурке.

- Я арбуз хочу посадить! – умоляюще повторяет мальчуган и достает косточку из почти доеденного ломтя. Ему требуется безотлагательное внимание.
Эленэ, круто развернувшись, толкает его в грудь:
- А кто вчера сказал: «Мне с вами мама не разрешает играть»? Эх, ты, Илья-не-муромец!

- Про маму – я пошутил. Ну, я просто пошутил… Пошутил я!.. Потому что я просил вас, просил – ну хватит играть в эти прятки. Я хотел в мертвых царевен. А давайте так - вы сейчас замрете по моей команде, а я вас буду расколдовывать.
- Делать нам нечего! – поддерживает подругу Даша.

- Но он же просто шутил, - возражает Нина, - может, поиграем в царевен?
- Делать нам нечего! – упрямо повторяет Даша. И – топнув ногой, отворачивается.

Илья, вздохнув, сидится на качели и, раскачиваясь, принимается напевать.
Вслушавшись в его песенку, все три девочки изумленно подбегают к нему и почти одновременно вскрикивают:
- Что?!.. Ты… ты ругаешься плохими словами?!
А мальчуган между тем продолжает беспечно напевать:

- Скотина я, скотина я, скотина я, скотина…
Кажется, он уже забыл, что здесь не один.
Очнувшись, он добродушно поясняет:
- Это я не на вас. Это я – скотина. Понимаете?.. Я!..
Дети изумлены еще больше. Они никогда не видели человека, который хает сам себя.
Готовые уже было накинуться на обидчика, они неуверенно протягивают:
- А-а-а… Ну ладно.
И – отступаются от своих планов.

А Илья-не-муромец, соскочив с качелей, принимается рыть в песке ямку.
- Я посажу арбуз и он вырастет вот какой! Вот такой вот!

- А спорим – не вырастет! – смеется Эленэ, - Мы его растопчем. Правда, Даша?
- Ага. Вот прямо сейчас и начнем.

Илья вдруг начинает плакать. Он кричит во все горло, обернувшись к тут же выглянувшей с балкона третьего этажа женщине:
- Мама, скажи им!.. Я хотел посадить арбуз, а они говорят, что растопчут его, когда он вырастет!

Женщина, улыбнувшись, зовет сына домой.
Продолжая реветь, Илья убегает.
А возмущенные фактом очередного ябедничания подруги начинают разрабатывать план мести. Они шепчутся как настоящие заговорщики. Чувствуется, что звенья этого плана, усложняясь в геометрической прогрессии, становятся все изощренней. Особенно преуспевают Эленэ и Нина. Даша же то лукаво улыбается, то – вдруг хмурится. Потом она начинает улыбаться немного растерянно, а хмуриться – все больше. Наконец она выкрикивает:
- Ну хватит!.. Дурынды, он же маленький!

Позже Эленэ приносит из дому тетрадь и они с Дашей принимаются играть в школу, где Эленэ – учительница. Еще не знающая грамоты Даша, пыхтя, выписывает палочки и опять вынуждена хмуриться – ведь ей задали целую страницу.
- Пиши, Даша, пиши!- чеканит со знанием дела третьеклассница Эленэ.

- Надоело… - ворчит Даша. Но дела своего не бросает. Хотя и ищет предлоги затянуть его.

Вдруг Эленэ вспрыгивает на стол прямо напротив ее тетради. И из-за всех сил топает ногой по гулкой поверхности.
- Даша, пиши!.. – она деланно хмурится и тут же с полуулыбкой поясняет: - Когда я занимаюсь математикой, моя мама иногда делает так же. Учительница должна быть строгой!
Даша недоверчиво улыбается. Она напряженно старается что-то сообразить. Потом выдает:
- А у нас самый грубый не мама, а папа.

Вечером, когда Эленэ уже не пускают гулять, Даша с Ниной все-таки сыграли с Ильей в мертвых царевен. Как видно, царевны расколдованы, потому что когда я затеваю с ними игру «Расскажи о своем лучшем друге и передай ему мяч», Даша неожиданно бережно передает пойманный мяч Илье и, обняв того за плечи, бойко произносит: «А мой лучший друг – это Илья! Он самый добрый, самый веселый! Я очень люблю своего друга».

Илья ошарашен и смущен. Кажется, он не вполне уверен, что речь идет о нем. К тому же, он опасается, что незаслуженная похвала будет вскоре отнята, причем, при самых суровых обстоятельствах.
- Ну а у тебя, Илья, есть лучший друг? – спрашиваю я.
- А как передать мяч другу, если его нет?

- У тебя еще нет друга? Это ничего – ты обязательно его найдешь.
- Да я уже нашел, нашел я!.. – Илья, шепелявя, прямо-таки заливается смехом от моей непонятливости. Он чувствует себя очень счастливым. Это прямо-таки пик его триумфа. – Я нашел друга, но его сейчас здесь нет – мама приведет его в наш двор только послезавтра. Это Гена!.. Я очень люблю моего друга Гену, он… это самое… ну, самый-самый! Вы знаете Гену?
- Нет, к сожалению.
- Как, вы не знаете Гену?!
- Я знаю Гену, - произносит Даша с необыкновенно ласковой интонацией и опять покровительственно кладет Илье на плечо руку, которую до того деликатно убрала. – У Ильи очень хороший друг!
Она незаметно подмигивает мне.
Даша теперь тут – за старшую. И эта роль ей явно нравится.

Когда я, шутливо подкинув мяч, подаю его Нине, та смущенно выпаливает:

- А мой лучший друг – это Даша. Хоть она меня и не любит.

Эта маленькая команда иногда сопровождает меня буквально повсюду.
Только я выйду, все бросают свои дела и кричат нестройными голосами:
- Здравствуйте!... А вы к нам?
- Я пока что в магазин.
- А можно мы с вами?
- Можно-то можно, но вам там будет не интересно.
- Нет, нам все интересно, что от вас!
Последнюю фразу выкрикивает Эленэ – она единственная из всех почему-то здоровается со мной только хором, а тет-а-тет – никогда. Она просто проскальзывает мимо, делая вид, что не узнает меня. То ли из смущения, то ли из невозможности определить, что я за фрукт такой, ведь у третьеклассниц уже имеются зачатки рационального мышления, и ум просеивает полученную информацию то так, то этак. А может, ее смущают какие-то разговоры взрослых за моей спиной.
По возвращении из магазина, Даша потом провожает меня до самого подъезда, а после поднимается пешком до самого моего этажа и деликатно ждет на лестнице, пока я не положу покупки и не выйду с большой спортивной сумкой через плечо. Она старается избегать встреч с моей мамой.

- А что там у вас? – спрашивает она, косясь на сумку.
Все уже привыкли, что там могут оказаться не только мяч или шахматы, но и, например, секатор, при помощи которого мы сможем расчистить от зарослей шиповника тропинку позади площадки.
Все ждут чего-нибудь новенького. Очень радуются всему новенькому. Но быстро теряют к нему интерес. И – опять жадно ловят каждый мой жест, надеясь на что-то невиданное.
Я же - не поспеваю за этим невероятным детским ритмом. Да и не пытаюсь поспеть.
Впрочем, я знаю, что – невольно разочаровываю их. Хоть они и не подают виду.
Я выдаю им – малыми порциями – новенькое.
А дети жаждут – чуда.

Однажды я достаю из сумки книги.
Дети тут же отбирают их у меня и принимаются разглядывать обложки.
Эленэ, едва взглянув на названия, равнодушно отходит и принимается скакать через прыгалку.
Даша, достав свою прыгалку, немедленно присоединяется к ней.
Книга русских народных сказок задерживается лишь на коленях у Нины – ей в ней интересны картинки.

Она весело сообщает:
- А вы знаете, у нас дома есть книга, где нарисована Красная Площадь. Там сейчас наша мама. Тетя Маша, а Москва правда красивая?

Вторая книга картинками не богата и это стихи. Стихи Агнии Барто.
Я пытаюсь читать их вслух. Но дети, кажется, совершенно не слышат меня. Более того, вокруг меня образуется пустота, в которую лишь иногда врывается пробегающий Илья, которого девочки принимаются со смехом гонять по площадке.
В перерывах между гоном Илья, присев на край скамейки и поглядывая одним глазом в сторону шепчущихся мучительниц, пытается рассказать мне о своем любимом киногерое Брюсе Ли.
Мне обидно почти до слез – обидно не столько за себя, сколько за – высокую культуру.
Но позже, взяв себя в руки, я начинаю понимать, что мне нужно отступиться от страстного желания поскорее приобщить детей к ее лучшим образцам. Как я уже отступилась до того от вмешательства в их странные конфликты.

Иначе дети бессознательно отступят от меня сами.
Я пока не знаю, почему это так. Но, видимо, мне еще не раз придется наступать на горло собственной песне.

На следующий день Даша, когда мы остались одни, поглядев на меня искоса, осторожно спросила:
- Тетя Маша, а вы еще будете читать стихи?
- А что – тебе понравилось?.. - оживилась я. - Ты знаешь, я хотела читать вам каждый день по стихотворению. Всего по одному. Но представляешь, сколько бы их собралось через год!.. Целая книга любимых стихов!
- Ой, не надо… Тетя Маша, я не люблю стихи. Только не обижайтесь, ладно?
- Ладно, - ответила я угрюмо.
- А хотите – мы будем писать стихи?
- Ну уж прямо-таки и писать…- горько усмехнулась я, - Писать – но не читать.
- А что – я могу!.. И стихи, и рассказы, и сказки. Вы только мне скажите – про что. И давайте вообще уже заведем специальную тетрадь и начнем туда записывать то, что насочиняем.
- А что – это идея! – торопливо соглашаюсь я на это воистину царское предложение. – Купим еще цветных карандашей и будем рисовать к написанному иллюстрации. Это будет наша с тобой книга. Первая книга!
- И – секретная!
- Так когда же начнем?
- А прямо сейчас. Давайте, пока у нас нет ни карандашей, ни тетради, уже что-нибудь сочиним. Про что будет наш рассказ или стихи?
- Ну… Давай, может, про птиц… Давай придумаем историю про журавля.
- Про журавля?... Пожалуйста!... Значит, так. Журавель вышел на улицу и встретил лебедЯ. (Даша делает ударение на последнем слоге).

Я не в силах сдержать смех.

- Тетя Маша, вы чего?
- Ну и что было дальше?
- А это все.
- Все?.. Сегодня же впишу этот шедевр в книгу!

Однако этот шедевр так и остался единственным. На следующий день Даша уже утратила интерес к нашей секретной книге и забросила ее.

Даша, несмотря на свой прямой и бесхитростный нрав, всегда старается угодить взрослым, иногда даже вопреки своим интересам, если, конечно, и взрослые в свою очередь готовы чем-то жертвовать – хотя бы собственным всезнайством.

Дома ее частенько ругают за плохой аппетит и капризность в выборе блюд. Для бабушки как бывшей образцовой работницы советского общепита, питание – это род священнодействия. Даша буквально впитала в себя из ее поучений уважение к простым непритязательным профессиям. Да она и не знает о других – в семье не было ни летчиков, ни капитанов дальнего плавания, ни даже докторов.
- Даша, так кем ты все-таки хочешь быть?
- Поваром. Я очень люблю готовить.
- Что-то я не замечала, что ты любишь кушать.
- Я готовить люблю. Хотите, перечислю то, что я умею?.. Я и пирожки могу печь, и хинкали делать, и яичницу, и салат…
- Правда-правда, - поддакивает Нина, - Даша, расскажи, как ты сегодня помогла бабуле вымыть пол. А вы, тетя Маша?..

Нина вдруг принимается разглядывать меня с подозрением. Возможно, в памяти у нее всплывают два айсберга - мои бывшие дырявые кеды.
- А что - я?
- А вы умеете готовить?
- Нет, - отвечаю беспечно, - я не умею готовить и не люблю. Наверное, это потому, что я, когда была маленькая, хотела стать космонавтом.
- Ну а маме вы помогаете?

Сделав усилие, выдаю педагогичный ответ:
- Угу, конечно.

- Когда я буду печь пирожки, то занесу их вам! – закругляет беседу Даша.

В другой раз Даша доверительно сообщает нам с дядей Сашей, что ее работой будет уборка большого дома, который она купит для семьи, а также подметание магазина одежды, заведовать которым будет Эленэ – та уже зарезервировала для нее место. Наши снисходительные улыбки ей непонятны. Она настороженно хмурится.
С точки зрения Даши, и дядя Саша - уборщик, следовательно, ему как будто бы должен понравиться ход ее мыслей.

Желание угодить бабушке все-таки перевешивает.
Когда дядя Саша уходит, Даша угрюмо шепчет мне, что все-таки будет поваром.
- Ну ладно, поваром так поваром. Пока ты где-то пропадала, к корпусу подъехал белый джип и из него вышла Инга с арбузом. Поспеши. А то как бы тебе не остаться без вкусненького. Нина уже дома.

- А я не очень люблю арбуз. Это они с папой купили с машины, которая возит еще дыни и эти самые… тыквы?
- Не знаю. А что ты тогда любишь?
- Хеллоуин.
- Ой, а что это за блюдо такое?..
- Это когда пугают. Но у нас такого нет. Оно - американское!..

Как-то я застаю Эленэ, Дашу и Нину в крайне возбужденном состоянии. Загнав плохого мальчика Сабу на старый тополь, они ожесточенно метают в него палки и камни. Девочки дико орут, Саба – уже не смеется и оглядывается по сторонам в поисках других деревьев… Если перескакивать с одно на другое, то – может, удастся добраться до собственного двора и остаться в живых.

Пытаюсь на сей раз применить холодный душ.
- Вы же девочки! Оставьте бедного мальчика!
- Ага, бедного!.. – кричит, повернувшись ко мне всем корпусом Даша. – Вы бы видели как он вчера ударил Луку!... Лука катался на качелях, а Саба ему сказал: «Встань!». Лука не послушался и Саба его как ударит прямо в нос!.. У Луки сразу пошла кровь. Мы с Ниной закричали. Хорошо хоть, что тетя Люба была дома - она выбежала и так избила этого Сабу, так избила!... А потом еще взяла его за ухо и сделала вот так!... А я его толкнула в грудь!.. Пусть убирается!
- Даша, люди должны быть великодушными. Этот мальчишка уже получил свое. Не надо ему мстить.
- А мама говорит, что - надо!.. Если кто-то сделал тебе плохое, то нужно сразу же и ему сделать то же самое!
- Я думаю, мама говорила про врагов – про бандитов, например. А всех остальных нужно прощать. Особенно, когда они маленькие.
- Ничего не про врагов! Она даже нашего папу не простила! Однажды он ударил ее ножом. И она взяла нож и тоже его ударила. У них у обоих есть шрамы – можете когда-нибудь сами посмотреть!
- Даша…
- Ох, тетя Маша, да идите вы знаете куда!..

Красная от гнева, вся в слезах, Даша убегает на другой конец площадке.
Вот те раз – нежданно-негаданно я нарвалась на ссору.
Растерянно опускаюсь на лавочку, делая вид, что ищу что-то в сумке. А на самом деле – лихорадочно пытаюсь подобрать какие-то нужные слова. Да и успокоиться.

А тем временем на площадке появляется группа девочек постарше.
Взвизгнув, Даша тараном несется к ним наперерез и из-за всех сил толкает одну из них головой в живот.
Между ними завязывается потасовка. Хоть и старшая девочка, которая раза в три выше Даши, не желая связываться с малышней, прибегает к чисто оборонительным действиям.

До меня доносятся обрывки их словесной перепалки.
- Хатия, а ну убирайся из нашего двора!.. Наша мама же сказала, чтобы ноги твоей больше не было около Инги! Ты предательница!... Из-за тебя твои подружки чуть не порезали нашу сестру ножами!... Восемь на одну, хорошо, да, хорошо?!

Опять – ножи. Я ушам своим не верю, что такое происходит отнюдь не в параллельной вселенной. Может быть даже – прямо у моего огорода, где я нередко нахожу окурки.
- А я знала, я разве знала?!.. Зачем эта дура вышла к ним, когда они ее вызвали? Сидела

бы дома!... Да мне плевать на вашу Ингу, мне она больше не подруга!

- … Ой, белка!..
- Что?..
- Белка!... На сосне – сидит белка!.. Нет, уже не сидит. Вот, вот, побежала!.. Тетя Маша, Эленэ, белка!!

Смахивая слезы, Даша восторженно всматривается в крону самой высокой сосны за площадкой. Взгляд ее проясняется и в то же время становится нездешним, на губах блуждает рассеянная улыбка.

Хатия, ошарашено проследив за ее взглядом, крутит у виска и, повернувшись к своим сгорающим от любопытства спутницам, начинает что-то взволнованно объяснять.
А Даша, Нина и Эленэ, взявшись за руки, бегут на качели.
Всеми забытый Саба осторожно покидает насиженный сук и стремглав несется вон.

На следующий день, подкараулив Дашу в подъезде, я вынула из своей волшебной сумки три книги.

- Тетя Маша, вы хотите почитать? – спросила Даша с опаской.
- Нет-нет, не волнуйся. Возьми, пожалуйста… Открой, посмотри… Вот эти две книги - это повести очень хороших детских писателей. Правда, вам с Ниной они смогут пригодиться лишь в классе третьем-четвертом. К сожалению, это все, что нашлось у меня дома из такового вот, из детского. Книги сейчас дорогие и у вас наверное их мало… У вас вообще есть дома книги?
- Есть. Но почти все они - чужие.
- Ну вот, видишь… В общем, я их вам с Ниной дарю.
- Спасибо, тетя Маша!
- Погоди. Возьми еще третью книгу. Это Новый Завет. Она в первую очередь для бабушки, мамы и Инги… Ну и для вас, конечно. Правда, опять получилось, что и эта книга – она как бы на потом… В общем, неси все поскорее домой.
- Хорошо, тетя Маша. Спасибо вам!

Вечером в нашу дверь уверенно постучали.
Мама подошла к глазку, посмотрела, вернулась в комнату и говорит с едва уловимой усмешкой:
- Иди – это к тебе. Кажись, это твоя маленькая подружка.
Открываю, а там и вправду стоит Даша.
- Здравствуйте, тетя Маша. Спасибо вам за книгу про Боженьку!.. Тетя Маша, а у вас есть кот?
- Кот?!. Нету.
- Бабушка просила передать вам это. Вот…
И – протягивает пакет кошачьего корма.
-???
- Заходите в гости… - заученно добавляет она упавшим голосом. – Бабушка сказала, чтобы вы заходили.

Ну, корм мы с мамой, конечно, не взяли.
Но приглашение я взяла на заметку.

2

Звезды спрятались за голубым шатром неба. Плывут как ладьи узкие облака, от них отрываются белые дымчатые кольца, из следа колец образуются фигурки – вот плывет по небу слон, вот бегемот, а вот – человечек с раскрытыми, почти уже ставшими крыльями руками. Хочется нырнуть в эту синеву и взять человечка за нежное, эфемерное крыло, а после взмыть с ним туда, где спряталась корона из звезд. Эй, крылатый человечек, помоги! Дай поскорее руку!..

Даша, сидя на ветке старого ясеня, чувствует себя еще одним человечком, тоже оторвавшимся от земли, правда, еще не сумевшим развести руки так широко, чтобы они были готовы превратиться в крылья. Ведь ей пока нужны руки, а не крылья, чтобы обхватывать ими ствол.

- Даша, я домой хочу! – слышится снизу упрямый голос Нины.

Даша сейчас прямо-таки ненавидит его.

- Где твой дом?! – кричит она вниз. – Разве его не отобрал у тебя твой отец?!

- Дети, не ссорьтесь, - с улыбкой говорю я. – И давайте продолжим наш путь. Ведь бабушка, наверное, приготовила хеллувим… То бишь что-нибудь вкусное.

- Да я вообще есть не хочу!.. Это Нина вечно голодная! А вы тетя Маша знаете что… вы поиграйте с нами немного в нашу игру, ладно?

- Да, тетя Маша, поиграйте, пожалуйста! – подхватывает Нина, забыв обидиться и дать сестре колкий ответ, за котором обычно у них начинается потасовка. – Поиграйте в доброго волка!

- Ладно, бегите в свой домик!

Даша мгновенно оказывается на земле и, схватив не столь ловкую Нину за руку – стремительно втягивает ту, хохочущую и притворно упирающуюся – на площадку качели с горкой.

Все. Это и есть домик. Следовательно, путь мне туда, волку, пусть и находящемуся, так сказать, в процессе перевоспитания, заказан.

Я почтительно останавливаюсь у ступенек.

И начинаю просить:

- Козлятушки-ребятушки, впустите волка-погорельца. Враги сожгли родную хату и мне, горемыке, больше не хочется даже козлятины… Честное слово, я больше не волк.

Лукаво переглянувшись, козлятушки выставляют вперед руки с сжатыми кулачками и приподнимают одну ногу – это сигнал готовности к обороне.

Но волк не догадлив.

- Впустите, козлятушки, и примите в дар корзинку с малиной.

- Ладно, от даров мы не отказываемся. Поставь корзинку на верхнюю ступеньку. А сам пока оставайся внизу. Сейчас мы слезем, а ты немного побегай за нами.

- Так у меня уже нет такой привычки! Ведь я уже добрый-предобрый!

- Ну пожалуйста, волк, побегай… Давай так – ты просто поиграй немного в прежнего волка.

- Хорошо, раз это доставит вам удовольствие, то можно немного и поиграть.

Волк, оскалившись, начинает гоняться за козлятушками, а те кидаются в него камешками, палочками и прошлогодними шишками. Один из камней врезается прямо в колено.

- Ну все, надоело притворяться. Не буду я играть в какого-то прошлого дикого волка, когда я ваш друг и брат. Или принимайте, или – отпустите на все четыре сторону. Пойду я лучше к медведю – он, я уверен – гостеприимный.

-Ладно, волк, заходи! И вот тебе медаль за успешную работу над этим… как его… собственным характером!

Даша, подбежав, обнимает меня, целует в щеку и торжественно водружает мне на шею какую-то ветвь. А после – вручает свой портфель.

И вот мы опять продолжаем путь.

Пока Даша отбежала вперед шагов на двадцать и идет себе, глядя во все стороны широко раскрытыми глазами, Нино, едва волоча свой портфель, осторожно спрашивает:
- Тетя Маша, а медведь – это Милена?
- С чего это ты взяла?
- Вы всегда спрашиваете: «Как там ваша Милена? Что она сегодня еще натворила?»
- Ну а как же – мне интересно все, что случается у вас в классе!
- Но про Милену вы спрашиваете чаще, чем про других. Вам, наверное, как доброму волку, хочется взять эту Машку-Милены на перевоспитание, да, тетя Маша?
- Ты отчасти угадала… Но еще больше мне хочется, чтобы вы с Дашей сами стали добрыми волчатами и приняли эту Машку-Милену в свою школьную компанию. А то вы все гоните ее от себя, вот она и звереет.
- Значит, так, тетя Маша, я расскажу вам про Милену, но вы, пожалуйста, когда Даша дойдет вон до того поворота – отдайте ей портфель и возьмите мой… А то я очень устала. Значит, сегодня Милена сделала вот что…Вы не поверите, но она пришла вся очень аккуратно одетая, красиво причесанная и умытая… Наверное потому, что ее вела за руку мама… Учительница же сказала, чтобы мама приходила вместе с ней и сидела с ней рядом на ее последней парте. Вот мама и приходит… Когда мама, а когда тетя… А иногда бабушка. Мама молчит и хмурится и то и дело шепчет что-то Милене на ухо. А вот тетя может вдруг взять и ударить ту по щеке, представляете?! Прямо на перемене, когда не видит учительница. На что Милена тоже как даст ей кулаком в живот!.. Или если тетя стоит, а Милена сидит за партой, Милена может поднять ногу и лягуть эту тетю ногой… Мы все прямо-таки падаем от хохота… Потом на другой день вместо мамы или тети приходит бабушка Милены – та добрая. И Милена с бабушкой, сидя на последней парте, часто о чем-то с улыбкой шушукаются. С ней Милена никогда не дерется и в тот день почти не озорничает. Но бабушка болеет и может приходить не часто.
Ну так вот, сегодня Милена пришла с мамой и в руках у нее был букет цветов.
Она сразу подошла к Раисе Тимофеевне и сказала, отдав букет:
- Учительница, это вам!
И – прошла к своей парте.
Надо сказать, что вела она себя весь день так себе – ни плохо, ни хорошо.
А когда прозвенел звонок с последнего урока и все стали собираться, Милена тоже собрала свой портфель и, проходя мимо учительского стола – попыталась забрать свой букет обратно. Просто спокойно вытянула его из вазы.
Но тут, конечно, подоспела ее мама и, забрав букет, поставила его на место.
Все, тетя Маша, возьмите, пожалуйста, мой портфель, а то мне очень, очень тяжело!... Эй, Даша, теперь моя очередь! Забери у тети Маши свой портфель!

Такая вот новая жизнь началась у нас с сентября, когда бабушка Даши и Нины попросила меня до приезда их матери – водить тех в школу за некую скромную, почти эфемерную плату.
Вот мы и ходим, успев за наш путь и поиграть, и поговорить.
Работа была бы и радостной и интересной, если бы девочки по дороге не ссорились. А ссорятся они буквально через каждый десяток метров и почти всегда – на почве конкуренции за внимание. Для каждой из них не так уж тяжела ноша в портфеле – вопрос в том, кому из них удастся подольше разделить ее со мной.

- Тетя Маша, возьмите, пожалуйста, мой протфель!
- Нет, мой!
- Нет-нет, не твой, а мой!... Слышишь, мой!
- Вот тебе!..

- А вот тебе!..
- Знаете что – несите свои портфели сами!
- А мы не можем – посмотрите, всем первоклассникам носят портфели их мамы или бабушки или папы!
- Да они бы справились и без родственников! Уже не маленькие!
- Так не интересно!.. Ну, тетя Маша, пожалуйста, несите наши портфели, несите по очереди!... Мы больше не будем драться! Вы же тоже уже переходите по возрасту к бабушке… Хотя как-то вы не похожи на бабушку.
- Ладно, уговорили. Только ускорим шаг. Даша, иди рядом, не убегай вперед. А ты, Нина, не плетись сзади. Дайте кто-нибудь портфель.
- Я первая даю свой портфель!
- Нет, я!
- Ах, ты маленькая стерва!... Вот тебе!
- Господи, какое счастье что вы не близнецы! Вы бы убили свою мать, отталкивая друг друга от родового канала!

Не менее драматично протекают между девочками выяснения на тему, кто из них больше любит друг друга.
Обычно их затевает Нина.
Она упрямо твердит:
- Даша, ты меня не любишь!
- Отстань!.. А за что вообще-то я должна тебя любить?..
- За то, что я твоя сестра! А ты, Даша, когда я лежала десять дней с перевязкой после того как меня ударила машина – ты вообще со мной не играла. Ты все время убегала на свою улицу.
- Ну и что – разве у тебя не было планшета? Мало там игр?
- Нет, Даша, не любишь ты меня… Ты никогда не обнимаешь меня, не целуешь. Хотя к учительнице ты подбегаешь каждое утро и обнимаешь ее обеими руками за ее толстую-претолстую талию.
- Ты же тоже обнимаешь учительницу!
- Но позавчера ты, Даша, вообще-то удивила меня. Когда мы с тобой спали на диване, ты зачем-то поцеловала меня в щеку… Зачем ты это сделала, а. Даша?... Ты думала что я сплю?
- …
- Даша, почему ты молчишь?

- А не про все можно говорить, - подаю голос я. – Ты, Нина, вот взяла и в первый школьный день призналась в любви мальчику, с которым посадили тебя за парту. А он из-за этого покраснел. Хорошо ли, что ты так поторопилась?
- Зато он на другой день сказал, что тоже меня любит и что будет носить мой портфель. У нас бы все было хорошо, если бы я не рассказала это Даше, а Даша – всему классу. И теперь все кричат нам: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Из-за этого Ника опять стал мне просто другом. Из-за тебя, Даша, я потеряла львиную долю любви!

Когда мы, наконец, подходим к корпусу, меня ждет новое испытание – девочки бегут не в подъезд, а на детскую площадку и, вспрыгнув на качели, раскачивают их так истово, словно хотят сорвать их с цепей. Мне с трудом удается спустя время угомонить их и все-таки направить в подъезд.
А там, в подъезде, Нина, поднимаясь по лестнице, может вдруг сесть на ступеньку и сказать, лукаво глядя Даше прямо в глаза:
- Вот что, Дашенька, ты иди к своей любимой бабушке, а я здесь посижу. Скажи, что я не желаю идти домой.

- Ну и получишь от нее.
- Ну и получу. А тебе-то что?... Иди-иди..

Даша, сдерживая изо всех сил поток возмущенных слов, круто отворачивается и проворно взбегает на следующий этаж… Останавливается…Молчит.
Молчит и Нина.
Даша взбегает еще на один этаж.
Опять молчание.
И еще один этаж, и еще.
Я тоже молча поднимаюсь по этажам, оставив внизу Нину. Несу ее портфель.
Что нам сказать бабушке – что Нина сидит внизу?

У самой двери – сидит на ступеньке и Даша, устало привалившись к стене.
Она не хочет заходить без сестры, все-таки ей не хочется, чтобы бабушка рассердилась и накричала на ту.
Поняв это, появляется радостная Нина. Победно кричит:
- Ну, давайте уже стучите! Я кушать хочу!

Школьная жизнь буквально с первого сентября потрясла нас чередой недоразумений и испытаний.

Торжественное мероприятие перед зданием школы в первый учебный день было смято – все хаотично перемещались на площадке перед входом, ища своих. Находя – радостно обнявшись, тут же принимались оживлено говорить… Подбегали с цветами к педагогам, вылавливая их в толпе, и весело за что-то отчитывались. Тут же слонялись озабоченно уткнувшиеся в мобильники родители. Они были в меньшинстве и все время путались под ногами.
Неуместными казались и первоклассники, которые жались к своей родне и поглядывали на происходящее исподлобья. Они еще не знали своих и должны были их как-то опознать.

Даша сиро стояла где-то в сторонке, прислонившись к топольку.
А Нина неугомонно болтала – это был ее излюбленный способ выбраться из одиночества. А точнее – лихо превзойти его.
- Тетя Маша, жаль, что мы не взяли котенка. Было бы время поиграть с ним.
- В следующий раз возьмем. Посадим его в портфель – дадим в руки «Азбуку».
- Вы издеваетесь?! Что ему там делать, в портфеле? Вы что – не любите животных?!
- Прости, это я по старой привычке… Когда-то я действительно их не любила. Это было в раннем детстве.
- Быть такого не может. Я думала, что вы были в детстве самой доброй, умной и послушной девочкой.
- Ох… Не так все было, не так. Чтобы стать хорошей девочкой, сначала надо перестать верить, что ты одновременно девочка плохая. А с этим большие проблемы – есть немало людей, которые судят нас по так называемым слабостям, которые являются продолжением наших достоинств. И тем самым – заставляют «слабости» сопротивляться, обороняться и – как ни странно – расти… А когда растут «слабости» - то и достоинства становятся меньше! И вот все видят перед собой уже не человека, а – калеку! Калеке же деваться некуда – он вынужден искать обратный путь к себе. А дорога-то вверх круче, чем вниз. Правда, если мы только взглянем на одного человека, который не смирился с этой дорогой вниз и не встал на ее путь – его звали Иисус Христос – то он нас освободит. Надо просто поверить ему, поверить, что путь, которым он прошел – доступен всем.
- Так получается, что вы не любили кошек потому что, наверное, любили собак. Да, тетя

Маша?
- Нет, милая Нина, я любила людей. И хотела, чтобы в них не было зверей. Поэтому на настоящих зверьков я поглядывала немного свысока. Их жизнь не интересовала меня. И я бы и сама заметила этот перекос во внимании и понимании, если б на него не указывали мне пальцем. Люди слишком спешили перевоспитать меня. И я одно время чуть было не превратилась в животное, потому что стала от злости мучить ни в чем не повинных зверьков.
- Ладно, тетя Маша… Давайте, что ли, поищем наш класс, а то он у нас какой-то повсюду рассеянный.

Давно уже прислушивающаяся к нашему диалогу Даша, подскочив и взяв меня за руку, звонко сообщает:
- А мне сегодня, знаете, какой приснился сон? Мне снилось, что вы – кошка! И держите в зубах мышку!

Наверное, да… Звериное начало еще не угасло во мне. И всем не мешает держать со мной ухо востро. Я принимаю это условие!

Школа… Она и манит нас всех, и отталкивает.
Манит обилием в одном месте легких, вездесущих существ – у них нет шаблонов и поэтому они все еще пытаются высвободить и поднять уже почти эфемерные крылья.
Они шалят и смеются – им кажется, что все нипочем.
Но не тут-то было – на каждый взмах крыла есть свое лекало. И – опытные министры программисты. Хочешь не хочешь, но учителя, подчиняясь программам, обязаны помогать вездесущим существам как следует привязаться к пространству и времени и сложить, наконец, такой рудимент, как крылья.
Педагоги спешат – они искренне хотят выполнить долг.

А мы с Дашей и Ниной никуда не спешим.
Мы никому ничего не должны.
Но мы платим за это слишком суровую цену – цену в виде напряженных как канат нервов.
И – неважных отношений с некоторыми взрослыми, да и похожими на них детьми.
Иногда для того, чтобы пройти вперед, надо сначала отстать.
Вот мы и плетемся покуда – в отстающих.

Класс оказался маленьким – всего на 14 человек. Это был единственный первый класс с обучением на русском языке при грузинской школе. С каждым годом русскоязычного населения в Тбилиси становится все меньше и русские школы закрываются. Русский сектор открывают при грузинских школах и учащихся в них раз-два и обчелся. Это дети всех национальностей – армяне, курды, греки, езиды, азербайанцы, украинцы, русские.
Многие из малоимущих или откровенно несчастных семей.
Педагоги их тоже из тех, кто никуда не уехал.
Никто из них не знает, зачем он здесь и что будет завтра.

Наверное, поэтому торжество по случаю прихода в школу первоклассников было опущено. Раиска Тимофеевна, грузная, страдающая одышкой дама лет пятидесяти восьми просто внедрилась в толпу и каким-то образом собрала вокруг себя весь этот разбросанный по двору лом из остатков детских душ – собрала как хороший, качественный магнит.

Лицо ее было доброе и одновременно надменное. Ей всегда, с самого начала было всех искренне жаль. Но в то же время ее не отпускало недоумение.

- Что я здесь делаю? – нередко вопрошала она в дальнейшем вслух саму себя. – Я много лет преподаю в этой школе русский язык для грузинского сектора. Зачем я решила по примеру своей сестры связаться с преподаванием в начальной школе? Это мой эксперимент. Запомню этот неудачный опыт, чтобы больше никогда не повторить его. Потому что с этими… То есть с вами, дорогие мои дебильные детки, ну просто невозможно… Вы только представьте, почти все вы – отстающие. А двое из вас – вообще должны учиться в школе для умственно отсталых детей. Алекс, Милена! Противные дети-инвалиды!.. Прекратите драться!

Милена – самая высокая девочка - чернобровая, с широкой черной косой. Очень видная, симпатичная и в то же время имеющая в чертах лица и фигуры отчетливые черты огромной, вечно вертящейся обезъяны. Ну, той, которая еще не превратилась в человека. Кто-то когда-то выудил эту обезъяну из глубин ее подсознания и закрепил, указав на нее пальцем. Вот девочка и бесконечно транслирует этот образ, чуть ли не плача сама.

Раиса Тимофеевна то кричит на нее, то – пытается хвалить. Но Милена, только что пообещавшая перед всем классом, что больше не будет – пообещавшая, по всей видимости, искренно – все равно то и дело вскакивает посреди урока и начинает бродить по классу. Или вдруг вылетает из него пулей, не спросив разрешения. Или залезает под парту и валяется на животе, хватая за ноги одноклассников. Или – вдруг набрасывается на тоже одиноко сидящего за последней партой в соседнем ряду Алекса – немого и тоже агрессивного мальчика. И тогда между ними завязывается нешуточная драка.
Их разнимают.
Милену выгоняют в коридор, откуда она потом возвращается после звонка на перемену вся в пыли, измазанная побелкой.

- Чем занимается Милена в коридоре?

На этот мой вопрос Даша, выставив вперед ладонь и предостерегающе отмахиваясь ею, ответила так:
- Я когда вышла как-то с урока в туалет, видела как Милена, лежа на полу, перекатывается по коридору. А еще от нее всегда пахнет колбасой…Поэтому пускай она будет где-нибудь подальше, подальше, подальше!..

Но немого Алекса Даша жалеет. Он не пахнет колбасой и иногда подбегает к Даше и пытается с помощью жестов пригласить ее попрыгать вместе с ним на одной ноге… Даша прыгает и одалживает Алексу линейку и карандаши.
Этого мальчика когда-то до полусмерти избил отец-наркоман, после чего тот потерял речь.
Теперь у его мамы другой муж. Он относится к пасынку неплохо. Есть надежда, что речь у ребенка со временем восстановится. Но беда в том, что мальчик агрессивен – он постоянно затевает драки, желая обратить на себя внимание и донести нечто без слов. Даже дети уже поняли, что это он - от одиночества. И стараются его избегать. Но это, конечно, не выход.
Зато Милена, и сама всегда готовая к общению через драку – охотно вступает с Алексом в конфликт. У них это – конфликт перманентный, полюбовный. Все тоже давно поняли это и почти не обращают на парочку внимания.

Как отличается Милена-первоклассница от той Милены-королевы, которая явилась первого сентября в роскошном платье с блестками под двери школы в сопровождении свиты! В свиту входили папа, мама, бабушка, тетя, старшая сестра – все были необыкновенно счастливы, без конца шутили. Похлопывали Милену по плечу, то и дело

братались с ней, широко распахнув руки для объятий, куда девочка не могла не угодить, как точно посланный в ворота мяч. Это, пожалуй, было самое жизнерадостное семейство, приведшее чадо учиться.

Когда дети вместе с сопровождавшими их взрослыми поднялись в класс и начался первый урок, который Раиса Тимофеевна из экономии времени решила совместить с родительским собранием, то в какой-то момент Милена встала со своего места за первой партой, где она присела впопыхах вместе с мамой, и направилась к сидевшей чуть далее высокой девочке-блондинке – девочке очень спокойной, нимало не вертлявой. Видимо, они успели познакомиться во дворе.
- Ксюша, пойдем в коридор! Поиграем! – быстро проговорила Милена низким, запинающимся голосом.
Ксюша едва заветно отрицательно мотнула головой.
Милена принялась просить ее выйти, прямо - таки умолять.
Но Ксюша была непреклонна. Так же как и Ксюшина мать, искоса смотревшая на эту сцену с неудовольствием.
Тогда Милена, круто повернувшись, выскочила в коридор, где уже носились с воплями несколько ребят. Но почти тут же вновь ворвалась в класс и вдруг с ревом кинулась к матери на грудь.
Тут все смешалось, все принялись утешать Милену и, немного утешив, вновь отправили в коридор.
Но вскоре она опять вернулась с ревом и с разбегу вспрыгнула к матери на колени, уткнулась той в грудь.

С тех пор прошло уже более двух месяцев.
По словам Даши и Нины, Милена утратила дар обращения к людям.
- Ну а хоть что-то она все-таки говорит?
- Только с учительницей. И только когда хочет выйти с урока. Она начинает кричать: «Учительница, отпустите меня! И тогда я дам вам конфетку!». А с нами она только дерется. А иногда – и с учительницей тоже. Однажды Милена вылила на себя воду из-под цветочной вазы на учительском столе. Раиса Тимофеевна достала из шкафчика полотенце, чтобы вытереть ей голову, но та вдруг выхватила это полотенцем и как ударит им учительницу!...Мы так и присели от хохота… А Раиса Тимофеевна заплакала.

Дорога в школу.
Она существенно отличается от дороги из школы.
Когда мы идем в школу, мы словно весело взбираемся на гору. Нам легко.
А когда возвращаемся, то плетемся с горы вниз с целым горбом проблем – каждый со своим горбом.
Сие и трудно, и скучно.

Для того, чтобы не разжигать зависти, девочкам купили одинаковые портфели.
Однажды они даже их перепутали.
- Это не мой портфель!.. – гневно закричала Нина, тотчас бросив его на пол. И ухватилась рукой за портфель Даши, пытаясь стянуть ранец у той со спины. – Отдай!
- Нет, это мой портфель!
- Нет, мой!..
- А я говорю – мой!
- Отдай!
- Не отдам!

Нина, совсем отчаявшись заполучить свое, звонко выкрикивает:
- Хорошо, тогда давай поделимся!

…Прекрасное ноябрьское утро. Солнце нежит еще не вошедшую в зимнюю дремоту землю, дает надежду покачивающимся на старых стеблях головкам хризантем, что тянутся из обрызганных лучезарной небесно-голубой краской покрышек у подъездов корпусов, ласкает упрямую молодую травку. Играет в прятки на каплях росы в опавшей листве.

- Здравствуйте, тетя Лена!
Дворничиха в оранжевой куртке смущенно оборачивается и принимает в объятия кинувшихся к ней со всего разбегу девочек.
- Здравствуйте, здравствуйте мои золотые… В школу?
- В нее самую!
- Ну, с Богом!.. Учитесь хорошо!

Сигают коты из мусорных баков.
Другие коты – проворно запрыгивают в них.
Подходит маленькая собачка со слезящимися глазами, в которых отражается солнце, ложится на спину и подставляет округлый, весь в корочневато-розовых родимых пятнах, глядящий глобусом живот. Даша, присев, ласково похлопывает его.

- Калипса! – восторженно кричит Нина, завидев в окне первого этажа напротив полного котами мусорного бака – опирающуюся лапами на подоконник большую белую собаку со стоящими ушами. – Тетя Маша, это полусобака-полуволк! Ее хозяйка – подруга нашей мамы!
- Знаю-знаю. Ты мне каждый день про это рассказываешь.
- У Калипсы нет детей, потому что во всей округе нет мужа-волка. А простых собак она к себе не подпускает.
- Знаю и про это.

- Здравствуй, третий палец! – приветствует Нина двусмысленный рисунок на заборе. – До скорой встречи!

Тем временем Даша, отбежав вперед, уже присела у сетки, за которой расхаживает важный, необыкновенно роскошный петух и квохчут многочисленные пеструшки. Так хочется рассмотреть все узоры на халате петуха.

Но Нина уже у другой сетки, за которой, скуля и повизгивая, носится щенок добермана-пинчера.
Даша со всех ног мчится туда же и, оттолкнув сестру так, что та едва не падает, просовывает сквозь сетку пальцы, которые щенок принимает как великий дар и тут же начинает лихорадочно-благодарно облизывать их.

После девочки собирают цветы – это учительнице. Какие-то простенькие, невзрачные, уже последние на этой земле.
Раиса Тимофеевна равнодушно ставит эти букетики в вазу на своем столе и так приятно видеть их потом перед глазами.
Но для начала нужно эти букетики красиво преподнести...

Как-то Раиса Тимофеевна стояла в школьном дворе спиной к дороге, беседуя с другой,

незнакомой учительницей. Вдруг ее чуть не сбили с ног, налетев сзади и ловко заключив в объятие.
Долго потом отпаивали друг друга обе учительницы сердечными каплями, несмотря на то, что напавший разбойник оказался всего лишь Дашей.

Потом, отведя Дашу в сторону, Раиса Тимофеевна принялась что-то шепотом внушать ей. Я расслышала только концовку:
- Ты поняла, Дашенька – в классе все, что угодно. Но не здесь, когда нас окружают другие люди.

Милена в тот день носилась кругами по двору. Вид у нее был сосредоточенный. Она озобоченно прикладывала к уху пенал и глухо, скороговоркой проговаривала, словно молитву или сигнал SOS:
- Лида!... Лида!... О, Лида, о!... Ну? Лида! Ответь!... Слышишь, Лида!.. Ответь!.. О, Лида-Лида!.. О!..

- С кем это она? – задумчиво произнесла я вслух.
- Это она придумала какую-то воображаемую Лиду и играет теперь с ней. А с нами она дружить не желает – нас она только бьет, - равнодушно пояснила Нина.

Не успев обдумать эту информацию, я вдруг взяла Нину за руку и, подведя к Милене, предложила срывающимся от волнения голосом:
- Милена, это Лида… Эту Лиду зовут Нина… Ну, ты, наверное, помнишь ее имя… Береги ее – это теперь будет твоя лучшая подруга!.. Береги и защищай! Тебе дана большая сила – так используй эту силу для защиты друзей!.. Ты меня поняла?

Смешавшись, Милена удивленно прислушивается, глядя куда-то вбок… Рука с пеналом медленно отодвигается от уха и затем падает вниз.

- А теперь обнимитесь!

Обе девочки стремительно кидаются друг к другу на грудь и трижды, крест накрест, обнимаются.

- Берегите друг друга!

Милена смущенно переминается с ноги на ногу, не зная, что делать дальше.

- Да, тетя Маша! – произносить скороговоркой Нина.

Взявшись за руки, они с Миленой отходят в сторонку.
И вовремя: появляется отец Милены, который ведет за руку в школу ее сестру - та старше всего на год и стареется выглядеть степенно.
Отец и сестра о чем-то тихо беседуют. Нимало не обратив внимания на Милену, они проходят мимо и скрываются в вестибюле.

Круто повернувшись, Милена направляется быстрым шагом по той же дороге обратно – в противоположную от школы сторону.

- Куда ты, Милена? – бегу я за ней.
- Домой!.. – бросает та напряженным, глухим, словно гири ворочающим голосом.
- А где ты живешь?

Вопрос ставит Милену в тупик.
Приостановившись, она хмуро взглядывает мне прямо в глаза глядящим насквозь – и сквозь – на что-то иное, никому не известное и поэтому бесконечно далекое, от чего наворачиваются на глаза слезы – отрешенным, забывшимся взглядом. И отрывисто роняет:
- В горах.

- Это просто дзэн! – вырывается у меня.

- Просто Милена живет вон в том корпусе на горе! – поясняет Нина. Она кричит: - Раиса Тимофеевна, Милена хочет уйти домой! Она одна на дороге!

Подбегает учительница, хватает Милену за руку и уводит ее, внезапно сделавшуюся пассивной и равнодушной, в школу.

Я же подхожу к стайке родителей, которые, пронаблюдав за последней сценой, теперь осуждающе шушукаются.

- У этой учительницы совсем нет авторитета, ее никто не слушается. Мой Саша раньше был и послушный, и исполнительный, а теперь – разбрасывает книги и требует американские мультики. Это – следствие их разболтанности на уроках. А еще эти заграничные мультфильмы!.. Они просто помешались на них. Чуждый менталитет действует на наших детей как отрава.
Бабушка одного из лучших учеников еще не стара – ей немного за пятьдесят. Она плотная, подвижная, напоминает купчиху из старых фильмов. На лице ее – вечная озабоченность, вечная бдительность. Цепкий взгляд не пропустит ни одной мелочи, отбросит туманности и создаст прочную, ясную картину.
Это тот самый Саша, с которым посадили Дашу. С ним у Даши сложились вполне себе приличные отношения – даже бабушка была временно довольна. Но в последнее время Саша действительно изменился. Несмотря на то, что бабашка по-прежнему может, отведя его в сторонку, вдруг залепить ему пощечину… Хотя вообще-то такое в стране запрещено.
Один из самых успевающих учеников, Саша стал конкурировать за внимание класса с долговязым Алексом – а тот третий в классе хулиган после Милены и второго, не говорящего Алекса. И – тоже стал вскакивать посреди урока и выкрикивать в адрес девочек какие-то глупые прозвища. Стал ездить по классу на стуле, воображая себя водителем джипа… И как итог – вдруг ударил из-за всех сил Дашу кулаком по лицу за то, что та сделала ему замечание. Просто разбил ей лицо в кровь.
С Сашей потом долго говорили и учительница, и представители родительского комитета, и бабушка. Он искренне извинился перед Дашей. Даша искренне его простила… Но осадочек остался. Сашу и Дашу рассадили… И теперь они даже не смотрят друг на друга.
- На следующий год вернется из Турции Сашкина мама и мы переведем его из этой школы.
- Да, эта школа теперь никуда не годится. Чувствую, что и мне придется переводить своего. Он тоже уже и читает, и считает, - я каждый вечер заставляю его прочитывать по сказке. Все это он умел еще в детском саду… А тут – приходится опять учить со всеми буквы. Хочу посадить его сразу во второй класс, но разрешения пока не дают.
Это говорит устало-разумная женщина с какой-то вечной печалью в лице – она мама Ники, с которым сидит Нина… Этот мальчик тоже печален и часто, подперев щеку рукой, а то и улегшись на парту и отвернув голову к стене – о чем-то мечтает. К тому же он застенчив и нередко краснеет, особенно когда Нина достает его своей болтовней про

любовь.
Чувствуется, что маму его подавляют собственные усилия по поддержанию порядка в семье. И поэтому она любит вспоминать старину, рассказывая про то, как училась в этой же школе, когда ее мать работала тут поварихой, и какой в ней был тогда ответственный, образцовый коллектив. Знания давали в правильном порядке, в заранее выверенных пропорциях, учили по единым классическим учебникам.
- Надо же, и как нас угораздило снять квартиру в этом районе и устроить Ксюшу в столь дебильную школу. Мы с мужем с Украины, у него тут бизнес – мы приехали только в сентябре и ничего тут у вас поначалу не понимали. Да и честно говоря, не понимаем и теперь. Наша Ксюша читает уже не только сказки, но и целые книги. Она запросто складывает и отнимает любые числа, знает таблицу умножения, обладает каллиграфическим почерком. Ведь мы занимались ее развитием буквально с двух лет. Мы уже обошли с ней все музеи Тбилиси, все парки и зоопарки. Ксюша ходит на европейские танцы, посещает бассейн. А тут, простите за выражение, какой-то кружок по обучению неграмотных детей неграмотных людей. Спрашиваю у Раисы Тимофеевны: «Может быть, вы начнете включать в ход урока задачи повышенной сложности? Я боюсь, что дети не видят перспективы для дальнейшего развития. У нас в Украине…». Но она, нахалка, знаете что ответила? «- Милая, у нас тут не Украина. Большинство детей этого класса даже не всегда имеют возможность съесть перед уроками бутерброд с маслом. Мы занимаемся с ними по учебникам самым простым и большинству они сложны, как китайская грамота. Если ваш ребенок хочет большего – пожалуйста, скачайте ему учебники из интернета – сейчас там есть все, на любой вкус. А можете немного подождать и вскоре увидите перемены и в нашем образовании. Нас, старых педагогов, загнали на компьютерные курсы и готовят к тому, что скоро дети будут не писать, а печатать в мини-компьютерах. Учитель будет давать им персональные задания бесконтактно, из своего чемоданчика, не отходя от учительского стола. Тогда будет тихо – все уткнутся в свои компьютеры. Каждый будет решать свое задание - в меру своих сил, прилежности и способностей. Уйдет в прошлое списывание, а значит, и взаимовыручка… Простые ручки и тетради тоже уйдут в прошлое… Да и умение писать – станет излишним. Хотели новшеств – получите!».
Мама Ксюши – бывшая спортсменка. Она добродушная и умелая, со всегда выпрямленной спиной – хватается за любое дело, не особенно заботясь о правильности суждений и выводов. Ее задача – пронести по жизни свой внутренний олимпийский огонь, щедро одаривая им окружающих. И горе тому, кто встанет у нее на пути.

- Ну и правильно, - подаю голос я в самом конце, после того как выговорятся и другие взрослые. – Все это необходимо менять. И менять в корне. Вот только бы понять – что с нами со всеми происходит.

Это слишком абстрактно и меня никто не слышит.

Я вижу как из здания школы выходит мать Милены – сегодня ее вызывала учительница по грузинскому. А есть еще и учительница по английскому. И это при том, что Милена – благополучно подзабыла свой родной русский. А стало быть, ей теперь не с чем сравнивать иностранные языки. Следовательно, основа для их усвоения отсутствует. Почему-то никто не обращает внимания на такие мелочи.
Взглянув искоса на расшумевшееся сборище родителей – она поспешно сворачивает на тропинку, ведущую за школу, чтобы уйти другой дорогой. Это давно уже не та уверенная в себе и в собственном чаде молодая цветущая женщина, какой она была в начале. Сыплющиеся со всех сторон удары-упреки за дочь словно подрубили ее – даже походка ее стала шаткой.
И все-таки она еще не сдается – дирекции школы таки не удалось уговорить ее перевести

Милену в школу для детей с задержкой развития. Она мотивирует свой отказ тем, что, во-первых, когда Милена дома, то один на один она называет все пройденные буквы и цифры. Но в присутствии учителей почему-то теряет этот навык. А во-вторых, в единственной в Тбилиси бесплатной инклюзивной школе нет русских классов.
Плохо тут то, что мама Милены категорически отказывается показать ребенка детскому психологу, видимо, путая того с психиатром.
- Моя дочь – нормальная! – отрезает она категорично. И пресекает любую попытку продолжить разговор.
Эта ее гордыня – встала барьером, через который не могу перешагнуть и я, чтобы протянуть Милене руку помощи. Например, взять ее с собой на прогулку, когда мы с Дашй и Ниной просто играм, просто дурачимся, просто любим друг друга.
Мы для мамы Милены – какие-то ненормальные.
Она даже не смотрит в нашу сторону, видимо, боясь заразиться.

Ну, вот и дорога домой.
Даша, уйдя далеко вперед, волочит набитый кирпичами книг портфель, который накренил ее на бок, как лодку в шторм. Иногда она зло бросает его в пыль и плюхается на него сверху. Сидит, поджидает, когда мы с Ниной нагоним ее.
- Нина, отдай портфель тете Маше! – приказывает она сестре. – Ты не видишь – ей трудно.
- Я не могу его нести.
- Можешь!... Ведь я же могу!
- Ты старше на год.
- Ага!.. А как не слушаться, то ты кричишь: «Кто ты такая, чтобы меня учить – ты старше только на год!»
- Даша, отстань!
- Тетя Маша, отдайте Нине портфель – ведь у вас давление.
- Я и сама собиралась, но давайте уже сначала дойдем вон до той развилки. Если хотите, поиграем потом в волка.
- Не хочу, тетя Маша!.. И вообще – за той развилкой я пойду по одной тропинке, а Нина пусть идет по другой.
- А я? С кем пойду я, ведь мне поручено сопровождать вас обеих?
- Вы с Ниной идите. А со мной ничего не случится… Одну минутку, тетя Маша… Нина, подойди, пожалуйста, я хочу тебе что-то сказать на ушко.

Шепчутся.
Но я все равно невольно слышу, как Даша внушает сестре:
- Если тетя Маша заболеет, то нам придется не ходить в школу… Что значит «ура»?!. Знаешь что – отвали!

Позже, когда Даша скрывается за широким корпусом после развилки, Нина хмуро заявляет:
- Тетя Маша, почему вы меня подружили с этой Миленой? Нет, сначала было хорошо – мы вместе гуляли и на первой перемене, и на второй. Когда она хотела с кем-то подраться, я ее… ну это… как его… отвлекала. Предлагала, например, порисовать мелом на доске… Правда Раиса Тимофеевна не разрешает подходить к доске на перемене. Но мы все равно рисуем, когда та выходит. И вот мы рисовали, рисовали, а потом на третьей перемене Милена вдруг схватила с парты у доски чей-то карандаш и как всадит мне этот карандаш прямо в руку… За то, что я сказала, что ее рисунок получился не очень красивый – она изобразила какую-то зубастую рожу. А теперь смотрите какая у меня на руке ранка – хорошо еще что не задета вена… В общем, мы с Миленой разошлись, как в море корабли.
- Жалко… Ладно, Нина, давай найдем Дашу, я беспокоюсь за нее.
- Вы расстроились, да?.. Но я оставила Милену не насовсем. Я немного приглядываю за

ней издали – если она начинает с кем-то драться, то я кричу «Милена!» и она послушно подбегает ко мне. Но дальше я не знаю, как с ней быть. И просто спрашиваю что-нибудь про уроки.
- А что она отвечает?
- Ничего.
- Что же потом?
- А я и не помню. У нас в классе на переменах так все быстро меняется – вот кто-то куда-то побежал. А вот я куда-то побежала… Тетя Маша, а знаете кем я буду когда вырасту – я буду учительницей. Как вы думаете, у меня получится?

Из-за корпуса, за которым находится трасса, через которую мы обязательно переходим все вместе, взявшись за руки – при этом машины моментально тормозят, с видимым удовольствием уступая нам дорогу – выскакивает с дикарским криком Даша и, приобняв меня, протягивает свою узенькую ладонь.
Она начинает, отчего-то посмеиваясь, рассказывать продолжение своего растянувшегося уже на неделю конфликта с Ксюшой.
- Эта Ксюша очень странная… Она теперь сидит с Сашей. Его же пересадили от меня после того случая… Ну, вы знаете сами… Кстати, мне его жалко, представляю как ему досталось дома от бабушки… Но ему в конечном итоге повезло – ведь они с Ксюшой любят друг друга… Ну что значит как это любят? Тетя Маша, вы смешная… Да не домыслы, а они сами нам недавно признались, что они жених и невеста… Нам, это всему классу. Я знаю, что в ваше время было по-другому… Но теперь же наше время… Ладно, тетя Маша, слушайте дальше… Вы же помните, Ксюша постоянно двигает свой стул назад… Стул давит на нашу с Ниной парту и мы там потом сидим зажатые как селедки в бочке. Я говорила-говорила: «- Ксюша, пожалуйста, не двигай стул!». Не слушает... Тогда я взяла и отодвинула на следующий день перед уроками нашу парту назад. А она пришла и опять прилипла к ней со своим стулом… Тут я вскочила и как заору: «Ксюша, не двигай стул! Ты уже меня задолбала!»… А это дурында не расслышала и подумала, что я выкрикнула плохое слово… Ну, вы сами понимаете… И нажаловалась потом своей маме. Она даже представляете что сказала маме – что не будет ходить в школу, пока я не извинюсь. А я не буду извиняться – потому что я не говорила этого слова и вообще-то в этой ситуации это Ксюша не права. Я так и сказала ее маме и учительнице.
- Хорошо, Даша. Раз ты права – значит, отставай свою правоту смело. Но и на Ксюшу особо не обижайся. Может она рассеянная и из-за этого плохо слышит.
- Да все она вообще-то слышит… Ах да, тетя Маша, сегодня ее мама опять подходила ко мне и сказала будто Ксюша никогда не слышала даже такого слова как «задолбала». Ага, как же!.. У нас в классе всякие такие слова летают как снежки.

Я знаю, где еще имеются такие слова. Там их преподносят, как горячие пирожки, и когда сердятся, и когда хотят приголубить.
Мастер этих невозможных пирожков – бабушка Люба. Так ее, в сочетании с именем, иногда называют между собой дети, дабы отличать ее от умершей сестры – бабушки Инги. Но чаще всего они называют ее просто бабулей.
Бабуля – бывший повар и официант одного из лучших ресторанов Тбилиси, что на горе Мтанцминда. Она обслуживала даже правительственные делегации, к чему допускали не каждого. Однажды ей даже подарил свои личные часы тогдашний министр обороны СССР маршал Гречко, зашедший в ресторан на ужин после удачно проведенных учений. Эти часы они потом положила в гроб к отчиму – тот был фронтовиком.
Бабушка Люба всю жизнь приобретала имущество и щедро раздаривала его окружающим. Вот и осталась, по ее словам, на старости лет нищей. О чем она на самом деле не скорбит. Потому что настоящие ее потери – не в этом.

Никогда не забуду я урока чтения под ее руководством.
Даша никак не могла прочитать ни одного слова из трех-четырех букв, которые я выкладывала магнитными буквами и так и этак. Даже слова «мама», от тоски по которой она иногда плакала, проснувшись среди ночи.
Бабушка, постукивая палкой, прибрела из кухни и выложила на доске четырехбуквенное слово.
- Читай!
- С…У… К…А.
- Ты, грамотей, не буквы называй, а читай. Алфавит я знаю и без тебя.
- С… У…
- А дальше?
- К… А…
- Пожени сначала две первые буковки, потом две вторые. Ну же!..

Но как она ни билась, Даша, глядя на слово, только все больше терялась, все больше хлопала глазами. И – наконец, когда окончательно выдохлась, отвернув голову от доски, вдруг непроизвольно произнесла его… И тут же зажала себе рот.
Мы расхохотались.
А Даша – расплакалась.
Она смела на пол книги и тетради, швырнула оглушительно забренчавший пенал, который стал от частоты сих действий погнутым, и убежала в другую комнату.
Я знала, что Даша справляется с периодическими истериками сама. И потом, вернувшись, все поднимет и хмуро, с неким вызовом произнесет:
- Что там еще надо писать?

Итак, я с некоторых пор не только вожу детей в школу, но и работаю у них учителем. Пока мать в Москве, причем, почему-то все еще в статусе ищущей работу, а бабушка у плиты – детям нужен человек, который будет делать с ними уроки. И у меня не было другого выбора кроме как стать таким человеком. Потому что то, что происходит у Даши и Ниной с учебой, не влезает ни в какие ворота.

Нельзя сказать, что они в классе самые отстающие – ведь есть еще не говорящие Милена с Алексом. Есть еще постоянно что-то затевающий и всех задевающий, но не знающий букв долговязый Алекс. На их фоне девочки смотрятся середнячками. Но на самом деле мне с большим трудом удалось научить их соединять буквы в слова, складывать не палочки, а цифры. Такие простые операции всякий раз оказывались за гранью их привычного, умопостигаемого мира. Мне приходилось повторять попытки преодолеть барьер снова и снова. Причем, я поставила перед собой задачу делать это без криков и угроз. И удерживала меня от них сверхзадача – я очень хотела понять, в чем причина возникновения, казалось бы, на ровном месте, барьера в сознании двух активных, сообразительных девочек. А понимание – это вообще-то путь к свободе, включая свободу от необходимости понукать не понимаемыми или не понимающими себя людьми.

Учились мы в лоджии, за единственным столом, который был обеденным. Но мы кое-как устраивались за ним. И занимались по очереди – сначала Даша, а потом Нина. Или наоборот. Пролив поначалу немало слез по поводу того, чья очередь садится первой. Обеим девочками хотелось поскорее расправиться с заданиями и убежать во двор. Казалось бы – почему бы им не делать уроки вместе. Но нет – девочки мешали друг другу, торопясь выкрикнуть ответ, что в конечном итоге выливалось в потасовку. Да и силы их были не равны – Даша шла впереди, а Нина отставала все заметней.

Обе они сидели на стуле так, словно ездили на еже. Они то вскакивали, то подскакивали, то принимались раскачиваться. То – начинали шалить и болтать. При этом взгляды их с трудом сосредотачивались на символах в учебнике или тетради. Я бы даже сказала, что их внимание проскальзывало по ним, как проскальзывает лодка по поверхности реки, когда ее сносит течением… Этим несущим лодочку первоначальных знаний течением была для них я. И в какой-то мере – школьная учительница, не поспевавшая за обилием школьных дел и проблем даже призадуматься о некоторых мелочах.
Для того, чтобы понять предмет, девочкам надо было окунуться в сам поток.
Но, увы, они еще не научились плавать. Хотя река манила их.
Порой эти все еще далекие, поневоле откладываемые знания так завораживали их, что они даже расстраивались и сердились. Или напротив – впадали в экстаз.
Например, Даша, захлопнув «Азбуку», спрашивала:
- Бабуля, а где наш Пушкин? Тетя Маша, давайте лучше я вам Пушкина почитаю.
- А?.. Пушкин?.. Опять Пушкин?.. А… Ну, ты же роешься в книжном шкафу хозяйки, грамотей. Пойди и вырой его. Это единственная книга, которая осталась от библиотеки, которую я собирала сызмальства. Пока я лежала с сыном в туберкулезной больнице, библиотеку кто-то спер.
- Вот он!.. Какая чистенькая книга. Тетя Маша, я вам «У Лукоморья дуб зеленый прочитаю».

Раскрыв наугад старенький том, Даша почти не глядя в него, принимается вдохновенно декламировать стихи, которые она когда-то выучила вместе с мамой. Эти стихи для нее как радостная песнь. Как гимн всепобеждающему Богу, о котором она не помнит, но которого, без сомнения, знает. Раскачиваясь лодочкой, она готова повторять волшебные строки снова и снова.
- Ведь красиво, да? – спрашивает она сияющим голосом. – Хотите еще раз?
- Очень красивые стихи.
- Да, тетя Маша. Этим стихам про Лукоморье научила маму ее мама перед ее самой смертью… А ту – ее мама. Нина их тоже знает. Но давайте учиться дальше, а то Нина тоже захочет читать Пушкина и прибежит к нам. А я ей как дам!.. А мне этого сейчас не хочется.

Подойдя к полками с книгами хозяев, Даша проводит по ним пальцем, заворожено рассматривает корешки. Достает одну книгу, потом другую. Неторопливо рассматривает картинки.

Демонстративно вынимает толстую-претолстую книгу с парусником на обложке.
- Тетя Маша, спасибо за «Острова и капитаны» Владислава Крапивина, - говорит она, вздохнув. – Я уже научилась читать название и имя писателя. Честно-честно.
- Еще не зная все буквы?
- Ну и что?
Даша хитровато и то же время обиженно смеется.
- Я знаю – эта книга на потом! – кричит из другой комнаты Нина, забавляющаяся в компьютере поиском нарядов для куклы.

Действительно, я подарила эту книгу на потом… Я так и написала первого сентября на ее форзаце – «Эта книга – маяк. Из тех, которые светят всю жизнь! Но понимаешь ее – не сразу».
Подписав книгу, я собиралась преподнести ее девочкам после первого школьного дня, когда они вернутся, все сияющие, домой. Я представляла, как торжественно пожму им при этом руки, и как они благоговейно примут книгу из моих рук. Как побегут показать ее бабушке. Как и она скажет по этому поводу какое-то краткое напутственное слово.

Но все случилось куда прозаичней.
В Грузии первоклассникам дарят маленькие компьютеры.
Вот и Даше, как и другим детям, на первом же уроке учительница в присутствии директора вручила небольшой чемоданчик, который она крепко прижала к груди, и, опустившись за парту, все продолжала сидеть с ним, пока учительница не велела поставить подарок на парту.
А Нине компьютера не вручили.
Потому что перепутали ее с Дашей, которая еще не значилась в списке класса из-за какой-то неразберихи в документах.
Итак, компьютер Нины достался Даше.
Но девочки про это не знали.
Нина поняла только то, что ее почему-то обделили.
И какой же она сразу подняла лютый рев!
Сдерживаемый в стенах школы, он бурно излился по дороге домой. Им, наверное, была навеки пропитана вся земля нашей крепкой, зеленой столичной окраины.
Выхода не было – пришлось мне опустить задуманное торжество и отдать детям «Острова и капитаны» в условиях рева, который не прекращался ни на минуту и дома.

Потом, конечно, все выяснилось и учительнице компьютер пришлось у Даши забрать, передав его Нине. Удивительно, но Даша не плакала. Она терпеливо дождалась, когда ее имя вписали в классный журнал, и получила свой компьютер.

Когда Даша только-только сложила в тетради 2 плюс 2, она так была горда собой, что тут же, нависнув сзади над уткнувшейся в тетрадь Ниной, принялась поучать ту:
- Нина, вот смотри – 2 плюс 2 равно 4. А у тебя почему-то 5. Ну, Нина, сколько можно думать!.. Ты что – тупая?!
- Даша, отстань!
Истошный крик Нины долго изливался потом на всех как из противопожарного шланга. Бабушка называет его воем. А Даша – глупым воем.

Может быть виной отставания девочек – плохие слова?..
Слова-указатели, слова-обвинители.
Или даже слова без слов, выраженные одним взглядом.
Или просто – слова как молчание.
А бывают еще слова пустые – те наполнены равнодушием.

С балкона своего этажа я поначалу слышала в первые сентябрьские дни как бабушка выкрикивала на всю округу в адрес девочек голосом, который становился у нее на высоких тонах визгливым и режущим, всевозможные упреки:
- Бродяги!... Мало того, что вы разбрасываете по дому вещи и не хотите прибираться, вы еще и в тетрадях выводите каракули. Даша, я же учила тебя летом как писать палочки. Одна к другой, одна к другой – с одинаковым наклонам. А у тебя они пляшут так и сяк. Я в ваши годы уже освоила каллиграфический почерк. Причем, меня никто не заставлял – я сама - понимаете! – сама захотела научиться писать красиво. Потому что я была девочка, а не конь.
- Бабуля, я – конь.
- А я – твой наездник. Такую позорную страницу я из твоей тетради вырываю!
- Бабуля, что ты наделала!!. Я столько писала!
- Ничего, напишешь заново. Но уже красиво. А Нина пускай, пускай пыхтит и воет – она за все это время поставила в тетради только одну точку. Причем, не слева и вверху, а

почему-то справа и в середине. Она настолько глупа, что не понимает где лево, где право. А все из-за улицы, куда она убегала летом, пока мы с тобой чему-то учились. Господи, вы так же непутевы как ваша мать!.. Виданное ли дело, она даже не приехала, чтобы повести вас первого сентября в школу. Живет там в свое удовольствие!

Позже бабушка предложила:
- Пожалуйста, Маша… Ну, пожалуйста!.. У меня нет никаких нервов! Выпили они мою кровь! Занимайся с ними, Маша, ты. Ведь это же у тебя - университетский диплом. А что это значит? Это значит - ты универсальный специалист. Можешь справляться с любой проблемой. Уж бездарей-то ты сумеешь как-нибудь обучить. Помоги нам, дорогая. А то они, дьяволята, вырастут неучами, как их мать. Когда их мамаша приедет, то обязательно отблагодарит тебя. За это ты не переживай.

Может быть, сказать, что горячо любимая мама неуч – это дать установку на подражание, которой дети подсознательно следуют?

Помимо всего, школьная программа первоклассников русской школы в Грузии перегружена такими кирпичами как одновременное изучение русского, грузинского и английского языков.
Эти кирпичи свалились им на голову разом, опрокинув в какое-то зажмуренное, почти сомнамбулическое состояние, из которого они вырываются, только придя в исступление.
- Бешеные дети! – жалуется всякий раз учительница, когда выводит их нестройным рядком к томящимся в ожидании родителям. – Ужасно невозможный класс!

Я смело выбросила два кирпича с нашего тонущего учебного судна. Оставив только один – красный - кирпич.
Только русскую Азбуку.
Собственно, она и была красного цвета, с лучистым солнцем знания на задней стороне обложки.
За этой Азбукой, как и за другими учебниками, мы ездили с Дашей на книжный рынок. И встретили в тот день в автобусе дядю с необыкновенно длинными усами и с золотой рыбкой в прозрачном пакете с водой. Дядя ехал и улыбался. Он подмигнул сидевшей напротив Даше, которая, подперев щеку кулачком, отчего-то смущаясь, поглядывала на рыбку исподтишка. Дядя сказал:
- «Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету». Антуант де Сент-Экзюпери.
Даша зажмурилась от счастья и засмеялась. Должно быть, она понимала свою будущую профессию уборщицы, за выбор которой ее осмеивали взрослые, как раз так. А веселое слово «Де Сент-Экзюпери» - это, должно, быть – «спасибо» на языке ангелов.

Давайте говорить веселыми словами!
Долой плохие слова!

Как хочется поскорее ринуться с головой в море знаний! Но на поверхности плавают какие-то знаки в виде букв и цифр. Они постоянно смешиваются, рябят, покачиваясь, на волнах. Иногда выпрыгивают из воды, как рыбки и тут же вновь плюхаются в нее. Порой их склевывают чайки. Порой - разводят своими поющими голосами русалки. Ими опоясываются дельфины, идущие в бой за спасение людей!
Как вдруг взять и отделить эти знаки от всего этого волнующегося моря-океана и превратить в какие-то мертвые ракушки и скелетики рыбешек, которые выкидывает на берег волной?

Конечно же, в семье Эленэ, например, эту проблему решили проще. Лет этак еще с четырех. Они просто вдалбливали, вдалбливали, вдалбливали тонкими, бренчащими как мелочь об стол, молоточками буквы и цифры прямо в новорожденное сердечко, внутри которого, как в русской матрешке, уютно расположился мозг. А сердечко при этом было равномерно разлито по всему телу.
Да нет, и это неправильно, потому что я сказала про это чужими, оторванными от корней словами.
На самом деле дети и есть сплошные сердца - вездесущие, всепроникающие.
А молоточки - раз! – и в один прекрасный день прокалывают их.
Тогда матрешка распадается на несколько своих уменьшенных копий. Ведь Вселенная устроена фрактально. Ум, родившись, вылетает из сердца и осматривается. Он видит с одной стороны мир, а с другой – тело. Ему теперь предстоит как-то балансировать.

Моря больше нет.
На столе прилежной ученицей Эленэ, которую по протекции папы - помощника прокурора приняли в школу как ребенка-вундеркинда с пяти лет – стоит граненый стакан с водой. Сквозь грани которого она иногда задумчиво смотрит на растворившееся в воде солнце.
В сентябре этого года Эленэ забыла Дашу и Нину.
Встречая их в подъезде или во дворе, она даже не здоровается.
- Не спрашивайте меня «почему», - говорит Даша почти безразлично, - я и сама ничего не понимаю. Да и мне все равно. Нет, мы не ссорились…Как-то Эленэ, когда я подошла к ней, когда она шла под руку с одноклассницей, прошипела сквозь зубы: «Отвали, малышня!.. В вас есть что-то такое, чего быть не должно». Я вот только, тетя Маша, все думаю – а что в нас не так?
- Не знаю, мой дорогой человечек. Я и сама частенько чувствую себя глупой. Но не будем отчаиваться. В Книге про Жизни на Земле Бога написано: «Сыны века сего догадливей сынов света в некотором роде». Так что глупость – не порок.
- А все говорят, что – порок.
- У слов есть много значений, и они постоянно меняются. Все зависит от того, что вкладывает в слово твоя душа. Даже слово «глупый» в устах доброго человека может стать похвалой.
- Тогда, тетя Маша, он должен сказать: «Глупенький!».
- Верно!... Ну, ты меня поняла.
- Тетя Маша, а почему Бог нас наказывает?
- Да никого он не наказывает. Это мы сами себя наказываем. Самое большое наказание – забыть себя.
- А говорят, что хуже всего – забыть Бога.
- Ну да. Забыть в себе Бога – это и значит забыть себя.
- И все-таки, тетя Маша, я поняла, но не совсем. Объясните, почему в Книге про Бога написано, что Бог всех наказывает направо и налево. Потоп-то Он сотворил?
- Кто тебе это рассказал?
- Я сама прочитала. Я иногда читаю эту Книгу с фонариком, лежа под одеялам. Так интересней.
- Но ты же еще не выучила всех букв.
- А я вспоминаю мультик по этой книге, и у меня появляются перед глазами картинки.
- Даша, а ты как сама чувствуешь – Бог злой или добрый?
- Добрый… Очень добрый.
- Даже люди, если они добрые, честные и искренние сами с собой и другими – никогда никого не наказывают так, как это принято, скажем так, у людей менее честных. Например, писатель и педагог Владислав Крапивин, книгу которого ты тоже, наверное, почитываешь с фонариком, ведь в ней прекрасные иллюстрации – по его собственному

признанию, ни разу не ударил своих сыновей. А их у него двое. В крайнем случае, если они в детстве очень сердили его, он, обижаясь, переставал с ними разговаривать. И ничего – оба выросли хорошими людьми… Как и тысячи других мальчишек и девчонок, выросших на его книгах. Как ты думаешь, может ли Бог быть хуже Владислава Крапивина?
- Думаю, что - нет.
- Вот и думай дальше.
- Вы думаете, я хочу, чтобы Бог нас наказывал?!
- Конечно же ты этого не хочешь! Твое сердце возмущено!.. А кто-то пытается убедить тебя, что все наказания – от Бога. И грех – не принимать их. Смотри не ведись на эту обыкновенную человеческую манипуляцию.
- Но ведь в Книге про это написано!.. Написано!.. Или нет?.. Вы ее вообще читали?
- Понимаешь, Даша, чтобы постичь такую Книгу, нужно нырять в ее глубину. А слова плавают на поверхности. Они лишь отражают характер и настроение моря. И отражают его не прямо. Поэтому читать надо, не держась за слова. Как тебе, чтобы прочитать слово, вредно цепляться за буквы – я все время про это напоминаю – так ныряльщикам в глубину книг вредно цепляться за слова. Противник нашего Господа тоже цитировал Библию, когда спорил с Иисусом в пустыне. Он, в частности, искушал его словами. Он тоже умел говорить: «Написано…». А ты помнишь, я рассказывала вам с Ниной про одного отстававшего в школе мальчика – его звали Альберт Эйнштейн. Который стал потом ученым и перевернул представления о Вселенной у целого мира. Как ты думаешь, смог ли бы он донести такие представления до древних иудеев – вчерашних рабов, только что выведенных из Египетского плена? Конечно же, родись Эйнштейн среди рабов и рабовладельцев, на которых делились тогда люди, то шансов объяснить им свою теорию относительности, как и донести многие другие более совершенные знания, у него не было. А теперь представь на его месте мальчика Моисея, который тоже был в юные годы каким-то отсталым да глупым – так о нем думали во дворце фараона. Как ему донести до них, что наш Бог – чудесный, но Чудо распалось в их душе на маленькие невзрачные чудеса – например, на падающие с небес на тарелку жареные перепела?.. Вот он думал-думал, и придумал написать Книгу, в которой передал характер и слова Бога в понятной для рабов форме. Где Бог – это их Господин. Он посылает им то радость, то горе, в зависимости от их настроя и поступков. Ну и наказывает их по всякому, как наказывали тогда рабов. Но мы-то уже не рабы! Да и Бог еще две тысячи лет назад сорвал с себя эту давным-давно устаревшую маску господина-рабовладельца, когда проходил к нам таким, как он есть – как Господь наш Иисус Христос. Вот и взирай на Иисуса Христа, когда затрудняешься с пониманием каких-то слов Книги.
- Да я, тетя Маша, так и делаю – я вспоминаю про Иисуса и чувствую что - нет – он бы не смог использовать с нами, дураками, палку как палку. Он бы очистил ее от всяких сучков и – сделал бы из нее указку.
- Ну, вот ты все и поняла. Хоть и говорят, будто Библия – это книга за семью печатями. А мне, поделюсь с тобой своей фантазией – представляется, что семь печатей это как семь матрешек, когда их всех вынули друг из друга. А может, их и не надо вынимать? Может, не надо разбирать большую матрешку?
- А хочется знать, что там внутри!
- Ох, это «хочу все знать» вместо «чувствую»!.. Даша, почувствуй – в большой матрешке есть только Любовь. И – ничего другого… Не открывай ее, пожалуйста. Любовь не любит прикосновений руками. Ты сможешь нащупать вместо нее только маленькие матрешки – все более маленькие, маленькие и маленькие. Если не понимаешь великой Книги – лучше брось ее на пол. Да-да, выброс ее. И просто – взирай на Иисуса. А Бог тебя поймет. И утрет твои слезы. Он поднимет свою Книгу. И раскроет перед тобой, когда ты немного подрастешь.

Я рассказала им про Эйнштейна, когда Даша рассердилась на Нину за ее «2 плюс 2 равно 5».
Объяснив, что самый смиренный разум у настоящих ученых.
Не у коллекционеров дипломов и званий, а у тех, кто понял, что они знают только то, что ничего не знают.
Потому что мировой простор бесконечен и беспредельны возможности по постижению его совершенных законов.
У настоящих ученых как отличников школы жизни – нет повода гордиться собой, да и времени у них на такие пустяки тоже нет – хочется успеть открыть для людей хотя бы еще один совершенный закон.
Такие люди догадались, что 2 плюс 2 не обязательно 4. И создали высшую математику.

- Я тоже буду ученым! – воскликнула Нина. – Я буду нырять с аквалангом в океан и изучать китов и акул!
- Тогда начни с чтения «Истории рыб». Пока – через рассматривание картинок. Присматривайся к названиям под картинками. У тебя память отличная и ты скоро запомнишь их все целиком. И будешь узнавать их в тексте еще до того как научишься читать предложения. Представляешь, как это будет интересно!.. Ты будешь вылавливать эти рыбки-слова как заправский рыбак!

- Подумаешь, рыбки! – скривилась Даша. - Ты, Нина, так грязно пишешь в тетради, что учительница говорит, что ей противно брать ее в руки. И сколько ей уже тебе повторять: «Нина, не называй буквы в слове, а читай их». Но ты все равно не слушаешь. Ты только сидишь над тетрадью как коршун и прикрываешь ее ладонями, чтобы никто не увидел твои каракули. Учительница даже уже и не хочет тебя вызывать. А потом возьмет – и оставит на второй год!
- Даша, я тебя ненавижу! Ты не сестра!!..
- А я как сейчас кину палку в этих сцепившихся волчат, так тетя Маша сразу поймет, что нельзя им потакать, – подает со своего кресла в углу лоджии бабушка, оторвавшись от кроссворда. Но берется не за свою палку, а за швабру.
Дети разбегаются. Сердито показывают другу кулаки. И вот-вот опять сойдутся в нешуточном бою.
Я пока не придумала, что с этим делать. И только беспомощно взываю к порядку.
Иногда у меня даже вырывается:
- Елки - палки, Даша, дерись, но не бей сестру в живот!
Наверное, если привычка работать кулаками закрепится, то Даша потом с вызовом заметит мне:
- А вы говорили – дерись!
- Бедный Бог тоже говорил дикарям через закон Моисея: «Око за око, зуб – за зуб». Чтобы они, наконец, поняли, что - выбив кому-то зубы, они рискуют получить по зубам и сами... Хотя вообще-то с самого начала сказал: «Не убий!».
- А зачем он тогда заставлял иудеев резать барашек?
- Барашки были прообразом Иисуса Христа, которого эти же иудеи – неважно, они сами или их потомки… Ну, ты сама знаешь, что они с ним сделали. А Он потом взял их грехи на Себя. То есть не обиделся на них. И не стал им мстить. Потому что понимал, что они – еще маленькие. Да и месть, убийство – это такие качества, которые не помещаются в Бога. Ведь Он благородный рыцарь на белом коне!
- Подождите!.. Иисус въехал в Иерусалим на осле.
- А как ты думаешь, почему Он выбрал не коня, а осла?
- Наверное, потому что осел – упрямый и глупый. Ой!.. Что-то я ничего не пойму. Ведь Иисус-то умный.
- Да, ослики - как думают про них многие люди – упрямые да глупые. А Иисус все равно

выбрал ослика. Это – загадка. Вот и подумай над ней.

Но чаще наши занятия проходят дружней.
Случаются, конечно, и драки. Есть время слез.
Но есть и немало приятных минут.
В такие минуты мы учимся и одновременно беседуем, причем, в эти беседы вплетаются серебряной нитью семейные истории, которые бабушка бережно хранит в своей памяти, как в малахитовой шкатулке, и часто любовно перебирает. Нам она передает их в виде баек. Да и сама бабушка – худощавая, верткая, с часто меняющимся, как бы извивающимся настроением – от теплой улыбки до слез – похожа на царевну-ящерицу. Дети говорят, что в молодости она была необыкновенно красива.

- Какие у вас завтра уроки?
- Математика, чтение, русский, грузинский, английский, окружающий мир.
- Начнем с чтения.
- Нет-нет, чтение потом!... Сначала - писать! А то не успеем!
- Как же писать, когда не умеем читать?
- Но учительница же проверяет тетради каждый день. А по чтению спрашивает – не каждый... Тетя Маша, не тяните время! Мы и так после школы отдыхаем только час, да и то его половина уходит на кушанье. А потом приходите вы, и мы занимаемся почти до ночи. Мы только и успеваем немного побегать по улице и – ложимся спать. Когда, тетя Маша, жить?!
- Хорошо, начнем с математики. Вот что мы действительно не успеем, так это грузинский и английский. Окружающий мир, наверное, тоже… Хотя это очень важный предмет.
- Учительница по английскому не задает нам домашних заданий. А с грузинским нам поможет ночью Инга, когда вернется из друзей. Она напишет нам все на листочке, а мы утром быстро перепишем. Про окружающий мир мы все знаем – про него учительница рассказывает на уроке.
- Ладно, Даша, доставай математику.

Далее Даша, которая так торопилась, начинает безуспешно бороться со временем как угодившая в его паутину пчела. Борьба это горькая и почти проигрышная, потому что время становится все более густым, непроходимым, темным. Чем больше девочка пытается вырваться из него, из-за всех сил всматриваясь в учебник и старательно копируя из него все черточки и кружочки закорючки, тем больше они пляшут у нее в тетради и тем чаще куда-то пропадают, так до нее и не долетев. Вся ее тетрадь исчеркана красными молниями – это оповещает о грядущей грозе учительница. А вдруг она никогда не выучится читать и считать?.. Как это будет стыдно! Страшное это подозрение делает тело деревянным.
Даша все больше ерзает на стуле, все сильней раскачивает его, взгляд ее становится блуждающим и все чаще замирает, уставившись в какую-то точку на стене.

И тогда я беру в руки некий невидимый руль и неспешно, мягким тоном подсказываю, как и что ей надо делать. Я буквально направляю голосом ее взгляд и руку – взгляни туда, а потом сюда… Прибавь – это, отними – то. Вот это напиши сюда, вон то – туда… Да-да, в таком порядке лучше. Но не обязательно в таком. Пиши так, как удобней тебе… Про почерк пока забудь – пиши как можешь… А теперь немного отдохни… Конечно, можно. Часто мне приходится почти диктовать ход решения. А то и просто делать задания за девочек, а им остается только переписать.
А переписать - это почти как перетаскать мешок кирпичей!

Незримая машина, которой мне приходится рулить, полна мешками с кирпичами. И я

чувствую себя соучастницей какого-то воровства. Словно мы у кого-то крадем эти кирпичи. И есть подозрение, что крадем у себя самих.
Так зачем-то надо школьной программе, которая гонится за нами с сиреной как полицейская машина!

- Тетя Маша, а что такое ад? Это второе солнце в земле?
- Нет, это зарытый в землю талант. Это невозможность стать на Земле человеком. Хотя потенциал к этому есть. И ты горишь в его огне, как во время пожара в запертом доме.

- Бабуля, посмотри, я красиво написала, да?..
- Да где ж там красиво. Убери поскорей тетрадь, пока я ее не порвала, несмотря на запрет тети Маши. Ты лучше скажи, грамотей, не припасено ли у тебя где в баночке сахарку? Попили бы чаю. Тетя Маша, вы слышали – я иногда отсыпаю в отдельную банку сахар и прячу его, чтобы эта саранча не уничтожила его разом. А недавно подметала и нашла в углу спальни тайник – Даша нашла себе какую-то банку и тоже прячет в ней сахар. Я говорю: «Я-то прячу сахар от тебя. А ты от кого – от себя?»… Ладно, внученька, доставай новые чашки для чая. А сама сбегай в будку к тете Элисо – купи что там нужно вам к чаю. Кока-колу купи себе и Нине. Ну и мне маленькую бутылку. Скажи, что мама приедет и за все расплатится.
- Какие новые чашки для чая? Из чайного сервиза для гостей? А у нас не бывает гостей, которые пьют чай. У нас бывают только те, кто пьют водку.
- Врешь! Есть у нас такие гости. Да вот хоть взять тетю Машу… А раньше ко мне ходили все степенные, порядочные люди. Что делать – многие перемерли.
- Тетя Маша больше не гость – она нам родная.
- Кто ж с этим спорит. Без тети Маши вы б пропали. Иди, Даша, в магазин и купи там что-нибудь к чаю и для тети Маши.
- Ох, бабуля, хватит уже. Потом ты начнешь петь песни.
- А что – разве я плохо пою?
- Всю ночь?! Ты помнишь, что сказал дядя Сулико, который живет под нами?.. Что вызовет патруль! У него – парализованная жена, а ты ей спать не даешь. Ты хочешь, чтобы нас в детдом забрали?!
- Даша, я иногда тебя боюсь… Вот вырастишь и станешь еще директором. И сведешь нас всех со свету.
- А я думаю, что она станет вашим семейным ангелом. И исцелит раны вашего сердца, приумножит вашу мудрость. Недаром она задает столько вопросом, запасаясь ответами смолоду.
- Я поняла тебя, Маша... А ты, Даша, не защищай уж так рьяно этого Сулико – из-за него погибла тогда ваша кошка. Это он травил в подвале мышей – кот, видимо, и сожрал отравленную мышку… А я, между прочим, люблю и мышек, и блошек, и всякую травинку. Кормлю на балконе голубей… Кстати, попроси еще в долг зерна.

После чая – беремся за русскую грамматику.
Даша читает в учебнике:
- «ЗлоГо героя…». А злоГо – это что такое?
- Это - другая форма слова «злой». В нем слышится «в», но пишется «г». Ну, ты же знаешь – в русском языке слышится одно, а пишется другое.
- А почему бы не писать правильно?..

Мы немного смеемся. Особенно над тем, что мне не удается ответить на вопрос. Оказывается, я тоже не все знаю. Причем, я и не собираюсь это скрывать. «Узнаю – расскажу», - спокойно отвечаю я в таких случаях. Иногда же - сразу принимаюсь рыться

в книгах, в интернете, что-то прикидываю в уме, размышляю вслух.
- На свете так много всякой всячины, - вздыхает Даша. – Ума не приложу, как все это запомнить и понять где что. Как научиться отделять правильное от неправильного.
- Надо ничего не принимать на веру просто так, а учиться размышлять. Тогда ты научишься замечать закономерности, которые связывают те или иные вещи. И сможешь их группировать. Тогда они не будут разбегаться перед твоими глазами во все стороны как лебедь, рак да щука. Например, нельзя произвольно смешивать буквы и цифры – буквы сгруппированы в алфавит, а цифры – тоже во что-то сгруппированы. Только я забыла – во что… Ничего, вспомню потом. Главное – понимать информацию, а не хранить ее в памяти как какой-то отсыревший сахар… Так отделяют правильное от неправильного. А вот с добрым и не добрым сложнее. Это различают сердцем. Причем, заметь – даже правильное люди не всегда используют по назначению, не всегда обращают к добру.
Что же касается вопроса как писать верно, то я бы ответила так – полюби, Даша, чтение. И читай в свое удовольствие. Когда читаешь с любовью, то строчки сами струятся перед тобой как волшебные и сами собой рождают слова. И рука их потом так и пишет словно сама, и пишет все правильно. Я никогда не учила правил. Но пишу при этом грамотно. Да и в русском языке слишком много из них, правил, исключений.
- Наверное, вы были в школе отличницей.
- Нет, Даша, троечницей. У меня не было времени раскладывать в своей голове знания по полочкам. Я стремилась вперед.

Когда настает черед Нины, та, усевшись на стул с таким видом, будто тот электрический, тем не менее, весело сообщает:
- А я раньше думала, что ТетьМаша – это все одно слова. Ну, я тогда была еще маленькая. Давайте, теть Маша, начнем с русского.
- Может все-таки с математики?
- Ну, давайте, с математики.
- Скажи мне, пожалуйста, сколько будет 5 плюс 5?
- 5 плюс 5?.. Х-ха!.. Легко!..
Нина вытягивает перед собой руки с растопыренными пальцами, смотрит на них, что-то про себя шепча. Считает их, отмечая счет кивками головы.
- Будет 11.
- Немного не так.
-Ой, я дура-дура! – хлопает себя по лбу Нина. И заискивающе и в то е время лукаво заглядывает мне в лицо. – А как правильно?

У нее нет настроя на то, чтобы угодить вслед за сестрой в липкую и тягучую как мед паутину оторванных от какой-то незримой, всем и так понятной основы знаний, которую ткет какой-то паук. Как нет и храбрости лететь мотыльком на огонь. Она не любит преодолевать неестественные трудности.
- Мама не будет про это думать. Она не любит думать зря, - обронила как-то Нина, когда бабушка в очередной раз сетовала, что мама, находясь в отлучке, совсем не думает про то, как они тут без нее.
Не знаю, как маму, но эти слова точно характеризуют саму Нину.

- Вытяни руки еще раз. Вот смотри – это одна рука, а это – вторая. Посчитай сначала пальцы на левой руке… Посчитала? Верно, пять. А теперь пересчитай на второй. Пересчитала? Да, тоже пять. Ну и сколько будет 5 плюс 5?
- Тринадцать, - выпаливает, не успев даже моргнуть, Нина. Как обычно – наугад. Ритуал обращения к пальцам она соблюдает лишь для отвода глаз.
- Ну, ты и дура! – успевает крикнуть убегающая во двор Даша.
- Даша, заткнись! – чувствуется, что Нине совсем не хочется так грубить. Но почему-то

нужно.
Она зевает. Но, спохватившись, подавляет зевок ладонью.
- Извините, тетя Маша.
- А сколько будет 5 плюс 7?
- Значит, так… Сначала посчитаем пять пальцев на левой руке… Посчитали. Теперь еще семь на правой… Ой, а пальцев больше нет. Тетя Маша, одолжите мне свои… Вытяните, пожалуйста, руки… Продолжаю считать…Значит, сколько у нас было – девять? А стало – одиннадцать. Одиннадцать, тетя Маша!.. А знаете, как считает Милена? Когда ей не хватает пальцев на руках, она скидывает туфли, стягивает носки и начинает считать пальцы на ногах. Вот умора, да?.. Вы не беспокойтесь, я в школе за ней приглядываю. Я продолжаю отвлекать ее внимание на себя, когда она хочет подраться или унестись куда-нибудь из класса… Что вы говорите! Ей нужно не это? А как же с ней дружить, если она не умеет дружить?!. Теть Маша, а, теть Маша… Вы лучше скажите, а получится из меня клоун? Я, когда вырасту – хочу быть клоуном. В цирке же не нужна математика? Или как?

Я предлагаю ей сочинить и решить задачу про цирк.
Нина тут же выпаливает:
- Шли семьдесят человек медведей…
И жутко хохочет.
Потом, посерьезнев, озабоченно спрашивает:
- А почему существуют волки и зайцы? Ой, я дура-дура!.. Я хотела спросить, почему они кушают друг друга. Если вы говорите, что Бог добрый.

Наверное, она ожидает, что сейчас расхохочусь я. Поскольку теперь уж точно сяду в лужу.
В мой телефон плюхается сообщение. Наверное, это рассылка. У меня есть время подумать, пока я вожу по ней взглядом.
- У вас что, нет в мобильном фильтра от рекламы?.. Дайте я вам установлю. – Нина ловко щелкает моим мобильником, практически не глядя на него - раз, два и готово.

- Я не знаю ответа.
- Ничего, тетя Маша. Я вас и так люблю.

- Не на все еще вопросы есть ответы у человечества. И сколько их еще будет у него – вопросов… Ведь Вселенная бесконечна. Значит, и загадок в ней множество. А есть еще такие тайны, которые ведомы только Богу. И мы их человеческим умом понять не сможем. Но тайна конкуренции в природе за пищу, я думаю, не из таких. Причина ее, конечно, еще не известна науке, хотя был такой ученый как Дарвин, который объяснял все слишком плоско, глядя из сегодняшнего дня… Но давай попробуем пофантазировать. Представим, что раньше люди жили в Эдемском саду и питались только манной небесной и фруктами.
- А потом съели яблоко, что было строжайше запрещено. Потому что хотели все знать. Нам про это рассказывала тетя Алена.
- Ну вот, они съели запретный плод, и у них завелся внутри какой-то червячок. И они, словно вывернувшись наизнанку, стали видеть все не так. Не своими глазами, а глазами червячка.
- И что – червячок захотел есть капусту?
- Да, как-то так... Люди забыли про манну небесную и про Бога, который щедро расточал ее. И переключились на питание капустой. А потом и – принялись друг за друга. Причем, не только фигурально. Ты, наверное, слышала про племена каннибалов. Которые еще сохранились кое-где, как пережитки седой древности… А животные, рыбы, насекомые,

растения и даже микроорганизмы – они подчиняются человеку, как заповедал им Бог. И могут подражать только ему. Их пищей в Эдемском саду была – его доброта. А человек стал червячком. Ну, вот природа и тоже нехотя, иногда горько плача от самой себя, порой испытывая тошноту, поглощая извратившуюся человеческую энергию, раздвоилась в самой себе, вывернулась наизнанку и…
- Тоже стала бескрылой и стала ползать на брюхе! Вы это хотели сказать, да, тетя Маша?
- Ну, вот ты и ответила сама на свой вопрос. А теперь, заметь, если развить эту мысль дальше, то получится, что если ты прогнил изнутри, то – тебя сожрут микробы. На каждый порок – свой набор микробов. Вот тебе и причины болезней.
- У нас был сегодня фантастический урок! Спасибо, тетя Маша… Можно уже идти?
- Как?.. Мы же еще не написали ни строчки.

- Погодите, теть Маша. Я вам сначала про леопарда расскажу.
- Про какого леопарда?
- Про того, которого убил Илья. Вы же знаете – Илья ходит на каратэ. И вот его мама в воскресенье пригласила нас с Дашей к себе на дачу. Это в деревне около Мцхеты. Вы же знаете, там много туристов. И для туристов в клетке завели леопарда. Ну, чтобы им было не скучно… И вы представляете, этот леопард убежал, а у Ильи на даче был лук – не игрушечный, а настоящий. Ему его сделал папа. И вот Илья встретит сбежавшего леопарда, когда гулял с луком по лесу, поднял свой лук, выстрелил – и попал леопарду в самое сердце. А потом, чтобы его мама за это не ругала – снял с него шкуру, разделал и изжарил на костре. А потом съел!... Только ужас сколько было кровищи вокруг этого костра, когда мы хватились, что Ильи давно нет и пошли на дым. Даша как запищит, когда все это увидела. А я чуть в обморок не упала. Меня до сих пор тошнит.
- Бедняга лепард! Боже мой, ведь мы бы могли потерять Илью! А мясо леопарда – съедобно ли оно?..
- Теть Маша, вы что? Вы что мне – поверили?!.. Это была шутка. Не было никакого леопарда. А Илью мы не видели с лета – у него то школа, то танцы, то плавание, то каратэ.
- Зря ты меня обманываешь. Я могу потерять к тебе доверие. Ведь если не знаешь, правду ли говорит человек или врет – то волей неволей настораживаешься.
- Я больше не буду.
- Доставай тетрадь.
- Ладно… А вы с Дашей тоже сочиняли задачи? Про что она придумала свою? А то мы на днях решали в классе недоконченные задачи и попалась задача про баржи. На которых из одного города в другой везут какие-то товары. Надо было придумать – какие. Ну, Даша и написала в своей тетрадке: «Баржи везли бутылки…». Это она бормотала вслух, пока писала. А я-то теперь сижу рядом. Я и спросила: «А с чем бутылки?». Я хотела, чтобы она написала ну сами понимаете с чем… Но она взглянула на меня так строго, что аж мороз по коже и, взяв ручку, так сильно нажала ее, что сломала. А потом схватила мою ручку и докончила предложение. Поставила в конце с силой огромную точку. У нее получилось: «Баржи везли бутылки с лимонадом»… А на днях она знаете что учудила? Я ее спросила на перемене: «Даша, пойдем сегодня в гости к Любе? Лука, наверное, накачал новые игры». А Даша возьми и ляпни на весь класс: «Нет, Люба сегодня будет пить!». Хорошо хоть все галдели и, наверное, почти никто не услышал. Я шепнула ей в ухо: «Даша, тише!.. Люба не пьет, ты что забыла - она закодировалась». Даша призадумалась, стрельнула глазами в одну сторону, стрельнула в другую, и говорит своим запинающимся голоском, но, опять, блин, на весь класс: «Люба не будет пить…».

- Что-то ты разошлась, - подает из кухни голос бабушка, - Ну и дети – одна – бродяга-грамотей, а другая – бродяга-чародей. Целыми днями пьете мою кровь!
- Бабуля, ты пьешь водку, а мы с Дашей пьем твою кровь, чтобы уменьшить в ней водку.
- Может, у меня потому похмелье? Вот и будете по очереди восполнять мне то, что

выпили. На барже привезете!

Пока бабушка возится с тестом для пирожков, Нина сбрасывает на пол тетрадку, которую только достала и, встав на нее обеими ногами, принимается топтать.
Потом поднимает и, смахнув грязь, как ни в чем ни бывало усаживается за стол.
- Как я ненавижу уроки! Но вас, тетя Маша, я люблю. Давайте уже писать.

Когда я выхожу после занятий за дверь, дети тоже выбегают на лестницу и пытаются провожать меня до самого моего этажа. Но я их останавливаю. Мы братски обнимаемся.
- До свидания, тетя Маша! Спокойной вам ночи!.. Пушкин, ты здесь?.. Шел бы ты уже домой. Хочешь чаю? Если хочешь, мы принесем!

Я вглядываюсь в темный силуэт с головой как у большой круглой колючки. Силуэт отделяется от стены и садится на нижнюю ступеньку.
Нет, это не Александр Сергеевич Пушкин, а – просто Пушкин.

Несмотря на то, что на лестнице кромешная темнота, мы знаем, что он всегда здесь.

Так все называют паренька лет шестнадцати за его роскошную курчавую и нарочито нечесаную шевелюру. Он прописался на лестнице, поклявшись Инге, что будет приходить после колледжа и оставаться здесь до утра, пока она его не просит.
Но мы знаем, что Инга не простит. Потому что если она что-то твердо решила, то – это навсегда.

Инга встречалась с этим парнем целый год и весь год просила его отказаться от идеи стать вором в законе.
Да-да, Пушкин мечтал о карьере вора и совершал для этого, тренируясь, кражи шоколадок и конфет из окрестных супермаркетов, пытаясь потом сложить эти трофеи у ног подруги – разумеется, она их отвергала. Нарочно втягивался в драки со шпаной. И накачивал мышцы в спортзале, потому что полагал, что настоящим преступникам они необходимей всего.
Наконец, Инге надоело отговаривать его, надоело напоминать о разбитой жизни своего отчима. И она с Пушкиным рассталась.
А тот – никак не уходит.
Он клянется, что никогда не станет вором. А станет теперь полицейским, и будет с ворами бороться. Ведь повадки бандитов он уже изучил.

Мысленно я так и вижу, как Инга проплывает мимо него своей плавной походкой, и, открыв ключом дверь, бесшумно захлопывает ее. Щелкает замок. Все. Пушкин сюда не пройдет.
Дальше она торопливо пробирается в спальню, тоже закрывает дверь и ложится, не раздеваясь, на тахту.
Но бабушка, приковыляв из лоджии, приоткрывает эту скрипучую дверь и, просунув голову, сердито говорит:
- Явилась не запылилась. Ты бы хоть свет включила… Батюшки, да ты еще и одетой собираешься спать!.. Что называется – догулялась.
- Отстань, пожалуйста. У меня голова болит. Я потом встану и переоденусь. И приму душ.
- Вот приедет мать – она с тобой разберется. Разъяснит тебе по-своему как шляться ночью по подъездам. Я же тебе опять поверила. Поверила, что ты сходишь только в универмаг за лаком для ногтей и сразу - обратно. Даже дала тебе деньги на этот лак и на стиральный порошок… Ну и где порошок? Про лак я уже не спрашиваю – черт с ним.
- Понимаешь, бабуля, я встретила около универмага одноклассницу и оказалось , что у нее

день рождения. Она меня пригласила, а как пойдешь без подарка. Я купила вместо порошка коробку конфет. Прости… Порошок я завтра попрошу в долг у тети Элисо.
- Врешь!

Все знают, что Инга почти всегда в таких случаях врет. Но все равно почти всегда поначалу верят ей. Потому что у нее талант драматической актрисы. Однажды она даже взяла и хлопнулась перед всей семьей в обморок. Тех чуть кондрашка не хватила. Все бросились приводить ее в чувство. Но Инга открыла глаза и томно сказала:
- Не надо… Я пошутила. Это была репетиция – вы же знаете, что я собираюсь в театральный.

Бывают у нее шутки и пострашней. По рассказам детей, собственную мать она, когда та готова была влепить ей пощечину, мгновенно останавливала словами: «-А мне сегодня приснилась бабушка Инга! Она хотела меня о чем-то предупредить. Но я ничего не поняла». И мать как на забор напарывалась: «- Мама?.. Ну-ка рассказывай сон».

Странные люди - подростки.
Даша с Ниной по-прежнему следят за их любопытной, полной каких-то тайн жизнью – в оба глаза. И всегда в курсе сердечных дел старшей сестры.
Они поведали мне, что Инга часто садится, после того как бабушка уснет, в освобожденное той кресло и сидит там в наушниках, уткнувшись в телефон, до утра. Что-то пишет, стирает, снова пишет и снова стирает... А потом смотрит какой-нибудь взрослый фильм. И – по ее щекам катятся слезы. Потому что ей понравился один парень – его зовут Гио. А этому парню на нее наплевать.
Он ей сказал:
- Ты можешь приходить ко мне, только если я тебя позову. А такое не случится никогда.
И задача Инги теперь – как-то вырвать из сердца свою любовь.

Однажды Инга стала привирать бабушке так:
- Бабуля, я опоздала потому, что когда я переходила дорогу возле церкви, мне встретился батюшка. Он тоже шел по «зебре» и вдруг ему стало плохо, и он упал. Пришлось дотащить его до остановки и вызвать скорую. А она так долго ехала. Представляешь, я помогла батюшке!

Даша, услышав это, даже открыла рот и приподнялась от волнения со стула. Потом, нахмурившись, тяжело, с шумом упала обратно на сидение.
- А вы – мой батюшка! – сказала она, рассмеявшись. И шутливо боднула меня головой в грудь, а потом несколько неловко, смущено приобняла.
- Нет-нет, - возразила я, - ваш батюшка – тетя Алена.

- Тетя Маша, перекреститесь! – шепчет мне Даша в автобусе, если нам случается проезжать мимо храма. – Это – дом Бога.
И трижды истово крестится еще раз.
- Ах, да! – словно спохватываюсь я и торопливо осеняю себя крестным знамением.
Можно бы было, конечно, обойтись и без этого.
Объяснить, что это не обязательно и что Богу не нужны внешние знаки внимания.
Но я чувствую, что Даша не поймет меня.
И, пожалуй, даже обидится.

Часть вторая

1

Настала зима. По обыкновению последних лет – бесснежная. Небо как исчеркали простым карандашом – да еще и опрокинули в него стакан, в котором полощут кисточки после акварельных красок. Стало оно мутное, не поймешь чего от него ожидать.
Вздыхая, Даша неторопливо вырисовывает кисточкой золотистый остров с пальмой в синем море. Сегодня воскресенье и можно немного пожить для себя.

Рисовать она умела всегда. В этом она пошла в Ингу. А вот Нина в сестер не пошла. Ну и не надо ей ни в кого идти – хватит с нее и того, что она умеет наряжаться и танцевать. Этот рисунок она тоже бережно сложит в стопку рисунков, которые подарит маме.
Ведь мама приедет уже завтра!
Правда, они ожидали ее еще с месяц назад, когда она тоже каждый день писала Инге через скайп – завтра, завтра, завтра… Причем, не показывая лица, и Инга даже тревожно спрашивала в сообщениях: «Мама, это правда ты?..». И каждый день прямо-таки бежал со всех ног, торопясь превратиться в завтра. А иногда вдруг спотыкался и переставал двигаться. И завтра становилось таким далеким!

- Бабуля, ты спишь?
- Уже нет… Вздремнула немного. А Инга не приходила?
- Еще нет. Как ты думаешь, мама завтра приедет?
- Дашенька, да разве ее поймешь? У нее, небось, и денег нет на дорогу. Я-то ее знаю, она никогда не признается, что дело швах, пока ее не клюнет окончательно петух. Но потом явится и все вывалит, как на духу… Лучше про это не думать. Сердце так и болит, ведь она мне не чужая. А эта неизвестность, душа моя Даша, хуже всего. Хуже всего, когда не знаешь, что будет завтра.
- Бабуля, а бывают детские молитвы? Ты можешь написать мне какую-нибудь легкую молитву, и я выучу ее с тобой наизусть? Я буду молиться, чтобы с мамой ничего не случилось.
- Хорошо, Дашенька, хорошо… Иногда ты бываешь такой хорошей девочкой. Правда, недолго. Твоя проблема в том, что ты многое начинаешь, но не многое доканчиваешь.
- Можно, бабуля, я сегодня лягу спать с тобой?
- Конечно, моя милая. А Нинка, Нинка где?
- Шляется где-то.
-Но-но, так нельзя говорить про сестру!
- Но ты же говоришь.

Еще раз вздохнув, Даша вырывает из альбома для рисования чистый лист и принимается выводить зеленым фломастером буквы – она уже выучила их все. Этими буквами она должна суметь достучаться до Деда Мороза. Должна суметь рассказать ему про их беду – про то, что у них нет своей квартиры, а на съемную - уходят все деньги. Из-за чего мама вынуждена ездить по всему свету в поисках достойного заработка. А ей попадаются на пути – какие-то недостойные люди.
А мама у них – все знают – такая доверчивая!.. Даша даже недавно сказала старшей сестре: «Инга, ты видишь, маме трудно. Может ты пойдешь работать?!.».

Даша начинает как бы мысленно писать, водя иногда рукой по воздуху. Время от времени она шевелит губами, как бы вчитываясь:

«Доверчивость - это у нас семейное. Бабушка часто рассказывает историю нашей семьи. Особенно когда тут тетя Маша. И я ее внимательно слушаю, несмотря на занятия. Потому

что история всякий раз обрастает новыми подробностями. Я уже знаю, что моя прабабушка – мама бабушки Любы и бабушки Инги – жила в Ростове-на-Дону, в семье инженера-метеоролога. Они жили с папой вдвоем. А мама ее умерла, когда она была еще маленькая. И у них была немецкая овчарка, которая знала все собачьи команды. Когда началась война – Родина призвала собаку в Красную Армию. И прабабушка с ее папой проводили ее на фронт.

Потом, уже после войны, им прислали благодарственную грамоту за отличное воспитание собаки – ведь та помогала санитарам выносить с поля боя раненных бойцов, спасала жизни.
Сама же прабабушка в войну чуть не погибла – фашисты угнали ее в Германию и бросили в концлагерь. Но потом туда зашел один офицер, который искал прачку, и ткнул своим костлявым пальцем в прабабушку… Благодаря этому она осталась жива. И работала потом до самого окончания войны в его доме, обстирывая его большую семью за похлебку с картофельными очистками.
Потом тот немецкий город взяли наши войска и освободили бабушку.
Правда юная бабушка вместе с другими своими соотечественницами-девушками чуть не пострадала тогда от своих солдат. Они так изголодались по любви, что – сами понимаете… Так что им пришлось от них убежать и пробираться к их командирам ночью, тайком.
Наконец, она вернулась в свой город.
А там уж родились у нее сначала бабушка Люба, а затем – через девять лет – бабушка Инга.
Бабушка Люба родилась в Ростове-на-Дону. А другая, их родная бабушка – уже в Тбилиси, куда прабабушка уехала куда глаза глядят от своего непутевого первого мужа.
Прабабушка продала дом в Ростове, – папа ее к тому времени уже умер – и отправилась на юг.
В поезде же к ней подсела одна тетя.
И ей прабабушка все сразу рассказала про себя – рассказала и то, что везет деньги на новый дом.
А та и говорит:
- А я еду спасаться от милиции. У меня в магазине выявилась в кассе недостача. А как она случилась – я понять не могу. Одолжи мне, милая женщина, денег – я положу их в кассу, а потом продам «Жигули» и тут же все тебе верну. Вот тебе мой адрес и мое имя-отчество.
Прабабушка, услышав про такую большую беду, не промедлила ни секунды – она тут же отдала все свои деньги. И кто бы мог подумать – та женщина так и пропала вместе с деньгами. А имя она оставила не свое, а чужое. И адрес тоже чужой.
Прабабушка даже не пошла жаловаться в милицию. А просто устроилась работать кондуктором в тбилисском трамвае и стала снимать комнату.
В первое время ей приходилось очень трудно – бабушка Люба, хоть и была еще школьницей, как могла помогала ей – ходила за хлебом, за керосином, сама готовила для себя и для мамы суп. Собирала в лесу ягоды и грибы. Срывала фрукты с деревьев в заброшенных садах… И так умела хорошо все это сэкономить да распределить, что еды хватало даже на соседских ребятишек – бабушка Люба всегда угощала и их.
В трамвайном депо прабабушка и познакомилась с нашим прадедушкой, который работал там механиком.
И у них вскоре родилась бабушка Инга.
К тому времени они уже все жили в отдельной квартире – она принадлежала прадедушке.
Вся семья души не чаяла в бабушке Инге, пока та была маленькой.
И когда стала большой – тоже не чаяла.
Бабушка Люба любила ее так, как любят свою дочь – ведь сестренка была намного младше.

Но и для бабушки Любы прадедушка тоже был хорошим отчимом. Например, когда ей вырезали гланды, доктор, отпуская ее из больницы, велел ей ничего в этот день не кушать. Бабушка Люба не так уж любила поесть. Но тут на нее что-то нашло, и она стала очень просить: "- Мама, дай мне кусочек мяса. Ну, пожалуйста, дай!.. ".Но мама ей не давала. Тогда бабушка Люба как расплачется, как топнет ногой, как закричит на прадедушку: "- Это все ты!... Это из-за тебя она жалеет для меня лишний кусок, потому что я тебе не родная!" Тут прадедушка кашлянул, встал с дивана и говорит, пройдя к прабабушке на кухню: "- Вот что, Валя – дай ей котлету".
В общем, сестры выросли и выскочили замуж.
И обе – неудачно.
Бабушка Люба вышла замуж за человека, который потом запил и стал ее бить. И вскоре помер совсем молодым – надорвался в армии, подняв какой-то груз. У них до того родился сын Дима.
А бабушка Инга за свою короткую жизнь – она умерла в двадцать восемь лет – выходила замуж дважды, и тоже неудачно. От одного мужа у нее родилась мама, а от другого – тетя Люба. С обоими мужьями она развелась.
А где-то в эти годы в гости к прадедушке приехала его другая, старшая дочь от другого брака, который был у него с одной женщиной еще до того, как он встретил прабабушку. Та женщина с дочерью – жили в России, в Саратове.
И жили неплохо – бабушка Люба даже ездила к ним однажды в гости.
И вот – ответный визит.
Бабушка Люба показала старшей сестре город, сводила ее в ресторан – она уже к тому времени работала в главном ресторане столицы на Горе Мтацминда.

Ничто, как говорится, не предвещало беды.
Но когда старшая сестра должна была уезжать, то она сказала прадедушке: "- Папа, собирайся. Мама велела передать, что ждет тебя. Возвращайся – живи в Саратове".
Но у прадедушки-то уже была наша семья и он сказал «Нет».
И тогда старшая сестра прокляла всю нашу семью, весь наш род.
Она закричала, прежде чем вышла за порог: "- Да будьте вы все прокляты! Будете умирать один за другим – гробы будете друг за другом выносить!"

И так и случилось – сначала умерла наша бабушка – бабушка Инга, когда мама и Люба были совсем маленькими, а потом Дима – сын бабушки Любы.
Ну а дальше умерли, не выдержав горя – и прадедушка с прабабушкой. Правда, они уже были пожилые.

Ох, бабушка Инга - бабушка Инга!… Что она наделала! Напилась таблеток из-за парня, потому что тот изменил ей. Разве можно так серьезно относиться к парням – ведь у них одно на уме. Всем известно, чего хотят мальчики. В то время как девочки хотят просто держаться за руки и смотреть им в глаза.
Из-за бабушки Инги у мамы не было в детстве счастья.

То есть, у мамы не было мамы!

Когда бабушка Люба услышала про это по телефону, она сразу выбежала со своей работы и как начала плакать. Ехала в метро и все плакала, плакала… И наверное, вся выплакалась наперед… Потому что когда спустя несколько лет умер ее Дима, которому тоже не было еще и тридцати – у нее уже не осталось сил плакать.
Она тогда просто легла на диван и пролежала несколько дней, как мертвая.
А потом встала и говорит своим двум подругам, которые пришли утешать ее:
"- Я всю жизнь работала, всю жизнь собирала имущество, чтобы вернуть своей матери ее

потерю. Я могла бы стать администратором гостиницы – мне предлагали такую должность. Могла бы всю жизнь оставаться поваром – а готовить я люблю… Но я перешла на должность официантки, потому что это была тогда более денежная работа. И расшатала суставы, тягая подносы, испортила себе вены на ногах… Нет, я никого не обманывала – разве что каких-нибудь крутых да наглых. Мне все сами давали чаевые. А я на них – построила две кооперативные квартиры – себе – отдельную, сыну – отдельную. Я сказала матери – переходите вместе с батей жить ко мне, взгляни, как у меня просторно и как все обставлено чин по чину – все в хрустале, лучшая импортная мебель. Но они не захотели, потому как привыкли жить там где привыкли. Но ничего, ведь я все равно им всю жизнь помогала, обеспечивала всех и продуктами и вещами – причем, самыми-самыми первыми на этой земле. Например, покупала им в ведерочке самую первую клубнику. Цена меня не интересовала... Потом, когда настали девяностые, мне пришлось свою квартиру продать – ведь надо было выживать, кормить семью. А работы у меня уже не было. И вещей в квартире тоже – какое-то время мы жили за счет них. Порой мне даже приходилось опять ходить в лес по грибы да по ягоды, потому что в доме не было и кусочка хлеба. А потом Любка подросла и подняла бунт – не хочу, говорит, жить с вами со всеми. Хочу жить отдельно, своей жизнью. Давайте делить квартиру. А тут надо сказать, что моя мама относилась к детям не ровно – Карину она любила до умопомрачения. А Любку тоже любила, но – по-своему. Разговаривала с ней строго, и все как-то критично. Видимо, та чувствовала себя в доме какой-то лишней, хотя это было не так. Мой Димка к тому времени был уже женат, имел двоих детей и жил с женой там же. Работал он, как и дед – автомехаником. Машину он чувствовал как человека. Прямо как доктор умел найти подход к любой машинной болячке. Он тоже прикипел к дому, к району, к Тбилисскому морю, к своим проклятым дружкам и ни в какую не соглашался перебраться в квартиру, которую я построила для него. Он слушал все это, слушал, а потом и говорит: "- Мама, отдай мою квартиру Любе". Ну, я и отдала. Так я и осталась на этом свете без собственного жилья, как когда-то моя мать. А теперь вот Димка умер – загубила его проклятущая водка... А ведь я его, гада, выходила, когда он лечился в туберкулезной клинике после того как он вылежался осенью на холодной земле. Он ремонтировал тогда машину дружку, который тоже был вечно молодой, вечно пьяный… Я четыре месяца спала на коечке в больничном коридоре – потому что никто не смог выгнать оттуда мать... Врач, выписывая его, сказал: "- Еще один запой – и вы труп". И вот он – труп. И лег на то самое место на кладбище, которое я забронировала для себя. У меня там построена целая семейная усыпальница. А теперь дайте мне стакан. И, пожалуйста, все уйдите".

Получается, проклятие подействовало. И теперь наша семья обречена.
Бабушка Люба постоянно напоминает это маме, когда та ввязывается в дела, в которых мало что понимает. Она называет их прожектами.
Таким прожектом, а точнее – проклятием - бабуля называет и возникновение нашего папы.
Наверное, уже удивляться не приходится, что он у нас появился после того как потерял свою квартиру – он продал ее, чтобы отдать часть денег за долги.

На оставшуюся часть – он хотел купить квартиру поменьше.

Но одолжил деньги другу на операцию.

А тот во время операции возьми и умри.

И вот папа остался без квартиры и попал в наш район.

Одно время он снимал комнату, а потом познакомился с мамой и перешел жить в их дом, где она жила с бабулей.

Сначала он маму очень любил. И меня он тоже очень любил, после того как я у них завелась.
А Нину, когда она была еще в животике, он любить не хотел – он хотел, чтобы она была мальчиком.
А если она вдруг девочка, то – он желал, чтобы мама сделала так, чтобы Нина не вышла из животика.
Но мама папу обманула – сказала: «Мальчик-мальчик».
Он до сих пор на нее за это злится, хотя Нинку он все-таки потом полюбил. Ведь он хвалился перед товарищами, что ожидает сына.
Но вообще-то, если честно, эта злость за обман у него – только предлог.
Он сам обманщик.
Потому что к тому времени как Нина образовалась в животике, он уже стал тайком лазить к маминой подруге – та жила по соседству.
Иногда даже со мной на руках.
Жалко, что тогда я ничего не понимала, я бы ему как дала!..
Ну, он потом и ушел жить к маминой подруге.
С деньгами от нашей квартиры.
Ведь мама имела в банке долг и переписала на него квартиру, чтобы банк не смог ее отобрать. У бабули же была прописка без права на собственность – как-то все не задумывались над тем, чтобы прописать ее с правами.
А у папиного брата, который живет в Украине, как раз случилась какая-то очень большая неприятность.
Потому что тот никак не мог развязаться со своим темным прошлым.
И папа, чтобы выручить брата – взял и, ничего не сказав маме, срочно продал их квартиру.
Половину денег он отослал жене брата, чтобы та его выручила, а половину – отдал им. На эту половину – купить новую квартиру невозможно, да и мама уже, наверное, превратила ее в четверть.

Ох, как мама потом плакала, ох, как рыдала – однажды даже подралась и с папой, и с этой своей бывшей подругой. Но слезами делу не поможешь, когда такое проклятие.
И вот, получается, что их семья опять потеряла все свое имущество.

К тому же еще, мама, расстроившись, вообще раздала друзьям и соседям почти всю мебель и много других прекрасных вещей – она решила начать жизнь с новой страницы и купить все новое.
А на новое потом денег как-то не нашлось.

И вот я и думаю – что-то в нашей семье с этим имуществом не так. Его - то теряют, то – потом всю жизнь трудятся из-за всех сил, чтобы вернуть его обратно.
А вернув – кому-то дарят.
Потом опять мучаются, чтобы его обрести.
Наверное, потому мне не хочется лишний раз одалживать Нине свои игрушки – мало ли что еще с ними случится.

В общем, проклятие. Точнее слова не подберешь.
Хотя и тетя Маша, и тетя Алена не разделяют этого мнения.

Тетя Маша в суеверия вообще не верит.

К тому же, она очень любит этот источник всяческого зла, по понятиям нашей семьи, – город Саратов.
Там у нее живет подруга, с которой она всегда на связи через интернет.
И тетя Маша даже шутит, что ее к нам, тетю Машу, и послал сам батюшка-Саратов.
Так как эта саратовская подруга и посоветовала ей летом подарить нам Новый Завет.
После чего бабуля сразу заочно полюбила тетю Машу и пригласила ее в дом.
Возможно, что это даже бумеранг – Саратов, наконец, отозвался добром, ведь бабушка Люба относилась к первой дочери своего отчима как к родному человеку.
И, стало быть, все – проклятие разорвано, как старый счет!

Тетя Алена тоже согласна с последним мнением. Только она уточняет, что траектория бумеранга управляется Богом. Следовательно, его и надо благодарить.

И мы благодарим – вон у нас на стене – икон как орденов на груди ветеранов отечественной войны! Перед ними трижды в день молятся и бабушка, и мама, и иногда и мы с Ниной. Только Инга пока не молится.
Мама даже, прежде чем стать на молитву, еще и надевает на голову платок.
Правда, тетя Алена вздыхает. Она тихо спрашивает:
- Нельзя так – в одной углу у вас иконы, а в другом – тарелка для домового. Это грех. Вы уж как-нибудь определитесь – вы с Богом, или с домовым.
Мама смеется. Отвечает скороговоркой:
- Алена, я все понимаю. Но ничего пока с собой поделать не могу.
У нас действительно стоит на серванте блюдечко, куда мама или бабушка подливают молочко. Там еще с прошлой зимы - тогда мы снимали другую квартиру – остались засохшие шкурки от мандарина. Только домовой их почему-то не ест.

Тетя Алена – это настоящий бриллиант в нашей домашней компании.
Очень трудно рассказывать о ней простыми словами.
Однажды был очень дождливый день. Ну прямо очень-очень. В небе громыхал гром, его отзвуки гулко отражались от железной двери подвала в подъезде, где мы стояли с тетей Машей, и я, пугаясь, вцепилась тете Маше в руку. К тому же посыпался град – а это уже радостно и я бросилась собирать градинки, которые падали на первые ступеньки.
Тут из лифта выходит тетя Маша с большой сумкой в руке и, поздоровавшись с нами и потрепав меня по щеке, делает шаг вниз, в это светопреставление.
- Алена, ты, куда? Наверное, в гости? – спросила тетя Маша.
- Нет, к кошкам!
Мы с тетей Машей переглянулись и подмигнули друг другу.
- А что – кошки хотят кушать и в грозу, - сказала тетя Алена.
И отправилась кормить кошек.
Она кормит кошек, которые бродят близ нашего корпуса. Да и собак частенько тоже.
Правда, с собаками у нее однажды случилась незадача.
Мама тети Маши, которая боится собак, просила ее, обиженно прикрываясь зонтиком: «Алена, не прикармливай их возле подъезда. Клади им еду где-нибудь подальше. Они потом лежат здесь весь день и ждут тебя. А я не могу пройти во двор». Но тетя Алена, слушая, только отвечала: «Не бойтесь, они не кусаются».
Однако она плохо знала своих питомцев. С тетей Аленой они были добры, а с мамой тети Маши – злы. Я даже видела, как они зарычали на маму тети Маши, когда та все-таки тоже решила с ними подружиться и кинула им кусок пирога. Пирог-то они съели, но маму тети Маши так и не выпустили из подъезда – вскочив на ноги, они угрожающе зарычали на нее.
А еще я заметила, у всех собак есть такая особенность – днем они собаки, а ночью превращаются в волков. Ночью они сбиваются в стаи и носятся по округе, о чем-то споря

друг с другом и с очертаниями деревьев и кустов, и даже с луной в черном небе. Ни дай бог им попасться тогда на дороге!
Наверное, у собак, как и у некоторых людей две души. Днем вторая, ночная, ускользает в какую-то неизвестную ямку внутри них и спит там. А как выплывет луна - она выползает оттуда шипучей змеей.
А те собачки, которые мучили маму тети Маши – они были единодушные. Они прямо показывали перед всеми свой нрав. Делали, что хотели!
Ну и поплатились за это.
Вскоре они покусали одного дядю, который шел мимо подъезда и дядя позвонил в специальные службы. Те собачек забрали… Правда, мне их сразу стало жалко. Я до сих пор думаю, действительно ли их сдали в питомник, как сказала потом тетя Алена, или все-таки убили?

Однажды тетя Алена нашла лежавших недалеко от мусорного бака новорожденных котят – те были еще слепые. Она подумала, что их бросила кошка-мама и взяла их на руки. А когда возьмешь в руки такое крохотное, миленькое и беззащитное существо и прижмешь его к груди, то сразу становишься ему как бы мамой… Вот тетя Алена и умилилась и не захотела их положить сразу на место. Сначала она немного погладила их, а затем перенесла подальше от бака и от дороги, чтоб их не схватили школьники, которые бегут по дороге.
Но когда она пришла на это место спустя два часа, то – увидела, что котята расползлись в разные стороны и жалобно пищат, а мамы-кошки возле них как не было, так и нет.
И пришлось маме-Алене срочно отнести их домой – но не к себе, а к нам. Потому что ее мама не пускала ее домой с кошками. А мы – рады всем. Бабуля тоже всегда и кормила животных, и лечила их, и брала некоторых пожить.
Правда, бабуля сказала тете Алене:
- Зря ты тронула их руками – некоторые кошки бросают котят, когда от тех пахнет человеком. Видимо, кошка их задумала куда-то перенести и то место у бака было у нее промежуточным пунктом. Ну да ладно, пускай побудут у нас, пока не откроются глазки. Но потом, Алена, ты уж раздай их.
- Да-да, я уже начала обзванивать знакомых. Я куплю специальную смесь и буду приходить и кормить их из бутылочки сама. Вы только следите за тем, чтобы их Васька не ударил лапой и посматривайте, не сбросили ли они покрывальце – им пока без него нельзя. Пускай вот так и лежат в коробке в уголочке – они смирные.
У нас же жил черный кот Васька - муж серой Мурки, которая тогда сбежала от него, чтобы родить где-то на улице, и потом так и исчезла куда-то вместе с котятами. А вообще котов у нас сначала было двое, но один, который приходил под дверь из подвала – погиб вскоре после того, как мы с ним познакомились. Мы даже не успели дать ему имени и ввести его в дом. Все называли его даже не "Кот", а - "Кошка".
И вот Васька прямо так удивленно смотрел на котят, что – ему иногда хотелось подойти к коробке и тронуть их лапой. А когда котята начинали шевелиться, то он, встрепенувшись, пытался играть с ними. А они еще такие маленькие, такие хрупкие!.. Вот мы с Ниной и смотрели в оба глаза за Васькой, чтобы вовремя отогнать его. Но нас часто дома нет и смотреть в оба глаза приходилось бабуле. А глаза у нее подслеповатые. И поэтому мы все очень переживали, пока их выхаживали.
И все-таки выходили!
Хотя только одного.
Трое других почему-то заболели и умерли, хотя тетя Алена носила их к ветеринару и делала им уколы, которые тот прописал, а также массажировала им, положив на ладонь, аккуратно пальцем вздутые животики.
Но мы были рады и этому.
И потом торжественно отнесли уже открывшего глаза нашего сыночка его новой хозяйке

– одной тете из церкви, куда ходит тетя Алена.

В этой церкви тетя Алена – нарасхват. Она ведет там вместе с двумя своими подругами детский центр.
В этот центр они собрали детишек из таких семей, как наша – их называют неблагополучными. Хотя я и не понимаю, в чем наше неблагополучие. Насчет детей цыган, которые тоже туда забегают – мне тоже не понятно. Да, они бродят целый день, где попало и плохо одеты. Иногда даже ездят на автобусе одни на Тбилисское море и купаются там без присмотра. Но родители их все равно любят.
Другое дело – бездомные дети или такие, у которых дома совсем кушать нечего и родители сами посылают их попрошайничать. Тетя Алена с подругами специально разыскивают таких на улицах, где ходят туристы, угощают их хачапури и шоколадками и приглашают в свою церковь, она там как раз поблизости. Так что тетю Алену часто можно встретить в городе в окружении попрошаек, которые двигаются за ней как маленькие черные лебедята, среди которых она плывет, словно лучезарная белая лебедушка. Ведь тетя Алена очень высокая – она на целую голову выше тети Маши, хотя та тоже высокая. А еще она очень худая, хрупкая и всегда ласково улыбается, когда с ней заговоришь. Иногда даже кажется, что она вот-вот превратится в синий дым и растает, унесшись с земли.
Мы с Ниной тоже посещаем по субботам детский центр – тетя Алена нас сама и отвозит туда, и привозит. Нас и Гогу и с Мари, которые живут в полуразвалившейся хибаре в лесу около нашего моря, - они беженцы и у них тоже нет денег на дорогу. А у тети Алены, как она говорит, есть какой-то фонд.
Мы в том центре играем, рисуем, танцуем, поем, кушаем – и слушаем рассказы из детской Библии. А потом все вместе думаем над ними. На обратной же дороге тетя Алена обычно угощает нас и Гогу с Мари лобиани и мороженым.
Бабуля говорит:
- Я вас отпускаю туда затем, чтобы вы не болтались целыми днями на улице, и может, кое-чему бы научились, раз у нас нет возможности водить вас на кружки. Я знаю, что там вас, по крайней мере, накормят. Но что-то мне подсказывает, что вы ходите туда ради лобиани.
- Бабуля, у тебя вечно не то на уме, - возражает ей Нина. Хотя, вообще-то, ей это не в бровь, а в глаз. Это она у нас любит прибавить себе лишнего веса. Тем более что тетя Алена каждый день приносит нам домой какие-то сладости – там и опять мороженое, и конфеты, и печенье, и какие-то сухарики, ну и, конечно, фрукты. Бабушка очень ей за это благодарна, но говорит: «Алена, не балуй их». Но тетя Алена – она же добрая… Слова тети Маши про то, что конфеты с печеньем каждый день есть вредно, она, к счастью, кажется, плохо слышит.
Еще тетя Алена помогла Инге с английским, когда той назначили переэкзаменовку. И не потому, что Инга тупая, а потому что у нее было много пропусков из-за головной боли. А ее головной болью был Пушкин.

В церкви тетя Алена ведет Библейские уроки на грузинском языке, и мы мало что понимаем.
Это обнаружила тетя Маша, когда спросила нас, что мы там проходим. И рассказала про это тете Алене. После чего тетя Алена стала потом на обратном пути снова рассказывать нам в маршрутке урок на русском, и потом переспрашивать, что мы из этого поняли.
Но иногда мы все равно не понимаем.

Тетя Алена обычно приходит к нам после того как тетя Маша уходит. Они живут на одном этаже, буквально через стенку, и обе не замужем. Только тетя Алена младше – ей тридцать четыре года. И тетя Алена часто краснеет, а тетя Маша – нет.

Например, когда Нина рассказала как она однажды, заночевав у тети Любы, увидела как та ест по ночам и подробно расписала ее рацион, тетя Маша посмеялась вместе со всеми, а тетя Алена покраснела и нахмурилась. «Нельзя так говорить о людях… Нехорошо», - обронила она тихо и опустила голову. У меня же в голове все перепуталось, и я в этот раз так и не поняла, что хорошо, а что – плохо.

А Нина рассказывала так:
- Это было поздней ночью, когда все, кроме меня и Любы уже заснули. Но она думала, что я тоже сплю… Люба тихо встала и вышла. Дверь в кухню была приоткрыта и то, что лежит на столе, очень хорошо освещалось лампочкой. Сначала Люба сварила курицу. Съела ее почти всю. Легла… Потом опять тихо встала и пошла на кухню. Сварила сосиски – пять штук. Съела их… Легла… Спустя время встает опять – на столе появились варенные сардельки – три штуки. Ну, думаю, ладно, теперь уж, наконец, Люба заснет. Нет, встала опять – налила себе борщ… Где был в это время ее муж? Он тянул в метро кабель по тоннелю. Нодарчик работает по ночам проходчиком.

Тетя Алена пытается отучить бабулю от ее пагубной привычки. Она подарила ей Псалтырь и попросила:
-Тетя Люба, когда захочется пить, читайте псалмы.
Но бабушка сказала:
- Эх, Аленка… Поздно мне меняться. Моя песенка спета. А я как пила смолоду, так и буду пить. Хотя я Божья дочь! Я знаю, что я - Божья дочь! И для всех делала только добро, которое мне и вышло боком!

Однажды тетя Алена не успела обсудить с нами урок в дороге и попросила тетю Машу выделить ей небольшое время посреди наших школьных занятий.
И вот она пришла и провела свой урок в присутствии тети Маши. А потом сказала сначала Нине, а потом мне:
- Ну-ка, расскажите своими словами, как вы поняли то, что я вам сейчас объяснила.
Но выслушав ответы, они только, переглянувшись, улыбнулись.
Видно, мы все перепутали.

- Ничего, - сказала тетя Алена, - главное, что Св. Дух уже коснулся их и ведет свою работу. Не надо торопить – все равно все делает только Дух. А мы – кто мы такие. Надо уметь уступать перед Ним.

А я тут возьми и спроси, причем, почему-то у тети Маши – видимо, я перепутала урок тети Алены с уроком чтения, который у нас был до того:
- А что такое субботний покой?
Эти слова я слышала в церкви. «Не войдете в субботний покой!» - якобы так говорил Бог израильтянам, когда водил их по пустыне.
Тетя Маша сказала:
- Мне кажется, что субботний покой – это жизнь без правил. Когда правил нет, а ты их все равно соблюдаешь. Но нисколечко при этом о них не думаешь, даже не помнишь про них. Просто живешь и дышишь полной грудью. Например, ты лежишь на диване и без труда читаешь любимую книгу. Стало быть, ты как бы вошел в субботний покой читателя. А Бог, сделав все свои дела, тоже вознамерился радостно провести время в своем Творении. Призвав к тому же и нас. Но мы оказались слишком плохими учениками. Правильно, тетя Алена, я говорю?
- Примерно. Субботний покой - это когда ты полностью повернулся к Богу лицом к Лицу и живешь в его присутствии... Живешь как дышишь. Мы – Его дыхание.
- А зачем тогда учить правила?

Тетя Маша приготовилась ответить. Но тетя Алена опередила ее:
- Затем, что после того как Адам нарушил единственное правило, которое ему заповедовал Бог – его природа изменилась и он перестал различать добро и зло. И вот Бог дал ему правила – дал десять заповедей и разъяснения к ним, чтобы он окончательно не запутался и не погиб. Мы не можем полагаться с тех пор на свои суждения.

Тетя Маша возразила:
- Это верно только для не раскаявшихся людей. Тех, кто еще не обратился к Богу и которых он милосердно не исцелил по их просьбе. А если Господь уже коснулся человека, то – значит, возродил его. Покрыл Благодатью и вернул ему достоинство. Сделал его вновь единосущным Себе. А не по-прежнему раздвоенным. Существенная разница, которую не всегда учитывают номинальные и даже некоторые истинные христиане. Когда же человек опять с Богом, опять цельный – то зачем ему привязывать свои вновь ставшие белоснежными журавлиные крылья к правилам, когда он летает и без них?
- Это – философия, - устало сказала тетя Алена, - А христианство – это практика.
- Я вовсе не против десяти заповедей. Я против того, чтобы всегда жить с оглядкой на них, всегда как бы еще в рабстве у буквы. И – боятся взлететь. Ведь у летящего журавля, в отличие от синицы, заповеди в крови!

Я, конечно, ничего не поняла. И тетя Алена, наверное, тоже. Потому что она, вздохнув, промолчала. Но запомнить – я запомнила. И отложила в мозгу на потом.
Тетя Маша обладала способностью соединять в своем уме вещи, казалось бы, несовместимые, находящиеся друг от друга очень далеко. И даже взрослые - не всегда понимали ее.

А между тем, тетя Маша продолжала, горячась все больше:
- А дети – те вообще еще единодушные. А мы учим им двоедушию, и даже иногда, к сожалению, в церкви. Нет-нет, Алена, не принимай это на свой счет – у вас действительно замечательная практика. И я в данном случае говорю не о ней.
Чувствовалось, что тетя Маша спорит с каким-то своим, невидимым нам противником.
- Но ведь грех – врожден. Он есть и в младенцах.
- Это вопрос спорный. Сказал же Иисус: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо таковых есть Царство Небесное».
- Это надо понимать как обращение к взрослым – будьте просты, как дети. А ты, Маша, усложняешь. Но даже дети имеют грехи. И исповедуют их.
- Это когда они уже выстроят в своем уме картинку с делением на зло и добро. Тогда как во Вселенной Бога такого деления нет – там есть только Добро. Увы, наш мир действительно полон падших людей. И они прививают свои склонности, навязывают свою картину мира.

Этот бесконечный спор прервала я.
Я снова вспомнила почему-то собачек, которые были единодушными, то есть правдивыми, в отличие от других собачек-подлиз, которые не показывали ради ласки людей весь свой звериный нрав, а кое-что прятали в свое подземелье где-то под шкурой. И потом выплескивали его по ночам.
Я подумала, что у каждого честного взрослого дикого зверя - свои повадки.
А у прирученного – тоже свои. Но уже немного притворные. Ведь он во многом поломал себя, переучиваясь. И стал уже после этого двоедушным.
Наверное, тетя Маша хочет сказать это.
Но хорошо ли быть диким зверем?
Может, лучше поселить всех зверей в зоопарк и заняться их воспитанием?

А еще я заметила, что детеныши всех зверей – и диких, и домашних – похожи. В этом возрасте они схожи между собой больше, чем со своими родителями. Например, щенки и котята могут друг с другом играть.
Они все еще пушистые, добрые, доверчивые. Все еще миленькие. И немного глупенькие. А потом, видно, смотрят на зверей своей породы, учатся всяк у своих зверьков-учителей – и меняют повадки. Становятся такими, как все. А потом набирают лишний вес, как Люба, скучают, лежа в постели, стареют и умирают. Какая-то плохая перспектива. Тетя Маша права!
Но я не стала про это про все говорить, потому что думаю я намного быстрей, чем говорю и запутываюсь в словах. Да и слов мне еще явно не хватает.
Вместо этого я спросила:
- А как можно очиститься от первородного греха? Надо не слушать беса, который стоит за левым плечом, а слушать только своего ангела-хранителя, стоящего за правым?
- Умница, Даша, - сказала тетя Алена, - ты поняла, что сначала надо очиститься. И только потом Св. Дух довершит внутри человека свое дело – это называется освящением. Ничто без труда человека не дается даже по Благодати. Хотя и собственные усилия без Благодати – это тоже ничто.
- А я с этим и не спорю, - согласилась тетя Маша. – Я просто хочу сказать, что очищаясь, взрослый человек с самого начала должен делать попытки взлететь над правилами. И тогда, освятившись, он прямо-таки воспарит. А дети – это особый случай. Это исключение из правил. Они еще в полете! Зачем давать им в руки синицу, когда они и так живут в раю?
- Этот земной рай выгородили для них любящие взрослые. Ценой труда и страданий. И им тоже придется когда-нибудь повзрослеть и взять за кого-то ответственность. Не стоит путать божий дар с яичницей, отождествлять небесное с земным.
- Я, конечно, не столько знаю, сколько предполагаю. Но мне кажется, что земля и небо не так далеки друг от друга.

Мне опять захотелось задать вопрос. И не из любопытства, а просто так. Мне нравилось, как мы говорили. Ведь спор ради истины, а не просто какой-то своей правды – всегда сам по себе событие. Он красив, как алмаз!.. «Кого уважаю – тому возражаю», - любит приговаривать тетя Маша.
Я спросила:
- А хороший человек – это, наверное, такой, в ком добро совсем вытеснило зло?
Лицо тети Маши прямо-таки посветлело и из глаз ее словно посыпались радостные искорки.
- Нет, дорогая Даша! – сказала она несколько торжественно. – Если добро и зло перемешать в душе, то получится серый сумрак. Среднее арифметическое ведет к скуке. Но вытеснить зло добром – тоже не выход. В результате такого насилия над душой и появляется двоедушие. Это когда на сознательном уровне человек думает, что он хорош, а в подсознании у него черным-черно. Можно даже заметить это по поведению некоторых христиан – они то очень вежливые и добрые, то – вдруг неожиданно, порой даже из-за пустяка или без причины могут нагрубить. Могут совершить то подвиг, то – внезапно предать. Точно так же часто ведут себе и дети – в них тоже есть потенциал разных качеств в самом широком диапазоне. Но у детей этот диапазон включен постоянно и они им легко играют, ничего не скрывая. Поэтому детям нужно всего лишь научиться владеть своей силой, направляя ее на добро. Вместо того, чтобы внушить себе ложный стыд, привить ложное чувство вины и загнать половину качеств куда-то внутрь, где они спрессуются и извратятся… Кстати, бывает и наоборот, когда человек почему-то стесняется в себе чего-то хорошего и оно прячется в тень, а плохое – оно так и прет всем в глаза и человек уже сам смотрит на себя глазницами своей черной маски, став ее пленником. К примеру,

таким был горьковский Клим Самгин. Он выдумал себя, вытеснив в бессознательное свою человечность. И стал просто ходячим пустым умом. Точнее, его выдумали взрослые, навязав ему роль. Такие люди могут вдруг в один миг измениться, если коснуться их сердца. И стать очень хорошими. Потому что спрятавшийся в водах бессознательного белый змий вползет к ним обратно в душу и – вдруг доверчиво растворится в ней, как в своей родине. Но для этого сначала надо грешить, а потом – каяться. А это тоже кривой и лукавый путь… До второй половины которого тот же Клим Самгин не дожил. Он так и не раскаялся. А вот его создатель Максим Горький – это просто настоящий пророк. Все его творчество – великое предупреждение.
- Без Бога человек не может ничего. Ты рассказываешь что-то из области современной утопической психологии. А Горького я давно сдала в макулатуру. Все что человеку необходимо знать о его предназначении содержится в Библии, - произнесла тетя Алена и встала. – Извините, мне пора уходить. Не буду вас больше отвлекать от уроков.

И тетя Алена, тепло и немного грустно попрощавшись со всеми, вышла.

Тетя Маша же задумчиво проговорила, обращаясь скорее к себе, чем ко мне:
- Я тоже полагаю, что воссоединить все части человека, исцелить его, сделать вновь цельным может только Бог. Или доктор от Бога. Ведь вытесненное – оно как ветер. И не терпит пустоты. Оно все равно проникает в сознание. А если его упорно не пускать – то врывается в него. А цельным человек становится, когда перестает осуждать, делить на правое и левое. Человек должен встать твердо на ноги. Низ – внизу, верх – вверху. А не разрываться между низом и верхом, упав ниц. Низ тянется за верхом, верх – испытывает неодолимое притяжение к небу. Вот и вышел - человек прямостоящий. А осуждение ближних – это на самом деле такая форма самоосуждения, в виде проекции на других своих вытесненных сторон, которые ничуть не исправились в подпольной тюрьме, а еще больше ослабли и извратились. Ближнего надо бы возлюбить как самого себя, разглядев в нем человека, каким его задумал Бог.
То, что случилось с нашей революцией и нашим советским государством – лучшее свидетельство опасной односторонности, в какую скатываются люди, когда самонадеянно отвергают Бога. Образ Клима Самгина – это воплощение пустоты, ничтожности и равнодушия с потугами на собственную значимость. С примесью трусости, стремления перестраховаться, спрятать свое лицо, зарыться в мелочные сомнения. Это все то же вековое мещанство с его самовольством, за которым скрывается экзистенциальная неуверенность, которую на сей раз пытаются погасить философским материализмом. Мещанство, подавшее теперь себя в более элегантной обертке. Которое большевики старательно выдавливали из себя и из народа. А она потом - эта пустота - все равно просочилась во все их дела и отравила их, замазав серой краской. Им с самого начала во всех своих делах надо было не обманывать себя и народ, а быть действительно искренними, правдивыми и честными, иметь холодную голову и в то же время горячее сердце – какими они и позиционировали себя. О чем Горький предупреждал их еще в «Несовременных мыслях». Им надо было быть, а не казаться. А на это нужно мужество и смирение перед Богом. Тогда бы Бог, которого они отвергли, стал бы лучшим краеугольным камнем в их большой светлой горнице. Ведь настоящим коммунистом был не Ленин, а – Бог.
Нет бы признаться в своей немощи переделать человека одними собственными силами, пускай даже ценой сверхчеловеческих усилий, покаяться перед Богом и людьми. И тогда, быть может, Господь помог бы им. Так ведь нет, им проще было убедить себя, будто никакого Бога над ними нет.
Первые христиане продавали свою частную собственность и слагали вырученные средства у ног апостолов, чтобы те распределяли их между всеми нуждающимися поровну. Это было настоящее коммунистическое общество. Это в него стремилась

горьковская Мать, видя перед своим мысленным взором образ Христа. Собственно, наш Господь не собирался назначать над людьми царей. Он хотел как лучший среди равных руководить ими сам. Но люди просили пророка Самуила дать им царя. И Бог, скрепя сердце, дал им царя. Сказав им, однако, что цари будут потом по жизни угнетать их, живя для себя. Ведь не все же имели такое золотое сердце как царь Давид, взошедший на престол из низов. И вообще – нельзя отдавать себя никому в рабство.

В общем, ничего я из этих речей не поняла. Но все равно поняла. А как – я не знаю.

Был еще у нас такой случай. Эти мои противные одноклассники-двоечники – долговязый Алекс и Артур – не приняли меня в игру.

Оценок нам еще не ставят, но учительница все равно знает, кто двоечники и называет их по именам.
Так что прозвище «двоечники» за Алексом и Артуром можно сказать – закрепилось прочно.
Пожалуй, они даже им гордились, как гордятся воинским званием.

В этот раз они играли в коридоре в шпионов – эту игру придумал Алекс. Я слышала, как он тихо сказал Артуру: «Нину возьмем, а Дашу – не надо».
Убежав от них в другой конец коридора, я прижалась лбом к окну и расплакалась. В таком положении и застала меня Раиса Тимофеевна. Я рассказала ей все как есть и она сказала: «Ну, Даша, подумаешь какие пустяки. Успокойся и идем в класс».
Ага, пустяки! Это целая трагедия, когда тебя отвергают ровесники! Причем, Нину-то они в игру приняли.
Нина очень удивилась, что я перестала с ней разговаривать. И прямо на уроки стала спрашивать: «Даша… Даша…Что случилось? Чем я могла обидеть тебя?». Когда же я дала ей понять, что она бы могла и не участвовать в той игре, то Нина удивилась еще больше и сказала, что жаль, что она не слышала разговора Алекса с Артуром, а то она из солидарности с сестрой не вступила бы в эту идиотскую игру. Потому что она за сестру, по ее словам – готова с кем хочешь вступить в схватку.
«А что ж ты все время смеешься, когда я плачу!» - сказала я, потому что на лице Нины почти всегда идиотская улыбка. На что она выпалила: «Даша, если я улыбаюсь, это не значит, что мне при этом всегда весело. А с Артуром я вообще хотела разобраться отдельно – он вчера опять ударил в живот девочку. На сей раз мою подругу Тоню. Хочу предупредить его, что его притворные извинения перед всем классом по просьбе учительницы ему не помогут. Скажу ему, что если папа его так дерется с его мамой, то пускай он бьет ногой в живот папу, если он такой смелый. А Тоня, хоть она в нашем классе и самая худенькая и маленькая по росту и часто пропускает школу – человек самостоятельный. Ей приходится после школы ехать домой в автобусе одной, потому что ее мама лежит дома вся в шинах после операции. Кстати, она у Тони пьет».
Свои слова Нина подтвердила на перемене. Она подошла к Алексу и сказала, что больше не будет с ними играть, раз они обидели ее сестру и ее подругу. На что Алекс хмыкнул: «Ну и не играй…».

Хорошо еще, что у нас в классе есть Диего.

Это такой очень умный и аккуратный мальчик – волосы у него красиво уложены и гладко причесаны, сорочка всегда отутюжена и воротничок обвивает маленький галстук. На нем – элегантный черный пиджачок. Он ходит с маленьким портфелем-дипломатом. В нем все книги и тетради аккуратно разложены по полочкам и так же аккуратно он раскладывает их

на парте.
Диего умеет писать и считать давным-давно, еще с детского садика. Но при этом не зазнается. Он никогда не обзывается и не носится как угорелый по коридорам с мальчишками – просто сидит и читает книжку. А если его о чем спросить – он тут же спокойно расскажет тебе даже больше того, о чем спрашивали – и ты заодно узнаешь из этого ответа кое-что новое. Он охотно одалживает карандаши и вырывает из альбома по рисованию листы, если кому-то надо, в отличие от некоторых жадин. И при этом смотрит на тебя ясными, всегда немного улыбающимися глазами.
В общем, мне нравится, что в классе есть Диего. С ним как-то спокойней, уверенней.
И я, вспомнив о нем, перестала плакать.

Но у тети Маши после уроков я все равно спросила:
- Тетя Маша, почему меня дети в игру не принимают?
И рассказала про сегодняшний случай.
- Так бывает, - ответила тетя Маша, вздохнув. – Наверное, это была по жизни - не твоя компания. И они сразу почувствовали в тебе чужака. И даже лучше, что – сказали об этом прямо. Ты еще найдешь свою компанию. Заметь, Алекс и Артур – это еще не все твои одноклассники… У меня, Даша, тоже есть проблема с компаниями. Я не люблю играть во многие игры, в которые играют люди. И частенько сама отказываюсь вступать в коллективы, даже если меня очень просят.
- А почему?
Но на последний вопрос тетя Маша не стала отвечать.

Вскоре после этого Диего пригласил весь класс на день рождения, который его мама решила отметить в детском развлекательном центре. Он попросил учительницу раздать нам пригласительные билеты.
Мы очень ждали этого волнующего дня, когда можно будет попасть в детский центр – ведь там и игры на любой вкус, и всякие пирожные.
Однако пойти мне туда пришлось одной, а точнее, только с тетей Машей – у Нины поднялась температура из-за разболевшегося горла и она осталась дома.
Кроме Милены, туда пришли все, даже маленький Алекс, который уже перестал быть совсем немым, научившись выкрикивать отдельные слова.

И вот там, в детском центре, все мы поначалу беспорядочно носились по залу, не зная на чем остановиться – вокруг было столько всего!.. А потом массовики-затейники распределили нас по командам и праздник начался.

Диего как именинника они попросили выйти из строя и поставили его на постамент в виде звезды. Дали ему в кулачок микрофон и стали задавать через свои микрофоны какие-то смешные вопросы. Диего охотно и обстоятельно отвечал. И все по примеру затейников принимались бурно хлопать в ладоши.
Они очень хвалили его, очень поздравляли.
Потом поднесли Диего торт со свечами и он их задул. Все прямо-таки чуть не взлетели со своих мест, взревев как реактивные самолеты. И я тоже шумела от радости вместе со всеми. А маленький Алекс – он тоже ревел от радости и кружился, выкрикивая слова.
А потом начались игры-эстафеты.
Во время одной игры каждой команде дали по мешку и нужно было бежать в мешках до финишной черты. Маленький Алекс тоже бежал в мешке, причем, быстрее всех и я не помня себя от восторга кричала: «Алекс, Алекс, быстрее!... Ну, пожалуйста, быстрее!... Ну победи, Алекс!..».
И Алекс, который вначале стоял в самом конце нашей команды, а потом переместился по правилам игры вперед и должен был теперь бежать к финишу – от него теперь зависел

результат игры – он победил!
Ведущие подхватили его на руки и стали подбрасывать под наши аплодисменты, а потом тоже поставили на звезду.

Но потом, когда игры закончились и начались танцы вперемежку с анекдотами, которые периодически рассказывали ведущие – это были два парня, одетые в медведя и льва – я как-то устала и присела в сторонке.
А ведущие не хотели, чтобы я сидела и то подмигивали мне, то начинали поющими в микрофон голосами напрямую зазывать меня присоединиться к веселым танцам.
Но мне-то видно было по их лицам или не знаю по чему, но видно – что им самим больше не весело.
Было видно, что они уже сделали свое дело и теперь им просто хочется, чтобы мы занимали себя сами – занимали танцуя.
А эти танцы для меня не были занимательными. И я не хотела притворяться.
Хотя все остальные почему-то притворялись.
А может, они просто не замечали как притворяются веселыми ведущие.

Из-за всего этого – из-за того, что меня никак не оставляли в покое – у меня испортилось настроение.
И я, найдя среди взрослых, которые в это время чаевничали в другом зале, тетю Машу, шепнула ей на ушко: «Тетя Маша, я домой хочу».

Тетя Маша попыталась меня отговорить. Но когда увидела, что у меня на глазах уже показались слезы, сказала: «Идем».

Наш внезапный уход заметили и тоже попытались меня отговорить.

Мама Диего, молодая очень красивая женщина – темно-каштановые ее волосы переливались по спине и плечам как вуаль королевы, несмотря на то, что она была всего лишь служительницей банка – тоже подошла ко мне.
- Уходишь? – спросила она удивленно, с неподдельной грустью. – А что с тобой случилось, маленький человечек? Может, ты по кому-то скучаешь?
Присев передо мной на корточки, она взяла мою руку в свою ласковую ладонь.
- Да, по – маме. И это бывает всегда, - хотела ответить я. Но промолчала.
- Ну, хорошо, если не хочешь говорить, то не надо. Жалко, что ты не останешься на ужин – ведь вы еще не садились за стол. Но знаешь что – погоди немного… Я сейчас пойду к официантам и попрошу отрезать тебе тортика – возьмешь его с собой. Там будет торт и для твоей сестренки.

Нам вручили коробку, внутри которой, кроме половины торта, были еще и пирожные, и мы отправились домой.

Вскоре Раиса Тимофеевна попросила тетю Машу задержаться, когда та пришла за нами в школу.
А потом, когда ребята разошлись по домам, сказала, понизив голос:
- Мария, я хочу вас предупредить, что Нину я могу не перевести в следующий класс – она совсем не занимается. Скажите мне, что с этим ребенком? Она не умеет ни читать, ни складывать и отнимать. О задачах я уже молчу. К тому же она пишет как курица лапой, пропускает не только буквы, но и целые предложения. Начинает не сначала, а с середины, пропускает страницы… Даша тоже занимается едва-едва… Но она хоть старается. Обеих девочек необходимо развивать. У нас в школе много кружков – выберете что-нибудь для

девочек. А то я, например, заметила, что Даша плохо ладит со сверстниками – ее надо учить обходить острые углы в отношениях. Когда они держатся с сестрой вместе, то контакт с детьми у нее есть. А вот одна Даша дичится и сторонится коллектива. Это надо вовремя отрегулировать. На танцах или на спорте дети дополнительно учатся выстраивать отношения в команде. Обеих девочек надо развивать. Когда там приедет их мать?
- Говорят, что буквально на днях.
- Я это уже слышала. Передайте, ей, Мария, пожалуйста, когда она вернется, что у нас в школе есть учительница – она моя приятельница – которая прекрасно натаскивает отстающих первоклашек. Правда, она за это, естественно, берет деньги. Пускай Нина попробует позаниматься с ней. Или – сделайте уже сами что-нибудь. Вы же видите, у меня нет времени на дополнительные занятия – вот бегу сейчас на урок к старшеклассникам.

Везде нужны деньги, деньги, деньги. И на кружки, и на дополнительные занятия. Наверное, тетя Маша расстроилась, потому что уж она-то знает нашу жизнь.
Тетя Маша полдороги молчала, глядя себе под ноги. Просто мерно шагала с портфелем Нины, а та послушно шла рядом, держась за ее руку и как всегда болтала о ерунде.
Я решила ободрить тетю Машу и, остановившись на обочине дороги через овраг, который мы каждый раз переходим, бросила свой портфель в пыль, села на него сверху и сказала, подняв палец:
- Тетя Маша, Нина – одну минуточку! Остановитесь, пожалуйста. Давайте подумаем все вместе, как нам помочь Нине. Знаете, я думаю вот что. Чтобы Нина, да и я, лучше учились, надо, чтобы мы с вами пошли в парк – посмотрели на ветки, на листья, на шишки. Насобирали бы их. Вы бы нам про них рассказали. А потом сходили бы в зоопарк, посмотрели на животных и вы бы тоже все про них рассказали. Надо пойти еще куда-то, где есть ископаемые. Если там, конечно, бывают дни открытых дверей, когда школьников запускают бесплатно.

Тетя Маша, услышав это, прямо-таки изумилась. И, протянув мне поднятую к верху ладонь, воскликнула:
- Даша, дай пять! Так и надо поступать.
Но потом она рассердилась на того невидимого врага, с кем иногда спорит, и стала отрывисто говорить сильными, упругими фразами, словно сражаясь ими как острым мечом:
- Вот только где у нас время на такие прогулки – ведь школа совсем нам его не оставила! Между прочим, министерство запрещает задавать первоклассникам домашние задания. Но ваша учительница задает все равно. Потому что она резонно считает, что за те тридцать пять минут, пока идет урок, вы и рта в школе открыть не успеете, а не то чтобы освоить и закрепить какие-то навыки. Она учит вас по старинке, так как учили ее… Но в ее-то время грузинский язык начинали изучать только с третьего класса. А английский – вообще с пятого. Да и в учебники не были так перенасыщены дополнительной информацией – в них была главная линия, которую все ясно видели. И что самое важное – был стержень в виде гуманистических идей, вокруг которого все и формировалась. У педагогов – был энтузиазм, и не было перегрузки часами. Так что новая программа действительно не рассчитана на то, чтобы дети после школы еще и занимались уроками дома. Ведь им еще к тому же необходимо выкраивать время на прогулки на свежем воздухе, на кружки и походы в театры и музеи, на спорт. Какой-то замкнутый круг!..
- Так давайте его разомкнем, - предложила я.
- Да как же мы его разомкнем, когда для того, чтобы я могла с вами заниматься по-настоящему, мне нужны для занятий с вами дополнительные ночные часы!

Я это поняла так – тетя Маша хочет, чтобы мы перестали спать по ночам. И это мне как-то не понравилось.
Но тетя Маша вдруг закричала:
- Эврика!... Я все поняла!.. Вам действительно нужен еще один педагог, который делал бы с вами уроки и с которым бы вы упражнялись в закреплении рутинных навыков. Без таких навыков никуда – вы выписывали бы буквы, цифры, чертили с линейкой.
А я бы вела с вами – творческие занятия, во время которых давала бы вам в увлекательной форме развивающие задания! Мы бы играли с вами - в развивающие игры.

- Нет-нет, мы не хотим другого педагога! – выпалила Нина, чуть не заплакав.

- Ну, наконец-то у меня как туман сошел с глаз. В современной начальной школе необходимы два ведущих педагога: один - педагог-предметник, а другой – педагог-психолог. Пускай один день с ребятами занимается предметник, а другой день – психолог. Задача психолога – изучать развитие и успеваемость каждого школьника в отдельности, выявлять причины неуспеваемости и ненавязчиво корректировать их – ведь в арсенале педагогической психологии сейчас разработана масса всевозможных коррекционных методик и упражнений… Можно, например, сделать так – три дня заниматься предметами, а два – коррекционной деятельностью… А классным руководителем должен быть – вообще отдельный педагог!.. Его задача – воспитывать и развивать!.. Для этого его необходимо освободить даже от преподавания!.. А у нас всем этим занимается одно лицо!.. Точнее, не занимается!.. Так как попросту не может!

Глаза у тети Маши горели как у львицы – видно, раньше мне мешал это увидеть туман, который теперь исчез. Я тоже приободрилась – наверное, нас ожидают большие перемены.

Но тетя Маша вдруг, призадумавшись, гневно, с горечью сказала:
- Три дня – косячить. А два потом – исправлять косяки. В этом есть свой резон. Но это – выход для инвалидов. А нормальные педагоги действительно должны, подобно Сухомлинскому, организовывать уроки среди природы, водить детей в турпоходы, показывать им экспонаты в музеях. И эти экспонаты – они должны быть не скучными для учеников начальной школы. В музеи вас пока не затащить – это мы уже проходили. Помнишь Даша – мы побывали с тобой в маленьком дом-музее художницы Нино Чакветадзе?.. Ее картины так понравились нам с тобой в интернете. Но на стенках жилой квартиры, одну комнату которой выделили под музей, они выглядели как-то тускло. Да и висели они среди самых обыкновенных предметов домашнего обихода. Хотя сама художница – как раз по нашей теме. Она рисует детей как еще не покрывшихся «толстой» людской кожей ангелов… Например, там были ажурные подсвечники. А зачем детям какие-то подсвечники… Им бы – взять в руки необыкновенно оформленный глобус и от души крутануть его. Увидеть малахитовую шкатулку из сказки, а рядом – кусок природного малахита. Подержать тот в руке… Эврика!.. Начальную школу надо наполнить самым сказочным, самым волнующим содержанием!.. Надо создавать детские музеи, где знания о мире подаются в самой радостной и волнующей форме! С учетом достижений передовой науки. И обязательно так, как рекомендуют педагоги-психологи!.. А прямо в классе разложить повсюду немеркнущие следы-экспонаты, какие оставляют на земле природа и лучшие из людей! Чтобы все могли увидеть за ними следы Бога!

- Примерить к ним свой след!.. – продолжила я.

- Вот только на все это сейчас у нас нет времени! Это – Система! – мрачно сказала тетя Маша. И, продолжая о чем-то думать, опустив низко голову, опять тронулась в путь.

- Ничего. Оставим это на потом! – беспечно сказала Нина, всунув ей в руку свой портфель.

Я же почувствовала, что мне хочется идти впереди тети Маши широкими шагами и, весело напевая: «Да-да-да!», перепрыгивать через лужи.
А отчего это так, - я пока не поняла.
Захотеть же в моем случае что-то приятное, даже если оно непонятное – это значит тут же сделать.

Как-то возле подъезда какой-то проходящий мальчуган с тетрадкой в руке, приостановившись, сказал тете Маше, когда мы возвращались из школы:
- Привет! Давно не виделись, да?..
Я подумала, что это к тете Маше приехал родственник.
Но как же я удивилась, когда всмотревшись в него, я узнала Илью.
- А, привет, Илья-не-муровец! – тепло отозвалась тетя Маша, - Как ты поживаешь?

Не знаю как тетя Маша, а я его не видела давно. И за это время он вырос и выпрямился, прямо-таки стал ходить и стоять вытянувшись в струнку. И глаза смотрят по-другому – более глубоким взглядом. Отчего они стали еще синей и в ней, синеве, стало больше оттенков.
- Привет, Даша! – бросил он вскользь, немного стесняясь.
Мы разговорились.
И вскоре уже наперебой говорили о чем-то все втроем, никого не стесняясь, потому что Илья остался все таким простым и беззлобным.

Он стал показывать нам свою тетрадку, где была нарисована ласточка. Под рисунком всего лишь с одной ошибкой, которую тетя Маша тут же исправила, было написано крупными печатными буквами несколько коротких предложений. Все они были о жизни ласточек, за которыми, как оказалось, Илья наблюдает в бинокль – а бинокль висел у него на груди. И он в доказательство своих слов тут же приложил его к глазам.
- Погоди, Илья, а разве ласточки не улетели в теплые края? – спросила я, вспомнив про то, что на улице зима.
Илья ответил, что он наблюдает их в Африке – а на что бы тогда ему нужен бы был бинокль? И немного хвастливо добавил, что прочитал за год детскую энциклопедию про птиц.
Тут он немного покосился на тетю Машу и, кашлянув, поправился:
- В ней есть картинки всех птиц. И я их теперь всех могу узнавать. Честное самурайское!
- Да мы поняли, Илья, - поддержала его тетя Маша.

И тогда Илья принялся рассказывать, обращаясь больше к тете Маше:
- Понимаете, я хочу стать изобретателем. Я решил подсматривать за природой и брать на заметку то, что она нам подсказывает. Для начала я выбрал ласточек и теперь наблюдаю за ними – особенно за тем как они летят и как устроены их крылья. Я придумал для начала изобрести для людей ласточкины крылья, которые можно будет, выходя из дому, надевать на плечи и лететь с их помощью куда захочешь - можно даже не работу или просто в магазин. Лететь низко над землей, как летают ласточки перед дождем. Можно даже еще ниже – совсем в полуметре. И тогда другой транспорт станет не нужным. Планета очистится, потому что уйдет в прошлое бензин.
- Молодец, Илья! Ты еще и планете поможешь!
- А потом я еще хочу дятла как следует рассмотреть. Постараюсь сконструировать дуплорез, который будет работать как его клюв. Хочу посмотреть как дела у бобров – может, удастся подучиться у них работе с упавшими от старости деревьями и сучьями.

Тогда лесозаготовками мы - обеспечены!
- Да ты, Илья, просто государственный человек!
- И мне дадут за это Нобелевскую премию. Кстати, тетя Маша, а вы не знаете, сколько сейчас дают?
- Не знаю, Илья.

Мы еще немного поговорили и Илья спросил, где Нина. Я сказала:
- У нее горло болит.
- Передавай ей привет! И скажи, чтобы она не забывала, что она должна мне тысячу конфет! Помнишь, как мы поспорили с ней на эту тысячу, что я найду и приведу к ней мальчика, который ее любит?
- Помню-помню. Но только ничего не передам Нине – все-таки она еще маленькая для таких вещей. Да и Мамука, которого ты привел, ее обманул – он сначала сказал, что любит ее, а на следующий день – что пошутил. Но Нина все равно в него втюрилась – он ходит в очках, а Нина – хочет быть умной.
Выяснили, что Илья записался в клуб юных изобретателей.
Все-таки хорошо ходить на кружки. И иметь на это возможность. Я никогда про это не думала, но теперь поняла, что деньги существуют не только для того, чтобы покупать на них продукты и имущество, а и для того – чтобы покупать интересные книги, путешествовать, получать новые знания, вкладывать эти новые знания в дело… Деньги открывают новые возможности. Главное только - с ними, с возможностями, да и с деньгами – не переборщить.

Перед тем как уйти, Илья, что-то вспомнив, сказал:
- А у меня бабушка умерла.
Тетя Маша, посерьезнев, промолвила:
- Знаю, Илья. Моя мама дружила с ней.
- Неужели! – пробормотала я. – Как жалко! Эта та бабушка, которая всегда разговаривала со мной, когда я стучала к вам в дверь, когда хотела вызвать тебя на улицу. Она единственная в вашей семье, кто любил меня… Ой… Илья, прости.

И Илья рассказал такую историю.
- В тот день бабушка, вернувшись с рынка, не зашла в комнату, где играем мы с братиком. Обычно она всегда заходила что-нибудь сказать нам. А тут сразу прошла в лоджию и легла на свой мусор… То есть она спала на матрасе, который стелила на куче хлама, который она доставала из мусорных баков. Этот хлам она чистила и носила продавать на рынок. Мол, для того, чтобы покупать себе сигареты. И отдыхать от нас всех, сидя среди торговцев. Вы наверное все знаете про это – потому что из-за этого из нашей квартиры воняло… Ну, и бабушка, то есть моя настоящая бабушка – потому что та, что теперь умерла приходилась мне прабабушкой - моя еще молодая бабушка – бывало, не разговаривала из-за мусорки в доме со своей мамой по полгода. И вот она хоть и была тогда дома и видела, что с бабушкой что-то не то, все равно не подошла к ней. Так как они не разговаривали. И вот так прошло с полчаса. А потом ее дочь все-таки пошла в лоджию… Ну, а потом уже моя мама приходит к нам с братиком и говорит: «Дети, бабушка умерла»… Я сразу закричал и расплакался и проплакал, наверное, час. Никто не мог меня успокоить. А моя настоящая бабушка – которая дочь – она не проронила ни слезинки, вы представляете?! Даже моя мама была от этого в шоке, хоть и не подавала виду.И у нас дома теперь про бабушку и не вспоминают. Какие-то они все, даже не знаю как вам сказать… Они как дальние родственники!

После ухода Ильи, я заметила, что тетя Маша кашляет и что вообще лицо у нее осунувшееся, бледное. Видно, совсем мы ее замучили уроками.

Да и простуживаться она стало часто – говорит, что как войдет в школьный вестибюль, так подхватывает там какой-нибудь вирус.
Сама она посмеивается над собой. Ничего, говорит, зато теперь у меня появится к ним всем иммунитет, а то я по жизни многое пропустила – пропустила кое-какие вирусы и надо бы с ними теперь побороться.

Чтобы развеселить ее, я стала рассказывать подробности того, как Илья еще в сентябре, когда только началась школа - сосватал Нине Мамуку.
- А кого любит сам Илья? – спросила машинально тетя Маша.
- Да Ингу…
- Какую еще Ингу?
- Нашу, какую же еще! Разве в нашем дворе есть другая Инга?
- Но она же… взрослая для него. Или я чего-то не поняла?
- Ну и что?.. Какая разница… Инга красивая. Илья тогда передал ей записку, где вывел грузинскими буквами – ведь мама отдала его в грузинскую школу: «Я люблю - тебя. А ты - любишь Пушкина. Но я все равно целую тебя». Но вы правы – это все пустяки.

Мы уже почти подошли к нашей двери, когда я сказала, потершись о руку тети Маши плечом:
- Тетя Маша, а давайте бабушку навестим?
Тетя Маша, наверное, подумала, что я хочу сходить на кладбище – там уже много наших бабушек. И остановилась, не зная что сказать.
- Я имею ввиду бабушку Лялю, - подсказала я ей.
- А.. ту бабушку, с которой ты летом любила разговаривать, когда та сидела на лавочке возле качелей? Она еще угощала тебя мороженым.
- Да, тетя Маша. Давайте ее навестим – она совсем старенькая и живет одна. Она почти не выходит из дому. Давайте к ней пойдем! Прямо сейчас!
- А уроки?..
- Мы потом сами все напишем – нам Инга поможет.

И мы пошли к бабушке.

По дороге я спросила:
- Тетя Маша, как вы думаете, почему бабушки так любят мусор?
- Ну не все же. Некоторые, как твоя – его убирают и выбрасывают. Да и вас – стараются приучить к порядку.
- Но все равно, получается, и они интересуются мусором. Смотрите тетя Маша – одни бабушки и дедушки любят собирать мусор, а другие – выбрасывать. И при этом все про него думают.
- Ну и что из того?
- Не знаю. Я просто заметила.

И мы пошли к бабушке.

Мы долго стучали в дверь с полустертой белой краской, потому что бабушка была почти глухая.

Наконец, что-то за ней прошаракало и раздался скрипучий голос: "Кто?..".

Я долго объясняла бабушке, что я - Даша.

Наконец, она открыла и, сильно всмотревшись в меня, пробормотала:

-Да-а.. Ну, захотите.

- Вы меня помните, бабушка Ляля? - сказала я, обняв ее. Бабушка была высокая, и я доставала ей только до груди.

- Помню?...Да, моя милая, конечно. Проходите к столу. А это твоя мама?

- Нет, это моя соседка и учительница.

Мне показалось, что бабушка Ляля на самом деле не узнала меня, но ей захотелось, наверное, иметь такую внучку и она нас приняла и усадила на стол.

Она была очень худая, костлявая, с вечным выражением скорби в лице, которое было словно припудрено пылью. Комната тоже была как напудренная, несмотря на то, что в ней царили тишина и порядок.
Глядя на бабушку Лялю, я подумала, что когда человек рождается, то он - целый человек. Когда вырастает и становится взрослым - от него остается половина. А от бабушки Ляли осталась только четверть. Хотя вообще-то все должно быть ровно наоборот. Или я чего-то не понимаю?..

- Угощайтесь, пожалуйста, - сказала тетя Маша и выложила из сумки на стол пачку вафель. - За нас не беспокойтесь, нас угощать не надо.

Но бабушка Ляля все равно суетливо достала стаканы, вытерла их от сильной пыли и отправилась ставить чайник на плиту. Да еще и принесла печенье с конфетами, правда, все это было довольно не свежим.

Наконец, нам удалось бабушку Лялю остановить и усадить ее с нами за стол.

Тетя Маша стала предлагать ей помощь. Оставила свой телефон и сказала: "Звоните в любое время. Мы можем и в магазин для вас сходить, и, если надо - в аптеку. Можем проводить в банк за пенсией. В поликлинику можем сводить".

- Спасибо. Но я пока все это делаю сама, хотя мне уже девяносто два года, - сказала бабушка Ляля. А точнее - прокричала. Потому что разговаривали мы так: тетя Маша что-то спрашивала, а я - повторяла это на тон или больше выше. Вот где пригодился мой писклявый голосок - эта бабушка улавливала только его.

Мы пробыли там совсем недолго. Потому что бабушка Ляля все время задыхалась, да и изо рта ее, когда она говорила, вырывался какой-то свист.

Очень мне стало ее жалко. И я сказала:

- Бабушка, Ляля, вам нужна палочка, чтобы вы, когда пойдете на улицу, опирались на нее. Чтобы вы нигде не упали. У нашей бабули есть лишняя палка, и я думаю, что она вам ее подарит – наша бабушка не жадная.
- Палку?... Хорошо-хорошо, милая. Знаете, а ведь за последние пять лет вы тут - первые гости. Жалко, что я в юности смеялась над парнями, которые пытались свататься ко мне. Все искала идеал. И вот - теперь сижу как сыч в идеально пустой квартире.
- А у вас что - никого нет?
- Есть двоюродные сестры, племянники. Но я с ними не вижусь с тех пор, как в

девяностые племянники вынесли отсюда некоторые вещи, пока я гостила в Москве. Я оставляла им ключи... С тех пор и не общаемся.

Когда мы вышли за дверь и побрели куда-то через сквер, набитый мамами с колясками, тетя Маша задумчиво проговорила:
- У этой бабушки - чистота.
- Это потому что она весь свой хлам давно продала. А однажды я видела, как она шла куда-то поутру , согнувшись колесом, и несла в авоське хлеб, который ей, наверное, дали в бесплатной столовой. Вдруг она увидела какую-то незнакомую девушку и, быстро вытащив батон, стала пытаться всунуть его той в руки. Девушка не понимала, зачем ей батон и чего вообще от нее хотят. И все отодвигала от себя руки бабушки Ляли. А та как закричит: "- А ну возьми! Возьми, тебе говорят!" Но та, конечно, не взяла. А шарахнулась от бабушки в сторону и поскорей убежала... А так она никому не открывает. И вам, наверное, тоже без меня не откроет. Эта бабушка совсем отбилась от рук. Видно, крепко ее обидели.

Тетя Маша задумчиво протянула:
- А и в самом деле, Даша, зачем бабушкам мусор? Наверное, это болезнь.

Я воскликнула:
- Тетя Маша, вы что, не понимаете, бабушки собирают мусор,чтобы быть полезными! А еще, тетя Маша, они хотят сказать: "Я вам не мусор. А если даже и мусор, - ну и что?.."

Тетя Маша ничего на это не сказала. Только удивленно взглянула на меня и ускорила шаг, что-то высматривая впереди себя. Наконец, высмотрела лавочку вдали от тетенек с колясками и почти рухнув на нее от сильной усталости, провела по ней ладонью.

- Давай присядем, - сказала она.

Но я осталась стоять.

- Я хочу с тобой поговорить, - сказала тетя Маша каким-то неуверенным, виноватым голосом.- Послушай, Даша... Когда я услышала от бабушки Ляли, что у нее никого нет, кроме племянников - воришек, то чуть было не спросила у нее, а не хочет ли она завещать свою квартиру тебе....Ведь у вас квартиры нет. А у бабушки, получается, есть, но ей некому ее оставить. Но я постеснялась это спросить... Да и не решилась - подумала, что она испугается.
- Тетя Маша, не надо пугать бабушку, - у нее больное сердце!
-Ну вот, Даша, я и услышала то, что хотела. Я и хотела с тобой посоветоваться... Фух!... Ты уже ответила. Действительно, если ради квартиры придется испугать бабушку - то не стоит....Но понимаешь, в чем дело. Теперь меня замучает совесть. Мне кажется, что мое отношение к этой бабушке стало нечистым.
- Это из-за того, что вы захотели, чтобы бабушка меня увнучерила?.. Ну и мусор у вас в голове, тетя Маша!.. Бабушка же сама хочет кого-нибудь всем своим одарить. И вы всего лишь угадали это ее желание и пошли ему навстречу.
- Не все так просто. Бабушка могла бы нам не поверить. И - выставить нас за дверь. Потому что ты же сама сказала - ее сильно обидели.
- Трудные вы люди, взрослые. Советую вам, тетя Маша, никогда не думать о таких пустяках. И - пойдемте уже домой.

А потом в моей жизни появилась Кети.

С ней, как и с тетей Машей, меня свела кошка.

Как-то я увидела на нашей площадке незнакомую высокую девочку, которая гуляла сама по себе. Она водила по полю баскетбольный мяч и время от времени точными, скупыми движениями направляла его в кольцо. И - почти всегда в точку.

У нее была очень прямая фигура и все движения тонкие, бережные и нисколько не напоказ. Благодаря чему и мои движения тоже утратили беспорядочность и стали порядочными.

Я так и замерла. И с этим растущим замиранием в груди я предположила.... Точнее эта мысль сама стремительно пронеслась в голове, все в ней смешав... Я подумала, что может я, наконец, найду в ней подругу, которая именно подруга, а не воображала.

И вскоре я убедилась, что не ошиблась.

Девочка посмотрела на меня и сказала не словами, а глазами, кивнув на мяч и слегка улыбнувшись: "Поиграем?.."

И когда я кивнула в ответ, дала мне пас.

Мы стали бросать мяч в кольцо по очереди.
Причем, она не пыталась меня обыграть и, кажется, даже нарочно несколько раз кинула мимо кольца, так как я отставала. Это было приятно.

Не зная, что сказать, я начала рассказывать про нашу кошку - по то, как у нее из живота вылезли почти на моих глазах котята. Хотя на самом деле на моих глазах вылез только один котенок. И вылез он не из живота. Но мама говорила, что котята выходят из живота и я рассказывала так, как говорят взрослые.

- Не из живота, - поправила девочка с улыбкой. А голос у нее был хоть и не громкий, но мелодичный.

- А мама говорит, что - из живота.

Кети - так звали девочку - едва заметно усмехнулась. Опять почти одними глазами. Губы ее улыбались лишь уголками рта и при этом рядом с ними появлялись ямочки. Глаза же ее всегда светились какой-то светлой, скромной улыбкой. И смотрели по-доброму. Как в душу глядели - просто и ясно.

- Тогда кошка должна была бы взять в лапу нож. И разрезать себе живот.

Я ошарашено промолчала, сначала ничего не поняв.

Потом, ударив из-за всех сил по мячу, отчего он отскочил и откатился к самой ограде, решительно вскричала:

- Гм... Мама - врунья!

- Да моя мама тоже не всегда говорит правду. Вот папа в Кисловодске - он другой. Когда Йося был еще маленьким - папа и мама развелись...И вот...

В общем, мы долго тогда о чем-то говорили. Даже не упомнить о чем. И с тех пор сильно подружились. Хотя Кети было одиннадцать лет, а мне скоро будет только восемь.

Мы говорили друг другу только правду и никогда не ссорились.

Только один раз Кети обиделась на меня, - на то, что я ударила при ней Нину. Она сказала, что я топчу ногами достоинства сестры. На что я возразила, что Нина - забияка, и Кети знает это сама. Из-за Нины у меня испорчены отношения со многими детьми и в классе, и во дворе. Потому что чуть что не так - и она начинает толкаться и обзывать их. Поэтому все от мала до велика, завидев Нину, насмешливо кидают в ее адрес какие-то колкости.

Кети тоже заметила это и однажды сказала:

- Нина, что-то тут не так. Почему-то все вокруг показывают на тебя пальцем. Как ты думаешь, почему?

В общем, Кети на меня немного обиделась. Но вскоре все забыла и мы с ней продолжили общаться как ни в чем ни бывало.

Все было так хорошо. Прямо-таки отлично. Мы с Ниной даже ходили к Кети домой в корпус напротив и играли с Йосей, ее младшим братом, который тоже нас полюбил. Йося болел ДЦП и не умел ходить без помощи мамы или сестры. Когда мы приходили, он садился на ковер и начинал, шаля, ползать по нему. Мы здорово тогда шалили все вместе. И во время этих шалостей Кети становилась совсем другой - она могла внезапно выкинуть глупую, а иногда и жестокую шутку.

Шалость все и разрушила, как мне кажется. Потому что другой причины я не нахожу.

Мама Кети и так не очень благоволила к нам с Ниной. Она боялась, что мы заразим Йосю какой-нибудь инфекцией и все спрашивала, делали ли мы прививки. Это ради Йоси они после того как от них ушел папа - во всяком случае, так объясняла Кети мама - уехали из Кисловодска, где у них до сих пор есть частный дом, и мыкаются теперь в Тбилиси по съемным квартирам, Мама целыми днями работает или куда-то уходит, а Кети - смотрит за братиком. Даже стирает ему и готовит кушать.

Правда, она иногда кричит на маму в ответ на лишнюю просьбу. А один раз - даже заматюкалась. Все-таки в ней тоже есть горячая кавказская кровь. Папа Кети был грузином. Но грузином кисловодским. А таких в Кисловодске целая улица. И им отдельная Грузия не нужна.

Ну а Йосе она оказалась нужна, поскольку в Тбилиси ему подошел климат.

Но я отвлеклась...

В тот день мы так расшалились у Кети дома, что принялись кидать вместо мяча друг другу котенка, который у них жил…А потом Кети, заскочив с ним в туалета, нечаянно уронила его в унитаз.
Видимо, он хлебнул там чего-то. И к следующему вечеру - помер.

Уже затемно Кети вынесла в тряпке труп котеночка во двор и мы его похоронили среди зарослей орешника за площадкой. Нам было его очень жалко. Мы положили его в дырявый пластиковый таз, которые нашли среди каких-то развалин, вырыли яму и забросали потом ее землей вперемежку с щебнем.

А потом нам почему-то опять захотелось беситься.

Мы побежали в соседний корпус, взлетели, как птицы на трубы, и, вцепившись в них руками, ловко прошли их все на руках. Мы кувыркались и почему-то смеялись как ненормальные. И вообще - были очень оживлены. Несмотря на свое горе.

Я опять отметила, что Кети очень ловкая, спортивная. И прямо-таки любовалась ею.

А потом она сказала:

- Ну ладно, Даша, мне пора. От мамы уже пришел смс.

И все - Кети исчезла.

И с тех пор - я ее больше не видела.

Много раз я поднималась к ней домой. Стучала. Слышала чьи-то шаги за дверью.

Но стук мой, видимо, никто не слышал - может быть, это Йося, наконец, научился ходить. а потом оглох, чтобы хорошего ему не показалось мало. А мама его - на работе.

Но где же тогда Кети?..

Тетя Маша говорит:
- Стучи сильней.
Но мне как-то неудобно. Да и страшно - вдруг Кети навсегда уехала в Кисловодск?

Где это видано, чтобы двух друзей и подружили, и развели кошки?..»

Ну все, кажется, она припомнила все важные события осени и начала зимы.
А теперь пришла пора запечатлеть их на бумаге.
Склонившись над альбомным листом, Даша старательно вывела крупными печатными буквами:
"Дорогой дедушка Мороз! Надеюсь, ты все слышал. И все уже давно понял. Подари нам, пожалуйста, на Новый Год квартиру. Даша".

Вложив письмо в конверт и заклеив его, она положила его в том Пушкина на полке, перекрестилась, и, вернувшись на место, тут же уснула, уроним голову на стол.
Потому как до Нового Года было еще далеко. А ночь - уже баюкала землю.

2

Спустя несколько месяцев Даша опять принялась писать письмо.
Опять положила перед собой вырванный из альбома лист. Взяла зеленый фламастер.
И, выведя прописью слово "Продолжение", подумав, написала под ним:

"Спасибо тебе, дедушка Мороз, за нашу хорошую жизнь. Передавай привет Богу, раз ты у него на службе. Много писать я еще не умею, поэтому остальное я буду не писать, а думать. А ты, пожалуй, послушай".

И Даша принялась думать. А точнее, вспоминать - что значило в ее случае рисовать в уме прожитое как на воздухе, в котором летают стрекозы, носятся птицы. И может быть даже люди - тоже летают, еще не спустившись с небес на грешную землю.

А вспомнила она вот что:

"Новый Год!.. Проснувшись, я сразу вспомнила про него, и сразу побежала к своим ботиночкам, надеясь выхватить из них, как из почтового ящика, долгожданный конверт с ордером на квартиру.

А там оказалась - кукла Барби.

Кровь так и бросилась мне в голову. Слезы так и закапали. Я только и успела сквозь них заглянуть еще и в ботинок Нины, из которого тоже торчала, словно желая выскочить из гробика, кукла Барби - только Кукла-Барби - негритянка.

Я разревелась.

Инга, выбежав из спальни, еще заспанная, тревожно спросила:
- Что случилось?..
- Дед Мороз нам квартиру не подарил! - крикнула я звенящим от обиды голосом.

- Ну ты, Даша, совсем!.. - выдохнула Инга и покрутила у виска пальцем с длинным ногтем, похожим на перламутровую ракушку. - Нет на свете никакого Деда Мороза - пора бы уже об этом знать.

- Есть Дед Мороз! - закричала я, топнув ногой. - Раз я хочу, значит, он будет!

- Как - Деда Мороза нет?.. - пролепетала проснувшаяся от шума Нина. - А как же... Как же я стану умной?!
И Нина тоже захныкала.
А мне и без этих ее слов было понятно, чего она просила в письме.

- Ну вы и психи! - сказала в сердцах Инга, изумленно всмотревшись каждой из нас в глаза. Опять скрывшись в спальне, она захлопнула за собой дверь.

Я выкрикнула:
- Это ты нам подсунула эти куклы! А настоящий Дед Мороз еще не приходил!

Потом я бросилась на кровать вниз головой и от нечего делать - сразу провалилась в сон.

Ну а потом во сне возникла мама. И я, привстав, притянула ее, склоненную, к своей грудке.
Она превратилась в огромный оранжевый шар, и, обхватив его, я словно растворилась в нем. Все обиды перестали для меня существовать и я, став счастливей так, что больше некуда, радостно открыла глаза.

Кто-то теребил меня за плечо. Перевернувшись, я увидела над собой маму. Неужели?!.

- Мамочка, ты приехала!

Это действительно была мама. В новом рыжем меховом полушубке и с новой прической на выкрашенных в рыжий цвет волосах. Приветливо улыбаясь, она приложила палец к губам, показывая другой рукой на спящую Нину.

Я поняла, что мама пока не хочет себя обнаруживать. Она хочет, наверное, отдохнуть с дороги. А скорее всего ей хочется узнать от меня первой про то, как мы тут без нее жили. Мы сбежали с ней на цыпочках на кухню.
Я быстро рассказала ей шепотом про нашу жизнь, а потом мама принялась распаковывать сумку и достала оттуда - я просто восхитилась! - то есть стала восхищенной, наверное, до самого седьмого неба! - мама достала из сумки книгу Пушкина!
- Вот купила вам с Ниной сказки Пушкина. Ничего другого, кроме книги и конфет, мне купить не удалось - я едва смогла наскрести на билет.

Мама немного слукавила. Позже она извлекла из чемодана огромного белого гипсового медведя, сказав, что это теперь будет - наша копилка.

- Пушкин!.. - воскликнула я, и, раскрыв эту большую красочную книгу в глянцевой зеленой обложке, принялась рассматривать картинки.
Я тут же озабоченно спросила:
- А правда, что когда Пушкин был маленьким, мама его не любила и даже однажды, рассердившись на него из-за какой-то шалости, не разговаривала с ним целый год?
- Не знаю. А откуда ты это взяла?
- Тетя Маша рассказывала.... Наверное, мама тогда просто отомстила Пушкину за, что он до шести лет вообще ни с кем не хотел говорить. Он молчал-молчал, а потом вдруг сказал, когда сидел за обеденным столом: "А пирог-то подгорел". Все удивились и дали ему другого пирога. С тех пор он и научился разговаривать... Правда, тетя Маша говорит, что, может, эта история про пирог – всего лишь фейковая новость. То есть исторический анекдот… Ну ничего, главное, что у Пушкина была няня Арина Родионовна.
- Бедный Пушкин! - сказала мама, удивившись. А когда она удивляется или сердится, то глаза у нее становятся круглые и вспыхивают, как у львицы.
Обхватив ее шею руками и запрыгнув к ней на колени, я промолвила:
- Ты мой львенок...
- Совсем ты у меня стала большая, - сказала мама, потрепав меня по щеке. И добавила, смеясь: - Чувствую, что в следующий раз, когда дети будут спрашивать тебя, кто твой папа, ты ответишь им: "Пушкин".

Потом я, что-то вспомнив, соскочила с ее колен и быстро произнесла:
- Ой, мама, подожди... Я должна отнести одной бабушке палку... Я совсем забыла.
- Какую палку?
- Бабушкину... То есть... Потом расскажу... Я быстро!

И, схватив стоявшую в углу залы вторую палку нашей бабушки, от чего та сразу проснулась, натягивая на ходу куртку, я побежала с ней к бабушке Ляле. Хотя наша бабушка и закричала мне вслед:
- Куда?!... Я же тебе объясняла, что она - шатается! И - праздник же!.. Нельзя без конфет!

Но я рассудила, что палка для бабушки лучше конфет и неслась без остановки. Быстро одолев все ступеньки, я взбежала к бабушке Ляле на этаж, и, когда та приоткрыла дверь, я просунула в нее палку.

- Бабушка Ляля, с Новым Годом! - произнесла я несколько торжественно.

Бабушка, взяв с опаской палку в руки, посмотрела на нее, потом поставила ее на пол и попробовала опереться. Немного потопталась, прошлась взад-вперед. И - решительно сказала:
- Нет, палка не годится. Она шатается - с ней еще убьешься. Отнеси ее, девочка, своей бабушке обратно.

Она еще немного сухо поговорила со мной - и закрыла дверь, так и не пустив меня за порог.

И хотя я потом еще несколько раз приходила к ней и одна, и с тетей Машей - она нам с той поры больше так и не открыла.

Оказывается, и какая-то палка может стать причиной раздора.

Мы не отходили от мамы целый день.
И я, и Нина, и Инга, и бабуля, пока та орудовала у плиты, слушали про мамины приключения в Москве и, подмигивали друг другу, давая понять, что больше уже точно не отпустим ее на заработки.

Мама рассказала, что рассчитывала остановиться у дедушки - а наш дедушка, с которым наша покойная бабушка рассталась, когда маме было всего три годики давно жил в Москве в другом браке.
Общих детей у них с женой не было, но у второй жены дедушки была дочь. Мама иногда приезжала к ним в гости, и они тоже приезжали в гости к маме. Но потом жена умерла. А дедушка вместо того, чтобы оплакать ее, привел в дом какую-то молодуху... Ну а доченька ее, у которой была уже своя семья и своя квартира, очень на него за это обиделась и - выставила из материнской квартиры, сумев отсудить ее. И теперь дедушка с молодухой, как и мы, мыкаются по квартирам и даже чуть ли не по подвалам.
В общем, не повезло маме с папой. А его старший брат, который тоже жил в Москве с семьей, был так стар и болен, что даже не узнал бы маму, попросись она к нему. И она отправилась жить к своей бывшей однокласснице. А та - уговорила ее попытаться взять ипотеку. Для ипотеки же - нужна была хорошая работа. И мама принялась ее искать. Но так как мама не выучилась после школы из-за беспорядка в стране, ее на хорошую работу нигде не взяли.
Наконец, она устроилась разносчицей продуктов на пригородных поездах. Мама одна, без чужой помощи, каждое утро поднимала в поезд громадную тележку и потом раскладывала на ней доверху продукты из двух огромных сумок. С этой тележкой надо было целыми днями ходить по вагонам и весело кричать, немного припевая: "Напитки, пирожки, сладости!"... Словно человек - это какой-то робот-рупор.

Однажды один молодой человек, сидевший в конце вагона, сказал ей, привстав со своего места:
- Потанцуем?..
- Я тебе потанцую! - процедила сквозь зубы, не переставая улыбаться, мама. И гордо проплыла мимо.

И вот так мама работала, работала... А денег ей ее хозяева потом не заплатили, потому что они были обманщиками. А так как мама не заключила с ними трудового договора, а просто положилась на их честное слово - в суд мама обратиться не могла.

И маме пришлось идти мыть подъезды.
Она их и мыла все это время, чтобы накопить денег на обратную дорогу. А они все не накапливались и не накапливались. Ведь надо было еще кушать, а там похолодало и понадобились куртка, шапка и сапоги. Пришлось сначала заработать на одежду.

Наконец, мама заработала на билет в маршрутку и выехала в дорогу под Новый Год. Всюду были пробки, был снегопад и туман. Мама жутко промерзла. Но зато увидела пол России и от души налюбовалась ее снежными равнинами. А потом ее глазам открылись

заснеженные горы. И мама поняла - скоро она будет дома. От этой мысли в ушах ее появился какой-то хрустальный звон и сердце после легкого перебоя, как бы повернувшись от счастья вокруг себя, стало биться мерно и сильно, словно оно было кремлевскими курантами.

... К вечеру стол был накрыт.
Мама и бабушка поставили на нем свои прекрасно приготовленные блюда.
А потом стали приходить гости.
Сначала пришла тетя Алена и принесла гостинцев. Она подарила нам с Ингой и Ниной вязанные шапки.
Потом пришла тетя Маша и тоже принесла немного гостинцев и подарила нам карандаши и линейки.
Правда, они ушли потом раньше всех.

Затем стали подходить подруги мамы, с которыми они бегали когда-то босиком по двору.
Пришла невестка бабушки и привела ее взрослых внуков - увидев их, бабушка прослезилась. Потому как они обычно навещают ее раз в год.
Потом подъехал к корпусу папа и, вызвав Ингу, передал громадный торт и два новеньких портфеля. Мы быстренько их с Ниной распределили между собой и, слава Богу, без ссор.

Ну и праздник потом выдался, когда все сели за стол!
Все просили маму рассказать, что она делала в Москве и мама опять все рассказала по новой.

Тут я немного опешила, потому что мамина история неуловимо изменилась - в ней появились ранее не уловленные мной подробности. Но я не стала про это думать и проглатывала в тот новогодний вечер каждое мамино слово.

Время от времени все рассказывали анекдоты.
Мама рассказала пару анекдотов из моей жизни.
Я уже знала их наизусть.

Первый анекдот был такой.

Однажды, когда я была еще маленькой, к маме тоже пришли много гостей и она посадила меня в манеж.

Манеж же у меня был не такой как у других детей. Любя сюрпризы и необыкновенные, изысканные вещи, мама купила его из-за того, что его стены были исписаны строчками из детских стихов. И пока я там играла, мама иногда читала их мне вслух. Это были короткие стихи - в две-три строчки. Поэтому все, что больше, потом, уже в школе, было мне не по размеру и поначалу напрягало. Кроме пушкинского Лукоморья, конечно, которое мы с мамой любили читать наизусть хором.

Ну, так вот… Я осталась одна в этом манеже, после того как мама с гостями, немного поиграв со мной, тоже сели за стол.

И вот они сидят и рассказывают друг другу анекдоты. А я тоже сижу в манеже, но одна.

Наконец, мне это надоело, и я стала кричать, показывая себе в грудь указательным пальцем:

- Даша!.. Даша!..

Все посмотрела на меня и почему-то рассмеялись.

Как и сейчас смеются.

А над чем - не поймешь.

А Даша, между прочим, не любит, когда взрослые вот так посмеиваются над ней. Иногда она тоже пробует посмеяться вместе со всеми, но как-то это выглядит у нее не натурально.

Второй анекдот был про папу. Точнее, папу-козла.

Однажды, когда мы были маленькими, мама повела нас с Ниной в зоопарк.
И там я увидела в вольере горного козла.
- Папа-козел!.. - сказала я маме, показав на него пальцем.

Гости опять смеются. И опять не понять над чем. Хотя мама объяснила им, что частенько называла дома нашего папу козлом, вот ребенок и запомнил.

- Мама!.. - вырвалось у меня в этот раз прямо при гостях. - Забудь ты уже этого козла!

Но мама почему-то вдруг нахмурилась и сказала:
- Даша, выйди из-за стола!

Я удивленно поднялась и вышла. И обиженно забилась в уголок бабушкиного кресла, которое пустовало.

А мама подняла тост за какой-то домострой.

Она сказала:

- Друзья, наверное, надо жить так, как жили наши предки - по домострою. Когда во главе семьи стоит настоящий мужчина, настоящий хозяин. А не мама и папа в одном лице. И все его при этом уважают и слушаются. И все по цепочке от мала до велика - слушаются друг другу. Мама слушается папу... Нет, погодите, сначала мама слушается бабушку... Потом папу... Или все-таки сначала папу?..

Тут мама немного запуталась и сказала, засмеявшись:
- Нет, лучше сначала бабушку... Ну а мама потом может так дать по шапке детям, что они станут у нее шелковые!... Дети же тоже должны учить друг другу в зависимости от того, кто старше. И почитать своих родителей. Так выпьем же - за родителей!

Потом мама добавила, кому-то моргнув:
- Ладно, Даша, не горюй... - И, дополнив бокал, опять подняла его. - Папа, конечно, не козел. Он - гордый имеретинский олень. И рога у него - большие!

Все опять рассмеялись.

Кто-то встал и поднес мне бокал с лимонадом, правда я от него отвернулась.

Потом, когда все стали пьяные и увлеклись сами собой, я опять вернулась за стол и отведала по очереди все вкусности так, что у меня разболелся живот.

В общем и целом, праздник прошел хорошо.
Земля и небо прямо-таки перемешались, когда опять, как и вчера, начался салют. Все вышли на балконы и долго радостно восклицали, глядя на вспыхивающие повсюду красные, желтые и зеленые огни.

Уже глубокой ночью мы вдруг увидели, что за окном сыпется какой-то пух, причем, перины никто из соседей сверху не вытряхивал.

Да это же снег, первый снег!.. Значит, дедушка Мороз нас вспомнил!..

Мы с Ниной помчались во двор, чтобы ловить на ладони снежинки и вскоре к нам спустилась, проводив гостей, и мама.
И мы втроем сыграли в снежки, которые лепили из пушка, собирая его с еще темного, мокрого асфальта.

Вернувшись домой, мы попытались уснуть. Уже выключили свет. Как вдруг за дверью, которую мы по привычке никогда не закрывали на замок, раздался какой-то шум и канонада. Она распахнулась и мы, испуганно вскочив с кроватей, увидели Сабу - нового парня Инги. Он был студентом Академии художеств.
Тот торжественно нес впереди себя как несут иконы батюшки во время крестного хода - выполненный маслом огромный портрет Инги, из-за спина которой, положив ей руку на плечо, выглядывал он же, Саба, собственной персоной.
И глаза у них обеих на картине были точно такие как в жизни, но - более грустные. Словно они уже взрослые. И очень многое передумали.
Вместе с Сабой шел его товарищ, - тот нес бутылку шампанского и искрящийся во все стороны бенгальский огонь.

Тут мама с Сабой и познакомились.

Зато потом, когда праздники прошли, на нашу голову неожиданно посыпались не снежки, а плевки.
Все те соседи, которые угощали нас, встречая в новогодние дни, конфетами, стали по очереди подходить к маме и жаловаться на нас с Ниной.
Тетя с третьего этажа сказала, что я измазала ей дверь своими белыми - все в мелу - руками. Хотя я только однажды случайно оперлась на нее ладонью, когда остановилась передохнуть.
Тетя со второго этажа - что Нина роняет с балкона крошки на ее белье. А бабушка при этом приваживает голубей, которые тоже отмечаются на белоснежных простынях.
Дядя Саша сказал, что я рисую на стенах подъезда. А тетя Анука - что свистю там сверчком и тем самым, быть может, высвистываю ее из дома.
Мама тети Алены сказала, что мы бросаем в лифте шелуху от семечек. Хотя мы вообще-то лифтом не пользуемся.
А мама тети Маши им назло - ничего не сказала... Хотя наверняка подумала.
Дядя Сулико проинформировал маму, что бабушка по ночам пела, смеялась и плакала.
Тетя Элисо - что ждет долг за продукты.
А дядя Важа сумрачно предупредил, что чача - это не вода. И за нее необходимо платить.

А одна бабушка, которую я даже не знала в лицо, шепнула маме на ухо, будто Ингу все это время провожала до подъезда какая-то свита, а ее предводитель даже одно время жил у нас на этаже. Хотя Пушкин уже давно от нас съехал.

И что же сделала мама?
Она сказала нам:
- Ну и хорошо. Значит, пора отсюда уходить. И я уже знаю - куда. Но это пока - секрет. Или, если хотите, – новогодний сюрприз. А все долги мы, конечно, со временем отдадим.

И вот тогда-то все вскоре и убедились, что ты, дедушка Мороз, существуешь.

Потому что сюрпризом оказалась новая квартира, которую мама купила в развалинах завода "Алиони".
Не знаю, что там выпускали на этом заводе, но тот, как сказала, прослезившись, бабуля, закрылся в тот год, когда распался великий Советский Союз.
И мы в нее вскоре переехали.
И присоединились к тем пятидесяти семьям оставшихся по разным причинам без жилья смельчаков - некоторые по скудоумию называли их босяками - которые таки приостановили распад завода тем, что самовольно вселились на много лет простоявшую под палящим солнцем территорию, где спали только бездомные собаки, и выложили в каркасе из кирпичей себе квартиры. И даже - могли теперь негласно продавать то, что построили своими руками.
Это было совсем недалеко от нашего корпуса - минут пятнадцать ходьбы.
И вскоре мы все отправились смотреть наше новое жилье.

Тетя Алена даже сказала:
- О, "Алиони"!... Конечно же я знаю его! Мы приходили туда в прошлом году на Рождество и раздавали тамошним детям самаритянские подарки. Все хочу пригласить их в наш детский центр, но - они не поедут. Трястись на автобусе по бесплатному проездному билету школьника им в такую даль утомительно. А на маршрутку у них нет денег.

Мама заплатила за квартиру в "Алиони" - а эта была двухкомнатная квартира с душем и туалетом - всего пять тысяч лари. Сняв эту сумму со счета в банке, где лежал остаток прежней нашей квартиры, переведенный в деньги.
Она торопилась не зря - ведь счет таял, пока мы платили за съемное жилье.

Правда, квартира выходила окнами не на улицу, а в коридор, отчего было всегда темно. Но у нас почти всегда был включен свет. Да и в крыше над коридором была дырка, в которую рано утром проникал настоящий луч солнца.
А этаж был первый. И нашему Ваське было удобно сигать с окна за крысами, когда те носились ночами по коридору.

И хотя бабушка предрекала, что эта очередная мамина авантюра не закончится добром - что власти так и не позволят жителям "Алиони" зарегистрировать свою собственность и не сегодня, так завтра, выселят их, а потом построят на том месте что-то свое - мы с Ниной и тетей Машей крепко поверили в силу добрых писем.

Все пожимали мне руку и поздравляли.
Ведь это мое желание растопило сердце Бога, когда к нему в небесную канцелярию постучался Дед Мороз и положил перед ним письмо.
- Вот видишь, - говорила, очень от всего этого приободрившись, тетя Маша, - мысли, когда они устремлены в небеса, делают свою невидимую работу всегда, и надо просто уметь ждать, когда они вернутся тебе сторицей.
Нина же, таинственно улыбаясь, повторяла:
- Значит, и мое желание скоро сбудется.

И оно у нее понемногу сбывалось. Тем более что мама повела Нину к глазному врачу, и тот велел изготовить ей очки.
Надев эти очки, Нина стала и читать, и писать значительно лучше. Оказывается, буквы и строчки у нее перед глазами всегда расплывались и переплетались меж собой, а она не могла об этом сказать, потому что думала, что так бывает у всех.
Честно говоря, Нина теперь читает немного лучше меня - она читает гладко, а я почему-то с запинкой. И еще я не умею, как говорит тетя Маша, чувствовать границы предложения. Я не замечаю этих границ и текст превращается в бесформенный поток, отчего я и не успеваю, пока читаю, понять его смысл.
Тетя Маша скачала из интернета таблицы с цифрами и почему-то сказала, что они помогут нам освоить не счет, а чтение. Эти цифры были на бумаге вразброску, и мы должны были суметь их быстро найти и назвать по порядку.
А еще тетя Маша сама придумала такое упражнение - она просила нас выучить почти наизусть какой-нибудь маленький абзац из понравившегося нам текста, а потом несколько раз прочитать его, несмотря на то, что он выучен - в книге. Причем, прочитать на скорость, стараясь от чтения к чтению ускоряться все больше. И при этом - читать облюбованный абзац с выражением, как бы обнимая его взглядом.
Мы с Ниной старались наперебой - нам было очень приятно, что наш маленький текст - а у нас у каждой он был свой - прочитывается у нас на одном дыхании и прямо таки звенит в наших ушах. Нам так нравилось играть им, ласкать его!..

- Я была такая дура, - самокритично признавалась потом Нина - но потом на наш свет появились сначала тетя Маша, а потом Дед Мороз. И я выдохнула как после марафонского бега навстречу уму: "Фух!.."
- Но по математике ты все равно все еще дура, - напоминала я ей.

Тут надо заметить, что мама, услышав впервые как мы читаем и просмотрев наши тетради, пришла, к нашему огорчению, в ужас и сказала, что мы просто двоечницы.
И что когда нам станут ставить в старших классах отметки, это сразу выявится.
Мы даже расплакались.
А мама сердито заверила, что когда у нее появятся деньги, она обязательно купит песочные часы и будет проверять по ним, сколько мы успеваем прочитать слов, пока высыпается песок. Позже она действительно купила нам красивые песочные цветы с голубым песком, которые тетя Маша приспособила потом под развивающую игру.
- Я в вашем возрасте читала уже семьдесят слов в минуту. И при этом учительница все равно ругала меня, будь ей не ладно!... До сих пор вспоминаю все это с отвращением… А ведь до того, как я пришла в школу - я уже умела читать газеты. Меня научила этому моя бабуля. А в школе почему-то я резко сдала и, когда меня вызывали, у меня улетучивались все мысли, и я только тупо смотрела в центр доски. Я только дралась на уроках, а бабуля за меня краснела.

- Как Милена! - вырвалось у Нины.
- У Милены учительница - добрая, - возразила я.
- Но обе учительницы - не находили к детям подход, - заметила тетя Маша. Она, не поднимая головы, делала в блокноте какие-то заметки для себя.

В отличие от тети Маши, мама всегда говорила нам про нас одну только правду. Но как же она в данном случае была далека от истины!

Бедная мама - она даже не заметила противоречия в своих словах. Песочные часы не помогли ей учиться лучше.

- Что вы там пишете? - спросила я тетю Машу, заглядывая к ней в блокнот.
- Да так,.. - ответила тетя Маша рассеянно, - Пишу статью для журнала педагогики. Про то, как не надо заниматься с детьми. Надеюсь, ее опубликуют.
- А про то, как надо - вы тоже напишите?
- Угу... Постараюсь.

Обрадовавшись ответу с небес, мы с Ниной стали было пробовать и дальше загадывать желания и мысленно посылать их в небеса. А они у нас были всевозможные, были необъятные. От желания побывать в Африке – до того, чтобы у нас в кресле, где сидит бабуля, оказался бы вдруг крокодил. Или чтобы Инга вдруг вернулась домой, а в спальни - кит... А иногда нам просто хотелось, чтобы пошел легкий дождик, а потом опять выглянуло солнце.

Но тетя Маша, узнав про это, строго предупредила, что небеса такой каши не любят и что эта мешанина когда-нибудь свалится нам на головы. И что вообще - к небу можно обращаться только с самыми серьезными намерениями, и только тогда оно сможет распахнуться и одарить нас по-настоящему.
И мы перестали так делать.

Хорошо, когда у тебя есть человек, к которому можно обратиться с любым вопросом.

Как-то я спросила:
- Тетя Маша, А всегда ли надо спрашивать разрешение у Бога, когда что-то задумаешь?
- Не знаю, Даша, тебе, я думаю, теперь видней, - сказала тетя Маша, слегка усмехнувшись,- Попробуй ответить сама.
- Тогда я буду спрашивать у своего сердца. Тетя Алена говорит, что когда в нем тепло и светло, даже если тебе самой печально и трудно - то, значит, Бог одобряет тебя. Наверное, когда сердце выше твоих трудностей и невзгод - то ему оттуда, сверху, видней... Но по пустякам Бога беспокоить, я думаю, все-таки не стоит. А то он будет думать: "Ну Даша, ты же уже не маленькая. Разве не сказал я вам - вы боги? Стало быть - творцы своей судьбы. Так делайте же что-нибудь, делайте!.. Творите!.. Живите передо мной в правде и радуйтесь. А я буду тихонько помогать издали. Если упадете - дайте руку, и я помогу вам встать. А встали - идите дальше!"
- Ну и ладно, - согласилась тетя Маша.

Мы пожили еще немного в корпусе, пока мама и новый парень Инги делали ремонт в нашей новой квартире, а потом Саба приехал вместе со своим другом на грузовике и мы, погрузившись в него, слава Богу, переехали.

А там время стало лететь стрелой, все больше ускоряясь. Ведь когда мама дома - жизнь кипит.

Тетя Алена пришла в "Алионе" вместе со своими подругами и договорилась, что один раз в неделю они будут проводить занятия с детьми прямо тут - в помещении, которое алионцы использовали для разных торжеств. Там теперь можно будет и рукоделием подзаняться, и про Бога послушать.

А тетя Маша - она вскоре вообще всех нас очень удивила.
Однажды она пришла к нам в "Алиони" в форме как у военных. И как же она ей подходила - глаз не оторвать!..
Когда она скинула куртку и сняла пиджак, аккуратно повесив его на спинку стула, мы

увидели ослепительно-белую сорочку с сине-голубыми погонами. Такие же погоны были и на пиджаке. А бедра облегала волной темно-синяя юбка.

Я сразу вспомнила песню про синее море, - его, настоящего, я еще никогда не видела... В этой песне море называли синей вечностью. И этой синей вечностью - я это почувствовала - веяло теперь от погон и от всего облика тети Маши:

Море вернулось говором чаек,
Песней прибоя рассвет пробудив.
Сердце, как друга, море встречает,
Сердце, как песня, летит из груди.

Оказалось, что тетя Маша записалась в благотворительную организацию, которая, подобно доблестному Дон Кихоту, оказывала поддержку всем, кто в ней нуждается - особенно детям, старикам, инвалидам.
Единственно, чего я не поняла, это - почему когда взрослые так вот перечисляют - старики, инвалиды и тому подобное - они включают туда и нас... Ну да ладно, не буду думать о пустяках. Как, например, думает наша бабушка. Она сразу засыпала тетю Машу кучей лишних вопросов. Главный из которых прозвучал так:

- А от какой это церкви? Хочу понять, кто вас крышует.

- Да какая разница, - отвечала тетя Маша, смеясь, - Может это вовсе и не церковь. Главное - быть друзьями Бога. Правильно я говорю, Даша?

- Правильно! - согласилась я с тетей Машей от всей души.

Но бабуля все качала головой и приговаривала:

- Маша, я думала, что ты взрослая женщина, а ты, оказывается, как коммунистка, собираешься бесплатно работать на какого-то неизвестного дядю. Нет, я не против коммунизма - я и родилась и выросла во времена его первого блина, обернувшегося нам потом комом в глотке. Но мы-то уже живем при капитализме.
- Тетя Люба, христианство и есть коммунизм. Да мне, честно говоря, совсем не важно, в какие я вхожу организации и сколько мне за это платят. Я, может быть, сейчас наконец реализовываю свою детскую мечту влиться в тимуровское движение - в мое время в нашей школе его уже не было.
- Ну, ты все еще играешься... Смотри сама.

Приходя к нам в гости, тетя Маша потом немного рассказывала нам о своей новой жизни, которой она занималась в выходные, когда отдыхала от нас с Ниной.
Мне особенно запомнился ее рассказ о доме для престарелых в Цхнети, куда тетя Маша с другими друзьями Бога ездили отвезти памперсы и показать тамошним бабушкам и дедушкам концерт. Они пели им на гитарах и читали стихи, рассказывали интересные истории из своей жизни, а потом тетя Манана - так звали директора этого дома - повела их в палаты, где лежали такие люди, которые уже не могли вставать от дряхлости, а некоторые даже не помнили себя. И эти очень старенькие люди - они все стали протягивать к ним руки, потому что соскучились по живому. И друзья принялись их всех обходить и обнимать.
Некоторые рассказывали ужасные истории.
Одна бабушка рассказала, что ее неделю назад подобрали на улице с желудочным кровотечением. Ее забрала сама Манана, которая ездит ночью по улицам Тбилиси и ищет

бездомных стариков. Потому что Манана дала обещание Богу. Ее внук страдал тяжелым недугом, был прикован к постели и женщина пообещала, что сделает все – все, что потребуется для спасения не только его жизни, но и жизней всех людей... Она перестроила свою дачу в элитном курортном поселке под приют для пожилых. И вместе с такими же энтузиастами сама же его и содержит. Интересно, что спонсоры находятся сами, некоторые анонимные, она даже их не знает.

А ту бабушку с кровотечением - ее выгнал на улицу из собственной квартиры, когда она на него ее оформила, человек, который много лет притворялся другом... Еще достаточно молодой человек... Когда узнал, что она заболела и что, возможно, понадобится платная операция.

Тетя Маша записала адрес той бабушки - хотела пойти и сказать тому человеку, чтобы он хотя бы купил бабушке лекарства и вообще бы, блин, вернул ей то, что забрал.

Но тетя Манана сказала:
- Не надо. Там ждать нечего. Он юрист и все равно откупится. Знаете сколько я знаю таких.

"И тогда я поняла, что мы действительно живем как в раю. И еще при этом ропщем", - рассеянно довершила свой рассказ тетя Маша. - Я, мои родственники, мои друзья..."

Надо сказать, что тетя Маша могла ездить в свою благотворительную организацию не часто. Потому что когда человек много думает и учит думать других - а тетя Маша думает о многом - его мысли и есть его главное дело. Все другое ему приходится откладывать на потом или поручать своим помощникам.

Хорошо, что у нас большая семья и все в ней друг за друга горой.
Хотя и у нас был случай, когда бабуля ушла жить к Любе и сказала: "Не вернусь!".
Потому что мама, после того как мы перешли в "Алиони", запретила ей петь, обзывать нас бродягами и пить.
Много чего они тогда наговорили друг другу. А когда у нас ссорятся, то начинают все преувеличивать.
Бабуля кричала, - прямо при алионцах, - когда садилась в такси, когда Люба приехала за ней: "Неблагодарная!.. Я вам всю жизнь посвятила! Работала для вас дни и ночи!".
А мама отвечала - и тоже при алионцах:
"- Да если б не ты, у нас бы была совсем другая жизнь! Ведь это глядя на тебя Дима и Люба пристрастились к бутылке. Тебя даже внуки видеть не желают!

Такое происходило не раз. Пока мы жили на съемных квартирах, бабуля периодически уходила жить к Любе. Но чаще она жила у нас.

В этот раз она вернулась быстро, так как мама поехала просить у нее прощения. Потому что батюшка из храма, что рядом с "Алиони" - я часто бегаю туда за свечками - сказал маме, что за спасение души ее мамы надо ежедневно молиться и соблюдать все посты. И мама прилежно молилась.

"Чужим помогаешь, а своих не бережешь", - сказала еще тогда, уезжая, маме бабуля.
Это был намек на то, что мама до того помогла своей подруге написать в полицию заявление на сожителя, который, кстати, украл однажды у мамы телефон, когда она была у них в гостях.
Сожитель бил мамину подругу по спине горячим утюгом пока та, как-то сумев вырваться

от него, не добежала до нас, когда мы только перешли в "Алиони". Она жила потом у нас с неделю. пока мама успокаивала ее и настоятельно уговаривала уйти от садиста, объясняла ей, что тут без полиции не обойтись.
Наконец, уговорила.
Они поехали вместе в полицию и того дядьку потом задержали, а он при этом прокусил себе язык и - это просто кошмар! - откусил себе палец.
Ему назначили экспертизу и собирались судить.
Но мамина подруга сжалилась над ним и заявление забрала.
Мама говорила, что они потом опять сошлись.

"А вы не боитесь, что тот человек теперь будет мстить? - спросила соседка. - Все-таки у вас дети. Может, вам не надо было связываться с полицией?"
Но мама посмотрела на нее так выразительно!.. И ответила, что - ничего не боится!

Зато за нее, такую, постоянно боюсь я... Но не подаю вида. Только плачу, когда она задерживается и не говорю почему.

А Инга говорит, что никогда не стоит бегать за мужчиной. Что у любой любви есть свой срок и рано или поздно она проходит. И что лучше женщине быть самостоятельной, чтобы ни от кого не зависеть.

Но мне помнится, что когда она сама бегала за Гио, она так не думала. Приехав, мама советовала ей: "Не повторяй ошибок своей бабушки - не ставь на любовь. Да и моих ошибок - тоже не повторяй. Зря я тебя назвала именем покойной бабушки - говорят, это не к добру. Пойми, все мужики, а тем более бабы - предатели. Живи, моя дорогая, для себя".
Инга же, держась пальцами за виски, печально роняла: "Мама, ты не понимаешь - своими речами только делаешь мне хуже".

Фух!.. Трудно вспоминать плохое.

Поэтому теперь - о смешном.

Когда наступила весна, меня показали по телевизору.
Дело было у здания мэрии, куда мы пришли вместе с другими алионцами на митинг.
Мы требовали, чтобы "Алиони" признали жилым объектом.
Все это снимало телевидение.
В какой-то момент наш сосед дал мне в руки большой флаг, который был до того у дяди, который говорил в микрофон, и посадил к себе на плечи.
А после это видео, где я сижу на плечах и размахиваю флагом Грузии, - попало во все новостные выпуски.
Правда, "Алиони" так и не признали. Мэр просто сказал, выйдя к людям: "Не знаю... Когда-нибудь... Может быть".

Потом, когда мы возвращались домой, я узнала на плакате, - он был небрежно прикреплен к стене какого-то длинного офиса - депутата, который сопровождал мэра. И - кивнув на него маме со словами: "Какой неприятный!" - рраз! - и сорвала плакат.
- Даша, что ты делаешь?! - закричала мама, полоснув меня своим сердито попыхивающим взглядом львицы.
Но тут же расхохоталась на всю улицу, заметив, как один малыш впереди, царственно восседая на плечах своего папы, старательно отдирал друг за другом от стены висящие в длинном-предлинном ряду такие же одинаковые плакаты.

В мае у нас случилась еще одна маленькая радость - Инга купила нам всем новые телефоны, причем, модели были самые современные. Через них мы с Ниной, наконец, начали смотреть анимэ, которым увлеклись зимой. Хоть тетя Маша и утверждает, что через телефон что-то долго смотреть вредно.
Это наша Инга пошла работать.
Они устроились с Сабой рекламщиками в турфирму, которая катала туристов на катере по Куре - эта река протекает через центр Тбилиси и через нее перекинут Стеклянный мост.
В рекламщики прогулок на катерах брали только молодых и красивых, как Инга - больше девушек, чем мальчиков, И красивые девочки и мальчики от пятнадцати до двадцати лет, прекрасно одетые, всюду ходили с папками, в которых лежали красочные буклеты.
Инга и Саба отправлялись после занятий, успев сделать в автобусе на коленках что-то из уроков, в Парк Рике и прохаживались там возле Стеклянного моста с листовками, зазывая туристов, до одиннадцати часов вечера. Возвращаясь, Инга мыла ноги, которые распухали и натирались, и - сразу падала на кровать и засыпала. Ей даже не всегда хотелось съесть ужин.
Но она была по-своему счастлива и гордилась собой. Дело у нее в руках спорилось. Они с Сабой стали неплохо зарабатывать. Причем, умели собирать деньги, чего никогда не умела мама. Наш белый медведь-копилка частенько лежал на боку и сушил склеенную лапку, через дырку в которой мама выуживала купюры.

Про телефоны бабуля сказала - и мама ей тоже вторила:
- Это - лишнее. Надо бы сначала раздать долги. Но то уже - забота матери.
Она заранее предупредила, чтобы ей нового телефона не покупали и мама отдала ей свой старый.

Но Инга ответила, что будет и дальше покупать нам что-то лишнее. А о самом необходимом - да, пускай по-прежнему заботится мама, которая мыла теперь по ночам в ресторане полы. А то, мол, маме частенько приходилось отказываться от необходимого в пользу лишнего. И надо бы выровнять этот баланс.

Инга и Саба собираются устроить нам прекрасные летние каникулы. Они задумали повести нас всех на море, где мы будем жить в палаточном городке прямо на берегу, среди корабельных сосен.
Для этого они уже купили три круглые палатки и теперь собирают деньги на спальники с ковриками.
Я так и вижу это лазурное море, которое до сих пор видела только в компьютере!.. И белые парусники среди высоких волн с солеными брызгами!..
А Нина представляет, как ей будут падать прямо в рот киви, которые свисают там гроздьями с деревьев вдоль приморских улочек. Так сказала ей бабуля.

- Тетя Маша, а как ваш огород? - вспомнила я как-то за этими мыслями. - Что-то мы давно на нем не были.

И вот что тетя Маша поведала:

- У моего огорода вдруг объявился настоящий хозяин и стал заявлять свои права. Он давно забросил свой огород и когда дед Валик начал выращивать там свою петрушку, вытянувшуюся в жуткой тесноте из косточек сгнивших слив, персиков и абрикос - а гнилые фрукты, как ты помнишь, тот добывал из мусорок - он смотрел на это сквозь пальцы. А когда там появилась я, он принял меня за его родственницу.... Ну а потом, когда я все обустроила там на своей половине - посадила яблони и вырастила розы - ему, видно, захотелось самому иметь такой огород. И он потребовал его обратно.

Тут-то и выяснилось, что дед Валик продал чужой огород.
И батоно Валентину пришлось раскошелиться - пришлось вернуть мне деньги обратно. Правда, я ему немного скостила сумму, чтобы его не хватила от жадности кондрашка. Чему он был несказанно рад. Хоть и возвращал мне деньги дрожащей рукой.
Ну и ладно. Я взяла и купила на эти деньги в дом разные необходимые в быту вещи. А то я до того покупала больше книги.
- Вы, наверное, сильно расстроились.
- Да нет, не сильно. Я провела на огороде, пока вы были в школе, немало приятных минут - дышала свежим воздухом, орудовала взамен утренней гимнастики лопатой и тяпкой, наклоняясь над грядками, к тому же еще освоила азы садоводства. Так что можно считать, что я просто взяла его на год в аренду. Да и достался он мне даром - мне выслала на него деньги в подарок, попросив меня присмотреть и купить себе сад, та самая Светлана из Саратова, про которую я как-то рассказывала вам. Моя подруга, с которой мы виделись только в скайпе. Она и подарила мне сад - просто так. Ни за что, ни про что.

Я вспомнила, что тетя Маша как-то и нам купила табуреток, - наверное, тоже из той суммы. Потому что на нас она пока может работать только в долг. И подумала, что надо бы найти эту Светлану в интернете и написать ей: "Спасибо".

Но вместо этого я спросила:
- А правда, что на саратовскую землю приземлился первый космонавт планеты? Нам учительница говорила.
- Правда. Причем, совершенно случайно. Саратовцы даже шутили: "Где родился, так и пригодился". Хотя, строго говоря, родился он под Смоленском. Но в Саратове учился в техникуме и посещал аэроклуб.
- А мама окончила школу имени Гагарина. В ней теперь учится Инга. Правда, когда школа стала грузинской, ее переименовали. А один мамин одноклассник даже стал космонавтом. Его взяли в отряд космонавтов!
- Знаю-знаю. В Саратове есть целый Проспект Космонавтов. А еще у них в центре города на Соколиной Горе - есть памятник "Летящие журавли"... Ну, ты понимаешь, наверное... Это монумент погибшим воинам, которые, быть может, превратились в журавлей. А еще прямо в парке на Горе повсюду стоят настоящие танки и самолеты времен Отечественной войны. И дети среди них так и бегают.

- А еще в Саратове родился Николай Гаврилович Чернышевский - автор романа "Что делать?" Он показал в своем романе, что быть альтруистом намного выгодней, чем оставаться эгоистом. И доказал это всей своей жизнью, проведя за свои убеждения лучшие свои годы в тюрьме, на каторге и в ссылке.

- Потому что ему было так выгодно - да, тетя Маша?

- Ну, вот ты все и поняла, Даша. Чтобы отличить альтруизм от противоположного ему во всем животного эгоизма, Николай Гаврилович придумал ему название - *разумный эгоизм*.

Немного помолчав, тетя Маша добавила:
- Жалко только, что после того, как я ушла с огорода, сосед не поливал там деревья и две из посаженных мною яблонь засохли. Хотя я и перелезала на первых порах поздно вечером с ведерком через забор и делала полив втихаря... А еще он выкорчевал с корнями розы, когда удалял петрушку деда Валика... Ну да ладно, пусть это будет на его совести. Одна яблоня все равно прижилась и - ничего, растет!.. Будем надеяться, что у него рука не поднимется ее спилить.

Вскоре после этого разговора тетя Маша привезла из питомника саженец акации какого-то очень раскидистого и долголетнего сорта. И мы вместе с ней и Ниной посадили его на площадке перед домом - между двух лавочек, на спинках которых была отлиты переплетенные виноградные лозы.
Тетя Маша сказала, что нынче в наших краях много иволог. Они понаделали здесь гнезда и их птенцы обязательно вернутся сюда следующей весной. А их потомки - они тоже будут всегда возвращаться – будут петь и гнездиться в ветвях нашей акации.
Я представила огромное дерево, обнимающее двор и в нем, среди белых душистых цветков с золотистым отливом, поют своими голосами-флейтами ярко-золотые иволги с черными крыльями и хвостом.

- А еще, девочки, вы знаете, - добавила тетя Маша, достав из сумки маленький том с оленем на обложке. Сев на лавочку, она раскрыла его - он весь уместился на ее ладонях, - я раньше не понимала, что чувствуют растения, когда их срезают осенью ради зерен и плодов те же руки, которые бережно вырастили их из семян. Но великий грузинский поэт Важа Пшавела открыл мне это.

И тетя Маша прочитала:

Как станут колосья стеной,
И тут я от просьб их чумею.
Тот с этой, а этот с иной,
Всем племенем, шея на шее.
Душ в тысячу эта толпа
Бушует о разном и многом.
Сдается, при блеске серпа
Кажусь я каким-то им богом.
Срежь нас! протеснясь к лезвию,
Кивают головками злаки.
Нет, нас! Мы стоим на краю!
Другие мне делают знаки".
"Чуть туча душа ниже пят.
Смотри, как зерном нас расперло.
А ну как посыплется град"
И хряснет холодным по горлу…
Иные орут: "Пощади!
Дай бог тебе силы и счастья".
Послушать так сердце в груди
С нескладицы рвется ни части
На всех угодить не посметь.
Ни рук ведь, ни глаз не хватает.
Намечешься день и как плеть.
К заре тебя с ног подсекает.
А чем против градины серп
Любезнее сердцу колосьев?
Боятся, что людям ущерб,
Иные печали отбросив;
Зерно для народа соблюсть,
А не для вороньего клева,
Вот вся-то забота и грусть
Пшеницы золотоголовой.
Затем-то, шумя на ходу,

Под серп и торопится жито,
Чтоб людям пойти на еду,
А будут голодные сыты,
Чтоб к небу молитвы несло
Простить прегрешенья умершим.

- Вы поняли? - сказала тетя Маша. - Съедобные растения думают о том, как исполнить свой долг. Смысл их жизни в том, чтоб поддерживать жизнь человека. Чтобы тот возвышал ее, - жизнь, - до небес. И вернул бы потом когда-нибудь на Землю бессмертие. Человек может благодарно собирать их, как делал Миндия, от имени которого ведется повествование. Травы даже плачут при этом от счастья:

Он рвет их, покуда темно,
И только роса их курчавит.
Он знает: из них ни одно
Ни в грош свою целость не ставит.

Немного призадумавшись, тетя Маша добавила:
- А вот деревья спиливать нельзя. Потому что у них долгий век. И потому что многие из них дарят нам плоды, позволяя просто срывать их. Или роняют их на землю сами... А когда ты подходишь с топором, то они беззвучно молят: "Не тронь меня, слышишь, не тронь!...". Об этом Важа Пшавела тоже написал в своей поэме "Змеед".

И она прочитала еще один отрывок:

Но иначе плачут деревья.
Лишь Миндии внятен их стон,
Их жалобы и настоянья,
И в жизни от этого он
Не чувствует преуспеянья.
Чуть скажет, стволу не в укор:
Мне надо тебя на дровишки,
А жалость отводит топор,
И нет от нее передышки.
"Не тронь меня, слышит, —
не тронь,
Красы не темни мне окружной.
За то ль меня с солнца в огонь,
Что я пред тобой безоружно?"
Он смотрит кругом, одурев,
А сметит какое меж ними,
Так сверх пощаженных дерев
То стонет еще нестерпимей.
И вот он домой порожнем,
Не взявши с собой ни полена,
А чтобы не вымерзнул дом,
Жжет дома солому и сено.
В подмогу валежник, кизяк,
Все, что подберет он дорогой,
За что всякий раз, что ни шаг,
Всегда благодарен он богу.
И с тем же советом для всех

Твердит он соседям, как детям:
Деревья рубить это грех.
Довольствуйтесь суховетьем.
Но мнения не побороть,
Что это одно сумасбродство.
Ведь все это создал господь
Для нас и для нужд домоводства.
Лес рубят по-прежнему все.
Редеют чинары и клены.

Очень мне запомнился этот день.
Долго звучал у меня в ушах немой крик деревьев: "Не тронь меня, слышит, — не тронь!..".

Наша Инга тоже полюбила стихи. Они с Сабой читают их в интернете. Однажды одно стихотворение так тронуло ее, что она заставила всю нашу семью оставить все свои дела и замолчать. Она встала перед нами и так и сказала:
- Замолчите!.. А теперь слушайте.

И прочитала стихи, написанные на грузинском языке каким-то неизвестным автором. Они были длинные, я понимала не все, но поняла, что один дядя - герой стихов - все вопрошал Бога - "За что?!". Все спрашивал: "Почему, ты, Боже, такой жестокий, почему смотришь так спокойное на то, как стенает и мучается все живое?". Он долго перечислял эти муки. И даже крикнул под конец: "Да кто ты, Бог, такой?.. Откройся!"
А Бог открыл свое заплаканное лицо и сказал:
"Я Сына своего вам отдал единственного!.. Что еще я могу для вас сделать, что?!."

Однажды я подошла к маме, и у нас состоялся большой и серьезный разговор:

- Мама, а почему наш папа - такой?
- Какой?
- Ну... почему папа стал вором?
- Ты же знаешь, к тому времени как мы встретились, он уже завязал. Но если ты интересуешься, я скажу. Мне кажется, что на него повлияло то, что случилось с его дядей, когда папа с братом были еще совсем маленькими.
- А что случилось с его дядей?
- Их дедушка - тогда он еще был молодым - подрался с соседом из-за земли.
- Из-за земли?..
- Да, моя дорогая. Они не поделили у себя в деревне какой-то кусочек земли возле межи, подрались и дедушка в драке случайно убил соседа ножом. А в тюрьму вместо него пошел младший сын, взяв вину на себя - он так сам решил и умолил всех не вмешиваться... Его осудили на очень долгий срок. Но после суда он исчез... А куда - не смогли узнать даже правоохранительные органы. Он словно в воду канул. И никто с тех пор о нем ничего не слышал.
- Бедный папин дядя!... Неужели он так вот сгинул ни за что, ни про что? И что - совсем нельзя его найти?
- Я думаю, что такими же вопросами задавались и папа с его братом. И - обозлились на весь мир. Особенно - на правоохранительную систему. И назло всем стали нарушать закон... Ну а потом папа одно время подрабатывал начальником бригады маляров, которые занимались покраской только что построенного храма. И эта храмовая атмосфера

и общение с верующими людьми заставили его одуматься. И он тогда отошел от прежних приятелей. Правда, в религии он тоже не остался.
- А как смотрели на все это его родители?
- О!.. Бедные родители. Говорят, они были хорошими людьми. Отец - проводник поезда, мать - домохозяйка. Мать скончалась, когда оба сына сидели в КПЗ, причем, оба в одной камере... Не выдержало сердце. А отец умер годом раньше. Они оба очень хотели внуков, а эти балбесы - они даже жениться не желали. Мама иногда умоляла их жениться. Просила: "Хочу, чтобы на моей могиле прыгали внуки!"... И ты знаешь, Даша... Ты помнишь как мы ходили в прошлом году в поминальный день после Пасхи на кладбище и я, после того, как мы навестили мою маму - я повела вас на могилы ваших дедушки и бабушки со стороны отца? Вы тогда побывали на них впервые.
- Да, мамочка, я помню... Мы еще долго искали их.
- Вы еще с Ниной что-то разыгрались и несколько раз пробежались друг за дружкой по могилам, а потом запрыгнули на плиты и стали прыгать на одной ножке. Увидев это, я крикнула: "Даша!.. Нина!.. Вы что?!... Ненормальные!...Немедленно сойдите оттуда!". И вдруг осеклась... Мне привиделось, что ваши дедушка с бабушкой тихо сидят, обнявшись, на скамейке у своих могилок и, глядя на вас, блаженно улыбаются.
Потом вы с Ниной взяли по пасхальному яичку и покатили их навстречу друг другу по бабушкиной плите. И представляете, они сошлись точно посередине и, остановились, как вкопанные. Словно бы кто их соединил вместе.
Оттуда мы перешли на могилу моего двоюродного брата Димы, сына нашей бабули. Который ушел молодым так нелепо, сгорев от чахотки.
Мы поставили свечи.
И вдруг там мне почудилось, что он хочет, чтобы я зажгла сигарету.
А он был большой любитель курева и часто посылал меня в магазин за сигаретами. Он даже иногда в шутку просил, даже если не надо: "Ну что, сестренка, сбегаешь за сигаретами?". Он любил достать первую сигарету из пачки, память ее в пальцах и - сжечь дотла при помощи зажигалки. Он задумчиво наблюдал за тем, как она горела в пальцах и сбрасывал потом пепел в пепельницу.
И вот я взяла и воткнула в землю сигарету. И подожгла ее зажигалкой в память о брате.
А она вдруг вся воспламенилась и сгорела в один миг.
И я словно услышала смех.
Словно Дима дал понять через эту сигарету - что он здесь и слышит нас.
Тут я, забывшись, мысленно выругалась: "Придурок! Тебе же нельзя курить!..."
И - опять осеклась...

- Мама, неужели мертвые вот так вот сидят и ждут нас у своих могил, пока мы не придем к ним раз в год в поминальный день? А все остальное время... как же они там без нас?
- Нет, мертвые не привязаны к могилам. Мне думается, что у своих могил они встречают нас только потому, что мы туда приходим. А на самом деле ушедшие всегда с нами - стоит только вспомнить о них. Всегда и всюду, в любое время и во всякий час. Ведь духовный мир не знает границ. Я верю, что все наши предки, весь наш род хранят нас с небес, помогая нашим ангелам-хранителям. Особенно, если среди них есть кто-то святой.

- А тетя Алена говорит, что контакты с мертвыми запрещены. Подумай сама – как бабушка Инга и дядя Дима могут молиться за нас из ада?.. Ты, мама, такая доверчивая!.. Ты совсем не думаешь про то, что это падшие духи притворяются умершими родственниками, чтобы подавать недобрые советы, хитро мешая их с правдой!
- Да, моя дорогая. Наверное, тетя Алена права.

И вот - ура! - нас распустили на летние каникулы!
Мы, наконец, выбежали из школы и долго неслись из нее без оглядки.
Хотя мне и было немного жаль, что теперь будет не с кем поговорить об анимэ.
Почти весь год мне очень не хотелось ходить в школу, и я часто пропускала ее.
Но в последнее время меня так удивлял Диего, что мне даже стало интересно приходить посмотреть на него.
Он стал совсем другим.
Диего связался с длинным Алексом и Артуром - и стал на них похож.
Алекс и Артур втянули его в свою шпионскую игру. У них появились какие-то общие шпионские тайны. Учительница уже выгоняла их всех троих из класса, чтобы они имели возможность обсудить их в коридоре.
Диего стал разболтанным, грубил девочкам и учительнице английского языка. Галстук он снял, воротничок расстегнул. Да и учиться стал хуже.

Все в нашем классе с кем-то дружат.
Нина дружит с Тоней.
Сашка - с Ксюшей.
Милена - с маленьким Алексом по-прежнему не дружат, но так люто, что это все равно, что дружат.
И только я - ни с кем не вожусь.

Но под конец меня очень удивил большой Алекс.
Он подошел ко мне на физкультуре и, кашлянув в кулак, громко сказал, что любит меня.
Хорошо еще, что никого не было рядом.

Потом он тихо добавил, что им нужна разведчица. И что когда бы я ни захотела - я могу вступить в их игру в качестве разведчицы. И он готов ждать меня сколько угодно. Он никогда не возьмет на это место никого другого.

Я растерялась и ответила:"Давай отложим это на потом". И что я хочу, чтобы он пока остался мне просто другом.
«Как хочешь», - скромно сказал Алекс и тотчас удалился как настоящий воспитанный мальчик, которых я видела только в старом кино и в лице прежнего Диего.

Потом мы опять как-то сошлись с ним в школьном коридоре и от души поговорили об анимэ - он тоже им увлекается. Мы долго азартно перечисляли кто что смотрел и какие там дальше события в следующих сезонах. И вкусы у нас оказались в чем-то похожими.

Хотя вообще-то у нас в классе почти все смотрят анимэ.

Анимэ - то есть японские мультики про подростков - это такая штука, которая необходима в нашем возрасте как воздух. Особенно двоечникам. То есть... Я сейчас, наверное, несу чушь, ведь ими увлечены сейчас почти все. Но двоечникам без них - совсем никуда.

Ну как нам иначе узнать про свою будущую жизнь, прежде чем мы вступим в нее - как нам узнать про жизнь подростков, - если в "Азбуке" пишут только про жизнь малышей?

Все мультики про малышей мы уже посмотрели.
Мы уже не малыши!
А у подростков жизнь интенсивная, загадочная.
Простыми словами о ней не расскажешь.

И кратко - тоже не сможешь рассказать.
А если бы кто и смог сказать о подростках кратко - мы еще не умеем как следует читать!

Вот и не осталось нам ничего другого, как смотреть про жизнь подростков анимэ!
Тетя Маша вот говорит про один мой любимый фильм: "Красивый фильм. Красивая музыка. И герои как на подбор - тоже красивые. Все понимаю, все принимаю... Но зачем же этот красивый главный герой - вампир?".
Но тут тетя Маша, во-первых, действительно чего-то не понимает. А во-вторых - если она хочет сказать, что некоторые анимэ плохие, то - пускай режиссеры снимают хорошие. Анимэ не становятся плохими от того, что их иногда снимают дураки.

А двоечникам анимэ необходимы вдвойне! Ведь они вообще не могут вначале одолеть ни одной детской книжки и даже часто путаются, когда читают коротенькие, как кажется взрослым, а на самом деле такие длинные истории из "Азбуки".

Подам-ка я тете Маше для ее статьи эту идею про бедных двоечников, которые проходят мимо настоящей жизни, потому что узнают про нее не из книг.

Когда мы разбежались после последнего звонка из школы, некоторые из нас были как звери. И это буквально.
В тот день, когда наши родные пришли за нами, мы встретили их в костюмах героев из сказок и мультиков.
Мы посадили вошедших за парты, а сами встали перед ними в ряд и принялись декламировать стихи своими звонкими и уже немного дерзновенными голосами.
Я была в костюме Лисички. Нина - в костюме Карлсона. Сашка был Волшебником Гудвином. Ксюша - Мальвиной. Тоня - Дюймовочкой… Маленькому Алексу досталась роль Зайца из "Ну, погоди!". А большому - роль Серого Волка, но Волка из Красной Шапочки. Хотя, на мой взгляд, ему бы больше подошла роль Волка - помощника Иванушки-Дурачка.
А Красной Шапочкой была - кто бы мог подумать! - Милена.
Все очень беспокоились, справится ли Милена с ролью и на всякий случай поставили рядом с ней Диего в роли Доктора Айболита. А в зале между тем дежурил другой доктор - тетя-детский психолог, которую нанял ей папа.
Но Милена справилась. И даже сумела поцеловать подскочившую к ней с букетом малышку.
Я втайне радовалась, что мне не достался костюмчик Лисы ее детсадовской поры, который, наверное, навеки пропитался колбасой. Тетя Милены - она костюмер - предлагала маме купить у нее Лису за полцены. Но Саба взял нам напрокат костюмы в театре.

После представления Раиса Тимофеевна вышла вперед и сказала:
- Дети, попрощайтесь с Ксюшей и Сашей - они уходят от нас в другую школу.

Нда... Немного жаль.

Я по-прежнему прихожу на детскую площадку перед нашим бывшим корпусом. Ведь здесь у меня есть Мамука и Темука. Есть Илья.
Но - прихожу все реже.
Здесь стало грустно.
Мне даже не помогает будущее дерево, которое мы посадили с тетей Машей.
Птицы из будущего - не поют мне!..

Я рассеянно играю с кем-нибудь из ребят и посматриваю на окна Кети.
Наши два корпуса, стоя напротив друг друга, все так же глядят друг другу в окна.

Иногда я опять направляюсь в корпус напротив, взбираюсь на шестой этаж и стучу.
Но ответа - нет.

Потом я долго качаюсь на качелях, которые почему-то стали скрипучими, и, когда становится совсем темно - остается только этот скрип, который я уношу потом к себе домой и не знаю как выплакать его.

Как-то тетя Маша, - это уже было в начале лета - поймав нас с Ниной у корпуса, сказала каким-то изменившимся, посерьезневшим голосом:
- Погодите!.. Я должна вам что-то сказать... И это очень серьезно. Присядьте... Время идет, вы растете. И - скоро вы забудете меня. И меня - и некоторых других своих старших наставников... Не перебивайте!... Вы будете считать, что мы - это вчерашний день. У вас появятся новые друзья, другие интересы... Я хочу сказать, что не обижусь на вас за это. Вы только постарайтесь... постарайтесь остаться людьми!.. А теперь - идите... Хотя стойте!

Тетя Маша, переведя рассеянный взгляд в какую-то точку поверх наших голов, добавила:
- Все меняется. Вы еще можете стать совсем другими, совсем другими... Никто даже не поверит, глядя на вас, что вы были такими!..

- Вы хотите сказать, что нам пора... - пролепетала я, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Я безуспешно пыталась вытереть их рукой. - Что нам пора... становиться бабушками?

Но тетя Маша, взглянув на нас задумчиво и светло, едва заметно улыбнулась и - ничего не сказала".

Это второе - летнее - письмо Деду Морозу Даша не стала запечатывать в конверт, а сделала из него бумажный кораблик и отпустила в вечное плавание по ручью, что сбегал с горы недалеко от дома.
Она только немного посетовала, что забыла мысленно приписать в конце, что вообще-то то, что нарисовало ее воображение - всего лишь рисунок. Да и то выполненный простым карандашом. И относиться к нему так и следует - как к рисунку.
А на самом деле она живет волшебно.
Словно у нее каждый день - Новый Год с Днем рождения в придачу.
И она - держит в руке воздушный шар, полный золотых огней.

3 сентября 2019г

Послесловие

Когда-то в одной из своих статей я написала: "Детство - это не место и не время, а способ существования души".
Душа же "по природе своей христианка", как сформулировал эту мысль еще Бл.

Августин.
Все, что человеку нужно - это позволить своей душе быть.

Данная повесть и стала итогом моих многолетних наблюдений за жизнью маленьких детей как душ в чистом виде.
В том числе - наблюдений за жизнью, взрослением, воспитанием и обучением двух учениц начальной школы, с которыми я занималась в качестве домашнего учителя.
Одной из тем - является изображение и художественный анализ проблем современного начального школьного образования и воспитания.

Многие изображенные в повести события переданы мною с документальной точностью.
Но мне бы не хотелось, чтобы читатели ограничились бы только фактической стороной.
Думаю, проницательный читатель разглядит проходящую лейтмотивом очень важную мысль... Даже не мысль, а - не побоюсь этого слова - интуитивно найденную гипотезу.

Суть этой гипотезы вот в чем.

По моему предположению, изначально человек рождается без Эго и подсознания.
Он просто - чистое бытие.
Еще естественный и непосредственный ребенок.

Но ему еще предстоит научиться управлять своей силой и приобрести разнообразные навыки, умения, знания.
Ему еще предстоит стать сознательной личностью.
Предстоит адаптироваться к миру, который, согласно Библии и другим священным Писаниям - является падшим.

И вот тут-то его ждут многочисленные препятствия.

Они могут исказить его нормальное развитие.

В ходе неправильного обучения с помощью отдельных представителей взрослого мира - ребенок может стать раздвоенным: то есть обрасти Маской (Персоной).
В результате чего часть его натуры станет вытесненной в защитно возникшее искусственное образование в его психике, которое принято называть подсознанием.
Говоря образно, травмированная душа-Психея сложит при этом крылья и превратится в распавшуюся на дихотомии психику.

Тогда-то вместе с Тенью и появится Эго.

Увы, большинство детей неизбежно обречены на этот процесс.

Поэтому с еще цельным маленьким ребенком надо обращаться предельно аккуратно.
Носиться с ним, как с хрустальной вазой!... Буквально - нянчиться!

Чутко отслеживая все его глубинные потребности. В том числе потребности во взрослении.

Любое насилие - в том числе интеллектуальное и моральное - должно быть исключено!

Это не означает, что воспитание станет лишенным духовно-нравственной и

интеллектуальной основы - нет-нет, как раз наоборот!

Именно опираясь на высокую христианскую нравственность и передовую гуманистическую педагогику, гуманистические науку, литературу и искусство, необходимо ненавязчиво помогать ребенку гармонизировать все его силы, помогать справляться с травмами, полученными в мире, лишенном правильных подходов к тем или иным вопросам бытия..

Конечно, в ребенке есть и гены - и через них может включаться дурная наследственность. В генах могут присутствовать и не самые лучшие склонности.

Но у еще цельного ребенка есть шанс прийти с помощью своих наставников к Богу и - эта дурная наследственность с Божьей помощью может так и не включиться. Дурные склонности могут быть полностью изглажены - опять-таки с Божьей помощью.
И ребенок будет, таким образом, спасен по Благодати.
Его натура останется цельной. Из него вырастет прекрасный сознательный Человек.

Автор

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17696591
https://doi.org/10.5281/zenodo.17696591
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).